

АНТИНОМИИ



yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2023

Том 23
Выпуск 3

Олег Матвейчев

Цена прогресса. К вопросу
о пользе письменности

Светлана Оболкина

Онтология машины.
Блеск и нищета машинизма

Надежда Бряник

Становление
классической философии науки
и эволюция ее форм

Даниил Тютченко

Влияние гегельянства
на французскую философию
XX столетия:
течения Александра Кожева
и Жана Ипполита

Владимир Анисимов

Трансформация медиакультуры:
пастиш, симулякры и ремедиация
во франшизах «Одни из нас»
и «Киберпанк 2077»

Петр Панов

Эффекты персонификации
голосования на президентских и
парламентских выборах в России





Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 3

Екатеринбург – 2023

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>



Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons



Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 23

Issue 3

Yekaterinburg 2023

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>



The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Матвейчев О.А.</i> Цена прогресса. К вопросу о пользе письменности	7
<i>Оболкина С.В.</i> Онтология машины. Блеск и нищета машинизма.....	20
<i>Брянник Н.В.</i> Становление классической философии науки и эволюция ее форм	42
<i>Тютченко Д.А.</i> Влияние гегельянства на французскую философию XX столетия: течения Александра Кожева и Жана Ипполита	62
<i>Анисимов В.А.</i> Трансформация медиакультуры: пастиш, симулякры и ремедиация во франшизах «Одни из нас» и «Киберпанк 2077»	81

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Панов П.В.</i> Эффекты персонификации голосования на президентских и парламентских выборах в России	97
Книжная полка	117

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

O. Matveychev. The Price of Progress. To the Question of the Benefits of Writing	7
S. Obolkina. Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism ...	20
N. Brianik. Formation of the Classical Philosophy of Science and the Evolution of Its Forms	42
D. Tyutchenko. The Influence of Hegelianism on the French Philosophy of the 20 th Century: The Theories by Alexandre Kojève and Jean Hyppolite.....	62
V. Anisimov. Transformation of Media Culture: Pastiche, Simulacra, and Remediation in “The Last of Us” and “Cyberpunk 2077” Franchises	81

POLITICAL SCIENCE

P. Panov. Effects of Personification of Voting in Presidential and Parliamentary Elections in Russia	97
Shared Shelf	117

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY



Матвейчев О.А. Цена прогресса. К вопросу о пользе письменности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 7-19.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_7

УДК 1(091)

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_7

Цена прогресса. К вопросу о пользе письменности

Олег Анатольевич Матвейчев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия
E-mail: matveyol@yandex.ru

*Поступила в редакцию 11.04.2023, поступила после рецензирования 17.05.2023,
принята к публикации 10.07.2023*

В статье анализируется эпизод диалога Платона «Федр» о вреде письменности для когнитивных способностей человека. Опираясь на ряд античных источников, автор показывает, что греки классического и более ранних периодов отдавали приоритет устному слову перед письменным, в первую очередь в сфере судопроизводства, где письменное свидетельство не считалось самодостаточным, могло быть легко оспорено в суде противоположной стороной и выполняло лишь вспомогательную функцию. Также в статье разоблачается миф об исключительной роли письменности в становлении и развитии древних цивилизаций в целом и Древней Греции в частности. Подчеркивается, что даже после обретения письменности многие культуры относились к ней настороженно, усматривая опасность деградации. Считалось, что человек, доверивший информацию бумаге, пергаменту или глиняным табличкам, перестает развивать память и пользоваться мозгом как средством сохранения



© Матвейчев О.А., 2023

информации. Кроме того, важная и секретная информация, размещенная на том или ином материальном носителе, подвергается опасности быть похищенной, прочитанной врагами или недоброжелателями, уничтоженной при пожарах, стихийных бедствиях и т.д. Автор статьи отмечает, что «оральная культура», бывшая достоянием не только греков, но и всех индоевропейских народов, нигде не исчезла, зафиксировавшись в области наиважнейшего – при принятии секретных политических решений, в военной сфере и т.д. Выдвигается гипотеза, что следствием введения письменности могла стать в свое время катастрофа «Темных веков», на три столетия погрузившая Грецию и другие страны Средиземноморья во тьму невежества и варварства. Утратив способность запоминать длинные тексты и доверив важнейшую информацию «внешним носителям», люди бронзового века могли легко потерять ее по ряду причин. Цена прогресса оказалась для народов микенской эпохи чрезвычайно высокой. Напоминая о последствиях произошедшего коллапса, автор статьи призывает более внимательно относиться к аргументам современных противников цифровизации.

Ключевые слова: история философии, устные цивилизации, Древняя Греция, Платон, «Федр», письменность, память, цифровизация

The Price of Progress. To the Question of the Benefits of Writing

Oleg A. Matveychev

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia
E-mail: matveyol@yandex.ru

Received 11.04.2023, revised 17.05.2023, accepted 10.07.2023

Abstract. The article analyzes an episode of the Plato's dialogue Phaedrus about the harm of writing to human cognitive abilities. Relying on a number of ancient sources, the author shows that the Greeks of the classical and earlier periods gave priority to the oral word over the written one, primarily in the field of legal proceedings, where written evidence was not considered self-sufficient, could easily be challenged in court by the opposing party and performed only an auxiliary function. The article also exposes the myth about the exclusive role of writing in the formation and development of ancient civilizations in general and Ancient Greece in particular. It is emphasized that even after the acquisition of writing, many cultures were wary of it, seeing the danger of degradation. It was believed that a person who entrusted information to paper, parchment, or clay tablets ceased to develop memory and to use the brain as a means of storing information. In addition, important and secret information placed on a particular material carrier is in danger of being stolen, read by enemies or ill-wishers, destroyed in a fire, natural disasters, etc. The author of the article notes that the "oral culture", which was the property not only of the Greeks but also all Indo-European peoples, has not disappeared, remaining in the field of the most important information – when making secret political decisions, in the military sphere, etc. The hypothesis is put forward that the catastrophe of the Dark Ages, which plunged Greece and other Mediterranean countries into the darkness of ignorance and barbarism for three centuries, could have been a consequence of the

introduction of writing. Having lost the ability to memorize long texts and entrusting the most important information to “external carriers”, people of the Bronze Age could easily lose it for a number of reasons. The price of progress turned out to be extremely high for the peoples of the Mycenaean era. Recalling the consequences of that collapse, the author of the article calls for more careful consideration of the arguments deployed by modern opponents of digitalization.

Keywords: history of philosophy, oral civilizations, Ancient Greece, Plato, Phaedrus, writing, memory, digitalization

For citation: Matveychev O.A. The Price of Progress. To the Question of the Benefits of Writing, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 7-19. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_7

Греки против письма

Беседуя с любознательным Федром в одноименном диалоге, платоновский Сократ пересказывает ему древнюю легенду о создании письменности египетским богом Тевтом (Тотом). Свое изобретение Тевт продемонстрировал царю Тамусу, заявив, что новая наука «сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Вердикт царя был строг: «Искуснейший Тевт, один способен породить предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмомен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по сторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» (274c-275b) (Платон 1993: 186). Другими словами, образование, полученное из книг, легковесно, ему сложно удержаться в памяти человека; чтобы стать мудрым, нужно пройти длинный, управляемый учителем путь поиска истины.

Недостатки письменной речи в сравнении с устной Платон раскрывает также в VII письме (341c-e), заочно полемизируя с Дионисием, плагиатором и самозванцем от философии, решившим, что истина о метафизике не может быть выражена в письменной форме. «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлых вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек никогда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невеждам» (344b-c). Вот и тот же Дионисий, будь он мудрым, вряд ли стал бы записывать услышанное о первопричинах природы, в том числе

ради памяти, «ведь нечего бояться, как бы он этого не забыл, раз уж он воспринял это в свою душу» (344d-e) (Платон 1994: 496)¹.

Вызубрить «правильные слова», не понимая их смысла, можно и на слух, но без письменных подсказок они будут «выветриваться» из головы. Не забывается только то, что воспринято в душу с пониманием. Впрочем, здесь еще можно поспорить: частое повторение одних и тех же мантр помогает их не забыть, но не требует понимания смысла. Поэтому главный вред письменности в общем-то не в этом.

Сократ поясняет Федру мысль Тамуса, сравнивая письменность с живописью, способной лишь демонстрировать нечто, каждый раз одинаково, но не доказывать. Так и писанные тексты всегда говорят одно и то же, причем и людям понимающим, и неучам, то есть не выбирая себе читателя. Толковый же земледелец не станет сажать все свое семенное зерно в плошку, где выращивают за восемь дней ростки для праздника Адониса. Он посадит туда лишь часть, достаточную, чтобы воздать дань богу весеннего расцвета, прочее засеет в поле, более подходящее для сельскохозяйственных нужд, и станет терпеливо ждать урожая, который созреет нескоро, лишь через восемь месяцев. Схожим образом поступает и мудрец, знакомый с диалектикой. «Взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, способные помочь и самим себе и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек» (275d-277a) (Платон 1993: 188).

Таким образом, письмо не видит «целевой аудитории» и обращается ко всем подряд, что опасно. Христос эту мысль выразил предельно четко: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Эту истину, конечно, знали и до Христа. Недаром все древние учения имели эзотерическую и экзотерическую части, первая из которых передавалась устно. Эти правила выстраданы. Человечество имело достаточно способов убедиться, что полуобразованные субъекты, находясь, в соответствии с эффектом Даннинга-Крюгера, на пике уверенности в себе, разрушали и общество, и культуру, которые их породили, но которые они не успели до конца осмыслить.

Обращение Платона к египетской традиции было неслучайным. Во-первых, указание на египетское, а стало быть, древнее происхождение мысли о сущности письменности придавало ей дополнительную основательность. Во-вторых, сюжет о Тевте и Тамусе имел внутренний конфликт. Прометей, также почитавшийся в Греции как изобретатель письма, для такой роли не годился – в легенде у него нет оппонента, готового раскритиковать

¹ В этом тезисе нередко видят прямое доказательство существования у Платона некоего тайного, эзотерического, неписаного учения, доступного лишь посвященным. Концепция неписаного учения Платона была выдвинута В. Теннеманом в конце XVIII в. и через полтора столетия развита с новых позиций Г. Кремером и К. Гайзером, положившим начало так называемой тюрингенской революции в платоноведении.

его нововведение. К слову, Прометей, несмотря на множество легенд о нем, никогда не почитался греками наравне с богами и героями. Ему не посвящали храмы и даже не ставили памятники (Мештерхази 1977: 22). Лишнее свидетельство, насколько греки ценили письмо. Кстати, Гесиод умалчивает о функции Прометея как культурного героя, давшего грекам азбуку, представляя титана лишь как похитителя огня. Роль Прометея как изобретателя письменности появилась лишь у Эсхила, устами своего героя также перевозившего ее как средство сохранения информации и усиления возможностей памяти: «Я для людей измыслил и сложенье букв, Мать всех искусств, основу всякой памяти» (Aesch. Prom. 460-461) (Эсхил 1971: 188).

Между тем отношение к письму как безусловному благу отнюдь не было превалирующим трендом. А.А. Глухов, ссылаясь на американского историка древнегреческого права М. Гагарина, утверждает: «...приоритет устного слова перед письменным отличается панэллинской повсеместностью: греки ставили устное слово, молву и память, выше письменного» (Глухов 2014: 141). Прежде всего, это касалось судопроизводства. Сами законы, введенные Ликургом, именовались *ῥήτραι* – «говоримые», «устные»; их было запрещено записывать.

Письменное свидетельство не считалось самодостаточным – оно легко могло быть оспорено в суде противоборствующей стороной, не имея возможности себя защитить. Это положение коррелирует с мыслью из «Федра», что всякое записанное сочинение, если на него нападают критики, «нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе» (275e) (Платон 1993: 187). Слова разных людей имеют разный вес. Поучение из уст героя или старца воспринимается как подтвержденное его жизнью, из уст людей с подмоченной репутацией – как лицемерие. Сведения из «хорошо информированного источника» воспринимаются с доверием, иначе, чем слухи между женщинами на базаре. По письменному источнику мы не можем понять, кто стоит за ним, кто за него ручается.

Сами законы, зафиксированные на материальном носителе, по словам Демосфена, неспособны прийти на помощь молящему о ней, «ведь это написанные тексты, и они сами по себе не могут ничего сделать» (Demosth. XXI 224) (Демосфен 1994: 130). Мощь законов состоит в их неукоснительном выполнении, стало быть, они сами нуждаются в защите, как и те, кого они защищают, а «ущерб, нанесенный законам, следует считать ущербом для всего общества. Ничто не должно спасать от наказания нарушителя законов – ни исполнение литургии, ни жалость, ни кто-либо из людей, никакие уловки или что бы то ни было вообще» (Demosth. XXI 225) (Демосфен 1994: 130-131).

На то, что писанный текст не имеет такой силы, как народная память, указывает оппонент Демосфена оратор Эсхин в своей речи против Ктесифонта, внесшего в народное собрание предложение наградить Демосфена за его патриотическую деятельность золотым венком и принять соответствующий документ. Эсхин перечисляет имена Фемистокла, Мильтиада, Аристида и предлагает Демосфену показать хотя бы один указ о награждении этих великих мужей венками. «Нет? Неужели народ так неблагодарен?

Напротив, народ наш высокодушен, и мужи эти вполне его достойны: они полагали, что слава – не в писаных постановлениях, а в памяти благоделительствованных, и память эта остается жива с тех давних пор и до нынешнего дня» (Aeschin. Ctesiph. 181-182) (Эсхин 1985: 196).

Мы видим, что в древнегреческой традиции письменность воспринималась не как безусловное благо цивилизации, а, скорее, как некие «костили», имеющие несамостоятельную, вспомогательную функцию. Категоричное *verba volant, scripta manent* («слова улетают, написанное остается»), аналог русского «что написано пером, не вырубишь и топором») будет характеризовать уже другую культуру, с ее особым отношением к писаному праву.

Надо сказать, что весь индоевропейский мир не доверял самое важное письму, даже когда оно было широко распространено, то есть был устным миром, не из-за недоразвитости, а в силу принципиального неприятия письма. Новгородские берестяные грамоты содержат все что угодно, деловую и любовную переписку, но только не священные тексты. Аналогичная ситуация с хеттскими и вавилонскими табличками: это хозяйственные отчеты, бухгалтерские книги и военные депеши. Индийские Веды были записаны спустя тысячелетия после того, как передавались из уст в уста. В Иране при угрозе исчезновения жрецы, также жившие в устной традиции, были вынуждены придумать авестийский язык, чтобы записать Авесту.

В этой связи обратим внимание на распространенное мнение об исключительной роли письменности в становлении и развитии древних цивилизаций в целом и Древней Греции в частности. Согласно этому представлению, дописьменные народы были примитивными. Изобретение же письменности стало прогрессом. Между тем очевидно, что, даже обретя письменность, многие культуры (и греческая не является исключением) относились к ней настороженно, усматривая опасность деградации, ухудшения когнитивных способностей. Человек, доверивший информацию бумаге, пергаменту или глиняным табличкам, перестает пользоваться своим мозгом как средством сохранения информации. Как класс пропадают люди, которые могли удерживать в голове громадные тексты типа «Илиады», «Одиссеи» и других эпических произведений, хранящих родовую память. Да и простые люди нередко довольствуются лишь кратким содержанием поэм, на полное прослушивание которых уходило до пары десятков часов. Вот как, например, пересказывает гомеровскую «Одиссею», состоящую из более чем 12 тыс. строф, Аристотель: «Содержание “Одиссеи” необширно: некоторый человек много лет [странствует] на чужбине, его подстерегает Посидон, он одинок, а дома у него получается так, что женихи расточают его добро и злоумышляют против его сына; и вот он возвращается, выйдя из бури, открывается некоторым, нападает на врагов и сам спасен, а их истребляет. Вот, собственно, [содержание “Одиссеи”], а все прочее – вставки» (Poet. 1455b) (Аристотель 1983: 664-665).

Введение письменности как коммуникационной технологии изменило сам облик культуры, задав новый способ кодификации реальности. По мнению М. Маклюэна, каждая революция в области средств коммуникации ведет к смене господствующего поставщика информации и интенсифи-

цирует деятельность определенного органа чувств человека. Племенные сообщества основывались на устном слове и являлись миром слуха с непосредственной сопричастностью каждого всему происходящему. С появлением фонетического алфавита знание и опыт стали передаваться письменно-визуальным способом. «Грамотность вытолкнула человека из племени, заменила целостное племенное общество визуальными линейными ценностями, сформировала раздробленное сознание. С появлением письменности родилась индивидуально ответственная личность, способная противопоставить себя обществу» (Беляков 1998: 6). Недаром «либерал» и «книга» в латинском языке восходят к одному корню.

Введение письменности меняет человека даже физически. Профессор С.В. Савельев указывает, что по мере «совершенствования» социальных институтов мозг человека начал уменьшаться в объеме, утратив к настоящему времени уже около 16% от размера «доцивилизационного» периода (Савельев 2016: 114).

Хранение важной и секретной информации на том или ином материальном источнике несет, ко всему прочему, опасность быть похищенной и прочитанной врагами или недоброжелателями. В балладе Р. Стивенсона «Вересковый мед» тайна священного напитка пиктов не напрасно передавалась устно. Доверить ее какой-нибудь бересте означало подвергнуть ее риску стать достоянием беспощадных скоттов. Буквально за один миг то или иное племя могло лишиться всей своей истории, если бы хранило ее в материальном архиве – достаточно было одного набега врагов.

Огромной трагедией для целых народов становились пожары в библиотеках, стихийные или устроенные безжалостными захватчиками. Баяны, аэды, ашуги были не только сказителями, развлекающими людей на коллективных мероприятиях, но и народными учителями, хранителями истории рода и культуры многих поколений. В метафорической форме роль таких «людей-библиотек» продемонстрировал американский фантаст Р. Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту», где задачу сохранения запрещенных книг для потомков в условиях тоталитарного книгоборческого режима выполняли отдельные энтузиасты, выучившие наизусть классические литературные произведения.

Возможности человеческой памяти

Иногда можно услышать сомнения в способности человека помнить наизусть произведения длиной в тысячи строф. Не раз высказывались подозрения в искажении изначальных текстов «Одиссеи» и «Илиады» из-за вольного обращения с ними забывчивых рассказчиков, каждый раз приносящих что-то от себя. Между тем выучить поэму в 12–15 тыс. строк даже сегодня под силу многим актерам, профессионально развивающим свою память. Гарвардский филолог М. Пэрри в начале 1930-х гг. записал в Югославии поэму боснийца Авдо Меджедовича «Женитьба Смаилагича Мехо» длиной более 12 тыс. строк, то есть равной по объему «Одиссее» (Лорд 1994: 94). Якутские олонхосуты декламируют на память поэмы длиной по

10–20 тыс. строк; героический эпос олонхо столетиями передается из поколения в поколение практически в неизменном виде. Самый известный из якутских олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», записанный в 1895 г., состоит из 36 тыс. строк (Оросин 1947). Индийские брахманы веками хранили в памяти ведийские гимны, значительно превосходящие размером «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые.

Знание гомеровских поэм наизусть не считалось чем-то исключительным и в сократовские времена. Ксенофонт рассказывает, что на пиру у Сократа один из гостей, Никерат, признается, что больше всего гордится тем, что знает наизусть все гомеровские поэмы: «Отец мой, – сказал Никерат, – заботясь о том, чтоб из меня вышел хороший человек, заставил меня выучить все сочинения Гомера, и теперь я мог бы сказать наизусть всю “Илиаду” и “Одиссею”» (Xen. Symp. III 5) (Ксенофонт 1993: 169). Спустя 500 лет Дион Хрисостом обнаружил знатоков произведений Гомера даже в Борисфене, отдаленной греческой колонии в устье Днепра: «И хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но “Илиаду” почти все знают наизусть» (Dio Chr. XXXVI 9) (Дион 1960: 94).

Память – один из самых совершенных механизмов человеческого мозга. Ни одна машина, даже самая мощная, не может с ней сравниться, ведь, кроме фактов и формул, в нужную минуту она передает нам и зрительные образы, и запахи, и звуки, и эмоции. О природе памяти люди начали задумываться очень давно, древние представляли ее как своеобразные отпечатки предметов на мягкой материи мозга. В эпоху господства механистических идей процесс запоминания представлялся как наполнение пустотелых трубок, коими представлялась нервная система человека, идеями и образами предметов. Современные ученые рассматривают память как процесс установления связей между воспринимаемым образом и нервными клетками, расположенными в разных отделах и уровнях мозга. Этот механизм и дает возможность сохранять информацию о любом раздражителе после того, как он перестал действовать.

Известный кибернетик Дж. фон Нейман рассчитал, что человеческий мозг потенциально может вместить всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейших библиотек мира. История сохранила имена людей, наделенных феноменальной памятью. Так, Юлий Цезарь и Александр Македонский знали по имени и в лицо всех своих солдат – до 30 тыс. человек. Сенека мог повторить 2 тыс. слов, услышанных один раз и не связанных между собой. Математик Л. Эйлер помнил шесть первых степеней всех чисел до ста. Академик А.Ф. Иоффе по памяти пользовался таблицей логарифмов, а шахматист А.А. Алехин был способен играть вслепую с 40 партнерами.

Изучая примеры столь удивительных способностей, психологи пришли к заключению, что плодотворная работа памяти напрямую зависит от эффективно организованного процесса запоминания. Этот вывод современных ученых интуитивно был постигнут много веков назад. Система запоминания – мнемоническая техника – основана на установлении и последующем поиске связей. Ее открытие Цицерон приписывал поэту Симониду Кеосскому, жившему в VI–V вв. до н.э. и в силу жизненных обстоятельств об-

наружившему однажды, что для ясности памяти важнее всего распорядок. «Поэтому тем, кто развивает свои способности в этом направлении, следует держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов. Таким образом, порядок сохранит порядок предметов, а образ предметов означит самые предметы, и мы будем пользоваться местами, как воском, а изображениями, как надписями» (Cic. de orat. 354) (Цицерон 1994: 311).

Однако наибольшее распространение мнемотехника получила в эпоху Возрождения. Способность упорядоченно располагать в мыслях все, что следует запомнить, нашла выражение в «театрах памяти»: у основания символических скульптур располагались подлежащие запоминанию объекты. Со временем они становились все сложнее, появлялись ярусы, проходы, классические статуи, олицетворяющие пороки, добродетели и другие ключевые понятия. Это упражнение было так популярно, что каждый властитель или просто богатый человек считал своим долгом иметь подобный театр у себя дома. Дж. Бруно использовал принцип «театра памяти» как средство классификации небесных тел, а для Данте Алигьери он стал источником систематического описания кругов ада и рая в «Божественной комедии».

Таким образом, в возможностях памяти (по крайней мере, потенциальных) сомневаться не приходится. Другое дело, что человечество все отчетливее проявляет лень, возлагая надежды на технические средства буквально во всех сферах деятельности. Наступившую эпоху торжества машин и технологий, грозящих поработить сущность человека комфортом, описывает М. Хайдеггер в многочисленных работах. Философ призывает пользоваться техническими приспособлениями, «оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент». Только так мы не позволим технике закабалить нас, опустошить нашу сущность. Это отношение «одновременно “да” и “нет” миру техники» он называет отрешенностью от вещей (Хайдеггер 1991: 109-110).

Лень мысли и развращенность комфортом мы привыкли приписывать нашей молодежи, неспособной решить без калькулятора, обыкновенным умножением в столбик простейший пример. Еще тридцать лет назад средний школьник умножал в уме как минимум двузначные числа, сегодня даже студент вуза не станет делать это без технических средств. Но не была ли и письменность чем-то столь же вредным для мудрецов, волхвов, интеллектуальной элиты времен ее изобретения? Возможно, они обвиняли ее в примитивизации мышления, так же как сегодня некоторые проклинают цифровизацию, которая явно не выполняет задач, поставленных перед ней футурологами, и не растит поколение технологических гениев. Напротив, мы наблюдаем генерацию молодежи, страдающей от интернет-зависимости, не умеющей стратегически мыслить, не способной устанавливать более или менее сложные причинно-следственные связи в силу клипового мышления. Упрощающая жизнь на бытовом уровне цифровизация порождает опасность и в военной сфере. Полный переход на «цифру» делает вооружение бесполезным на поле боя в случае применения противником средств радиоэлектронного подавления. Именно поэтому военных

специалистов в России до сих пор обучают обращению с аналоговыми системами, вплоть до ламповых приемников.

В так называемом аналоговом режиме продолжает общаться как политическая, так и бизнес-элита. Не секрет, что важнейшие решения до сих пор принимаются в неформальном кругу, на личных встречах, «не для протокола». Современным обществом правят те, кто живет и по сей день в фоноцентричном мире. И если в целом государство очень сильно формализовано и бюрократизировано (каждый шаг санкционируется определенной бумагой), то судьбоносные события происходят за кадром, в безбумажной среде. «Мы многое из книжек узнаем, но истины передают изустно», – пел В.С. Высоцкий. Это, между прочим, свидетельствует, что «оральная культура», бывшая достоянием не только греков, но и всех индоевропейцев, никуда не делась, она только зафиксировалась в области наиважнейшего – при принятии секретнейших политических решений, в военной сфере (представить себе бюрократию с бумагами и отчетами на поле боя вряд ли возможно). Современная историческая наука, ориентированная на письменные источники и другие материальные артефакты, принципиально не достает области, где принимались важнейшие исторические решения. От устного слова ничего не остается, кроме самой истории. Вся современная историческая наука принципиально нестрога именно потому, что стремится к строгости и фактичности. Она принципиально поверхностна, так как ее достоянием никогда не станут тайные заговоры претендентов на власть, задушевные беседы фаворитов, важнейшие переговоры дипломатов; их содержание можно только предполагать.

Письменность и катастрофа бронзового века

В диалоге «Федр», возможно, содержится ключ к одной из величайших исторических загадок – причине катастрофы бронзового века. Этот социальный катаклизм охватил громадную территорию, включая, помимо Греции, весь Ближний Восток, Египет и Хеттское царство. В Греции «Темные века» продлились с конца XII по начало VIII в. до н.э.; они были отмечены падением городов, разрывом экономических контактов между регионами, полной утратой письменности (из-за краха дворцовой экономики отпала необходимость вести учет), возвращением большинства жителей к полукочевому и кочевому образу жизни.

Описанная картина имеет много общего с примерно тем же по времени периодом в истории Древнего Китая. Как показал синолог В.Е. Еремеев, с высокой долей вероятности можно вести речь о существовании в доконфуцианском Китае (XIII–VII вв. до н.э.) глубоко разработанного учения, охватывавшего широкий спектр знания, базировавшегося на триграммах и гексаграммах «Книги перемен» (Еремеев 2005: 515). После падения в 770 г. до н.э. Западного Чжоу и перенесения столицы на восток страны, тексты этого учения оказались утраченными, а литература последующих эпох начиная с VI–V вв. до н.э. сохранила лишь следы системы знаний, которую сейчас можно реконструировать с большим трудом. Очевидно, что причи-

ны попятного культурного движения схожи с теми, что действовали тогда же в Восточном Средиземноморье.

Крах микенской цивилизации часто объясняют внешними факторами – нашествием неких «народов моря». Ряд ученых указывают и другие возможные причины бронзового коллапса: междоусобные войны, многолетняя засуха, духовная деградация общества². Мы полагаем, что катастрофа «Темных веков» могла стать следствием введения письменности. Вся информация, вся память рода начинает храниться на внешних носителях, способность же запоминать длинные тексты теряется. Набеги «народов моря» и других недружественных племен вызывали пожары, уничтожившие архивы. Люди утрачивали и знания, и родовую память, и родословные. Воспроизвести потом всю предшествующую культуру оказалось невозможно. В Троянской войне, похоже, погибла вся элита, владеющая культурной информацией на уровне личной памяти. И грекам с нуля пришлось сочинять для себя новую историю. Существуют большие сомнения в том, что содержание поэм Гомера отражает историческую правду (Матвейчев, Беляков 2014).

Письменность в Греции возродилась лишь во второй половине VIII в. до н.э. на основе заимствованного из Финикии алфавита. Примерно тогда были записаны поэмы Гомера, не исключено, что по инициативе самого аэда. Не нуждаясь в записанном тексте как вспомогательном мнемоническом средстве, он не мог не оценить потенциал передовой гуманитарной технологии – алфавитного письма. Силу письменного слова он использовал на благо возрождающейся Греции, серьезно подкорректировав историю Троянской войны.

К временам Платона письменность стала рядовым, обыденным явлением. Вскоре к ней пропадет последнее недоверие, а отраженную в диалоге «Федр» полемику относительно вреда и пользы писанных текстов будут считать чем-то из разряда курьезов и мыслительных экспериментов.

Процессы, аналогичные греческим, похоже, произошли со всеми народами бронзового века, пережившими катастрофу «Темных веков». Письменность наступала. Носители устной культуры становились редкостью и вымирали, иногда в результате войн и набегов. В этих же набегегах погибали и письменные хранилища, которые никто уже не мог восстановить по памяти.

Противники цифровизации по всему миру не являются такими ретроградами, какими их хотят представить «сторонники прогресса». Представим, что мы перенесем все в «цифру», а наши дети будут получать образование, которое делает их неспособными считать в столбик, понимать причинно-следственные связи, смотреть фильмы больше трех минут и т.д. Что произойдет, если в результате какой-нибудь катастрофы цифровые носители «размагнитятся»? Человечество будет отброшено назад и не сможет даже понимать назначение тех артефактов, которыми пользовались

²Подробнее о возможных причинах катастрофы бронзового века см.: (Матвейчев, Беляков 2014: 119-121).

предшествующие поколения, не то что воссоздать их. Катастрофа будет, пожалуй, не менее тяжелой, чем «Темные века» на рубеже II–I тыс. до н.э.

Таким образом, не только современные авторы ведут дискуссии о цене прогресса. В древности ценность новых средств коммуникации также ставили под вопрос, оспаривая поверхностное убеждение, что письменность – безусловное благо. Более того, опасения противников письменности нашли подтверждение, реализовавшись в катастрофе «Темных веков». Настоящая статья призвана выдвинуть данную гипотезу; ее окончательное подтверждение – дело дальнейших исторических, археологических, лингвистических, антропологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев Ю.В. 2002. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. 862 с.

Аристотель. 1983. Поэтика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. С. 645-680.

Беляков А.В. 1998. Маклюэн Маршал // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Университетская книга : Алетей. С. 5-7.

Глухов А.А. 2014. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. Москва : Издательский дом ВШЭ. 584 с.

Демосфен. 1994. Речь XXI. Против Мидия о пощечине // Демосфен. Речи : в 3 т. Т. 1. Москва : Памятники исторической мысли. С. 65-131.

Дион Хрисостом. 1960. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине // Поздняя греческая проза / под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. Москва : Государственное издательство художественной литературы. С. 92-97.

Еремеев В.Е. 2005. Символы и числа «Книги перемен». Москва : Ладомир. 600 с.

Ксенофонт. 1993. Пир // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Москва : Наука. С. 160-196.

Лорд А.Б. 1994. Сказитель. Москва : Восточная литература. 368 с.

Матвейчев О.А., Беляков А.В. 2014. Троянский конь западной истории. Санкт-Петербург : Питер. 224 с.

Мештерхази Л. 1977. Загадка Прометея. Москва : Прогресс. 442 с.

Оросин К.Г. 1947. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск : Якгиз. 410 с.

Платон. 1993. Федр // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Москва : Мысль. С. 135-191.

Платон. 1994. Письма // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. С. 460-516.

Савельев С.В. 2016. Церебральный сортинг. Москва : ВЕДИ. 232 с.

Хайдеггер М. 1991. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Москва : Высшая школа. С. 102-111.

Цицерон. 1994. Об ораторе // Цицерон. Эстетика: Трактаты, Речи. Письма. Москва : Искусство. С. 162-372.

Эсхил. 1971. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. Москва : Художественная литература. С. 169-211.

Эсхин. 1985. Против Ктесифонта о венке // Ораторы Греции / сост. М.Л. Гаспаров. Москва : Художественная литература. С. 161-210.

References

- Aeschines. Against Ctesiphon, *Gasparov M.L. (ed.) The Greek Orators*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1985, pp. 161-210. (In Russ.).
- Aeschylus. Prometheus Bound, *Aeschylus. Tragedies*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1971, pp. 169-211. (In Russ.).
- Andreev Yu.V. *From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (3rd – Early 1st Millennium BC)*, Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2002, 862 p. (In Russ.).
- Aristotle. Poetics, *Aristotle. Collected works in 4 volumes. Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1983, pp. 645-680. (In Russ.).
- Belyakov A.V. McLuhan M., *Cultural Studies. 20th Century. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2*, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga & Aletheia, 1998, pp. 5-7. (In Russ.).
- Cicero. On the Orator, *Cicero. Aesthetics: Treatises, Orations, Epistles*, Moscow, Iskusstvo, 1994, p. 162-372. (In Russ.).
- Demosthenes. Against Meidias (Oration 21), *Demosthenes. Orations in 3 volumes. Vol. 1*, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1994, pp. 65-131. (In Russ.).
- Dio Chrysostom. Borysthenitic Discourse, Which Dio Delivered in His Native Land, *Grabar-Passek M.E. (ed.) Later Greek Prose*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury, 1960, pp. 92-97. (In Russ.).
- Eremeev V.E. *Symbols and Numbers of the "Book of Changes"*, Moscow, Ladomir, 2005, 600 p. (In Russ.).
- Glukhov A.A. *Overlapping Waves. Political Logic of Plato and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism*, Moscow, Izdatel'skij dom VShE', 2014, 584 p. (In Russ.).
- Heidegger M. Detachment, *Heidegger M. Country Path Conversations*, Moscow, Vysshaya shkola, 1991, pp. 102-111. (In Russ.).
- Lord A.B. *The Singer of Tales*, Moscow, Vostochnaya literatura, 1994, 368 p. (In Russ.).
- Matveychev O.A., Belyakov A.V. *Trojan Horse of Western History*, Saint Petersburg, Piter, 2014, 224 p. (In Russ.).
- Mesterházi L. *The Mystery of Prometheus*, Moscow, Progress, 1977, 442 p. (In Russ.).
- Orosin K.G. *Nyurgun Bootur the Swift*, Yakutsk, Yakgiz, 1947, 410 p. (In Russ.).
- Plato. Epistles, *Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1994, pp. 460-516. (In Russ.).
- Plato. Phaedrus, *Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 2*, Moscow, Mysl', 1993, pp. 135-191. (In Russ.).
- Savelyev S.V. *Cerebral Sorting*, Moscow, VEDI, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Xenophon. The Symposium, *Xenophon. Memorabilia of Socrates*, Moscow, Nauka, 1993, pp. 160-196. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Анатольевич Матвейчев

кандидат философских наук, профессор
департамента массовых коммуникаций и
медиабизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-4568-2650;
ResearcherID: G-3499-2016;
Scopus AuthorID: 57195838598;
SPIN-код: 4248-7216;
E-mail: matveyol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Matveychev

Candidate of Philosophy, Professor, Depart-
ment of Mass Communication and Media
Business, Financial University under the Gov-
ernment of the Russian Federation, Moscow,
Russia;
ORCID: 0000-0003-4568-2650;
ResearcherID: G-3499-2016;
Scopus AuthorID: 57195838598;
SPIN-code: 4248-7216;
E-mail: matveyol@yandex.ru



Оболкина С.В. Онтология машины. Блеск и нищета машинизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 20-41. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_20

УДК 111:004

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_20

Онтология машины. Блеск и нищета машинизма

Светлана Викторовна Оболкина

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: obol2007@mail.ru

*Поступила в редакцию 26.06.2023, поступила после рецензирования 04.10.2023,
принята к публикации 06.10.2023*

Машина – это посредник между реальностью естественной и реальностью до какого-то момента невозможной. Поэтому понимание данного феномена в онтологическом измерении – необходимый элемент анализа проблем настоящего и будущего. В философии XX–XXI вв. концепт машины является одним из центральных. Вокруг него складывается машинизм как мировоззренческая установка и философское направление. Однако сама машина остается для него «понятной по умолчанию»: данный концепт выступает инструментом анализа социума, культуры или психики. Это оказывается возможным за счет игнорирования значительной части семантического спектра $\mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\eta}$. Исключением выступает механология Ж. Лафита и Ж. Симондона, которая заинтересована в машине как конкретном изобретении. В настоящей работе методология анализа машины опирается на объектно-ориентированную онтологию И. Богоста. На основе проведенного исследования сделан ряд выводов. Во-первых, говорить о тождестве реальности и машины возможно только для базового онтологического уровня; человек создал артефакт, который является определенным онтологическим конституентом. Однако на следующем, более высоком уровне это тождество распадается: машина такова, какова она есть, потому что не совпадает с естественной реальностью, выделяясь характером своего бытования. Изобретение механизма выступает работой, онтологической по своему характеру: это создание системы взаимодействий одномерных пространств. Машинизм, рассуждая о машине, не учитывает данные концептуальные моменты, использует машину в режиме метафоры. Поэтому его концептуальные ресурсы мешают пониманию современных машин и их взаимодействия с человеком. Во-вторых, некоторые современные изобретения в области генеративного искусственного интеллекта – это машины нового типа (неклассические машины), которые включают фактор вероят-



© Оболкина С.В., 2023

ности и неоднозначности в качестве элемента механизма. Человеческое изобретение выходит на новый онтологический уровень, что требует обновленного концептуального инструментария.

Ключевые слова: машина, изобретение, машинизм, механизм, философия машины, онтология машины, неклассическая машина, искусственный интеллект, нейросеть

Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism

Svetlana V. Obolkina

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: obol2007@mail.ru

Received 26.06.2023, revised 04.10.2023, accepted 06.10.2023

Abstract. The machine is an intermediary between the natural reality and the impossible reality up to a point. Therefore, understanding this phenomenon in the ontological dimension is a necessary element in the analysis of the problems of both the present and the future. In the philosophy of the 20th and 21st centuries, the concept of a machine is very relevant. Machinism develops around it as a worldview and philosophical direction. However, the machine remains “understandable by default” for it: this concept acts as a tool for analyzing society, culture or the psyche. This turns out to be possible by ignoring a significant part of the semantic spectrum of μηχανή. The exception is the mechanology of Jacques Lafitte and Gilbert Simondon, which is interested in the machine as a particular invention. In this article, the methodology of machine analysis relies on the object-oriented ontology by Ian Bogost. Based on the conducted research, a number of conclusions has been made. Firstly, it is possible to talk about the identity of reality and the machine only for the basic ontological level; a person has created an artifact, which is an objectified ontological constituent. However, at the next, higher level, this identity falls apart: the machine is what it is, because it does not coincide with natural reality being distinguished by the nature of its existence. The invention of the machine is an ontological work in its nature: it is the creation of an interaction system of one-dimensional spaces. In its reasoning, machinism does not take into account these conceptual points using the machine as a metaphor. Therefore, its conceptual resources interfere with the understanding of modern machines and their interaction with humans. Secondly, some modern inventions in the field of generative artificial intelligence are new types of machines (non-classical machines) that include the factor of probability and ambiguity as an element of the mechanism. Human invention is reaching a new ontological level, which requires an updated conceptual toolkit.

Keywords: machine, invention, machinism, mechanism, philosophy of the machine, machine ontology, non-classical machine, artificial intelligence, neural network

For citation: Obolkina S.V. Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 20-41. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_20

Машинизм

Одним из центральных философских трендов современности выступает машинизм – мировоззренческая установка и философское направление, предлагающие понимание реальности за счет семантического расширения понятия машины за границы обозначения только технического артефакта. Примером такого расширения может выступать определение Н. Винера: машина – «устройство для преобразования входных сообщений в выходные» (Винер 1966: 42), то есть *не* машиной оказывается, по сути, только черная дыра.

Одним из первых данный термин использовал в 1920-е гг. Ле Корбюзье в манифесте «Архитектура в эпоху машинизма» (Ле Корбюзье 2017). Он не был родоначальником интереса к машине – на тот момент она уже являлась важнейшим аттрактором культуры¹. Но можно выделить эту работу, поскольку в ней не только «напророчен» машинный образ искусства, но и говорится об эффектах машины, преобразующих человеческие мышление, любовь, желания. Эта интенция наполнила философию второй половины XX столетия: М. Фуко вскрывает «машинерию» социального, Ж. Бодрийяр рассуждает о машинизме массовой культуры. Ж. Лакан усиливает позиции машины, заявляя, что она «воплощает в себе символическую активность человека наиболее радикальным образом» (Лакан 2009: 109). Из рассуждений Н. Ланда о шизоанализе можно сделать вывод, что машинность – это новое имя «первосубстанции», а именно «архаического затопляющего желания» (Ланд 2020: 90). Тем самым машинизм шизоанализа неизбежно выходит в область онтологии.

Современный философ Л. Брайант настаивает на том, что «нам нужен не панпсихизм, органицизм или витализм, а, скорее, *панмеханизм*. Быть – значит быть машиной. <...> Панмеханизм – это одновременно онтология, теория взаимодействий или отношений, методология и очень конкретный эмпирический исследовательский проект»². Автор опирается на онтологические интуиции постструктурализма, реализуемые в первую очередь в шизоанализе Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Именно расколотое сознание шизофреника, по мысли философов, улавливает истину бытия: «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» (Делёз, Гваттари 2007: 14).

Конечно, само по себе сближение понятий «мир» и «машина» не является чем-то принципиально новым. Активной фазой этого сближения являлся механицизм Нового времени. Однако было бы некорректно сводить

¹ Пересечения и совпадения множества плоскостей культуры в «окрестностях» машины хорошо демонстрирует в своих исследованиях В.А. Подорога (Подорога 2010).

² Bryant L. Machine-Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism // Larval Subjects. 21.06.2012. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (дата обращения: 25.06.2023).

современный машинизм к механицизму XVII–XVIII вв. Во-первых, потому что сами постструктуралисты не единожды высказывались против такого отождествления. Во-вторых, для нововременного механицизма установка «мир – машина» была важна в первую очередь в качестве *методологической*, а не онтологической установки. Р. Гук – один из «отцов» механицизма – говорил о преимуществе видеть мир уподобленным машине: так формируется «эра оперативных и механических знаний». Предисловие его знаменитой «Микрографии» посвящено обоснованию пользы этой концептуальной метафоры, позволяющей «различить все тайные действия Природы» *по аналогии* «с такими произведениями искусства, которые управляются колесами, двигателями и пружинами и которые были разработаны человеческим умом» (Hooke 1665). Машинизм – это философия, которая говорит о том, что все есть машина, тогда как механицизм уподобляет мир машине, понимая под машиной именно изделие человека. Это близкие, но не тождественные нарративы: «Природа тоже машина, мир тоже есть механизм. Собственно, подобным образом философы-деисты рассуждали уже в эпоху Просвещения, сравнивая мир с часовым механизмом, а Бога – с часовщиком. Правда, тогда человек, согласно христианской концепции мироздания, выделялся из мира природы, противостоял ему. В шизоанализе Делёза и Гваттари человек и мир растворяются в потоке производства желаний, встраиваясь в него всеми конечностями, органами, выемками и выпуклостями тел» (Циплакова 2014: 153).

Специфика отношения к машине в нововременном механицизме и современном машинизме развивается в различные онтологические решения. Суть механицистической стратегии состоит в том, что мыслители предлагают выстраивать или трансформировать немашинную реальность по образцу машины. Т. Гоббс, как известно, предлагал выстроить государство подобно машине. Для этого ему понадобилось расширить понимание присущего машине характера существования: «Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь?» (Гоббс 1991: 6). Вторая стратегия предполагает, что машина как таковая (применяется термин «абстрактная машина») существовала до появления машины как технического устройства. Этот подход может быть проиллюстрирован рассуждениями Л. Мамфорда: «Корни того, что экономисты в недавние эпохи называли “веком машин” или “веком электричества”, относятся не к так называемой промышленной революции XVIII столетия, но к имевшей место в период возникновения цивилизации организации первичной (archetypal) машины, составленной из человеческих деталей» (Мамфорд 2001: 21).

Таким образом, можно утверждать, что перед философами, активно использующими ресурс концепта «машина», стоят различные задачи. Для Нового времени важны методологические цели новой науки, тогда как современные мыслители, помимо всего прочего, решают вопрос онтологического характера: с этим концептом оказывается тесно связана категория

всеобщего; машина как абстрактно-всеобщее проясняет сущность частного и особенного (Николин 2002). «Теперь она (машина. – С.О.) осуществляет полный мимесис Реальности, давая нам реальное в машинном образе (сегодня – в цифровом)» (Подорога 2010: 23). В данном случае говорится, что машина «подражает» реальности, но все-таки делается акцент на идеях всеобщей функциональности бытия. А это наиболее часто встречающаяся концептуальная «смычка», позволяющая мыслителям отождествить реальность и машину. Можно сказать, что машинизм делает машину новым архе. Огонь, вода, апейрон, плерома... – сегодня ряд претендентов на имя всеобщего пополнила абстрактная машина.

Важно подчеркнуть, что машинизм был бы невозможен без смыслообразующего потенциала самого слова «машина»: у него рано сформировался серьезный ресурс семантического расширения, который лишь ждал подходящих условий, чтобы развернуться.

Μηχανή

Лингвистика указывает, что семантическое расширение – обычное явление, которое позволяет «избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств» (Черникова 2001: 82). Примерно таким же образом семантическое расширение концепта призвано спасти мысль от «умножения сущностей без надобности». Мы не будем обсуждать вопрос, помогло ли подобное расширение машинизму. Нашей ближайшей задачей станет анализ формирования семантического ресурса μηχανή.

Как отмечает В.В. Глебкин, семантика машины была серьезно распространена уже в ранние исторические периоды: «...такие метафоры, как “мир – это машина”, “социум – это машина”, “тело – это машина”, возникают в раннем Средневековье, то есть задолго до того, как машины начинают играть заметную роль в социально-экономической жизни» (Глебкин 2012: 55). Изначально μηχανή – это практически имя собственное для осадных машин. Однако постепенно происходит метонимический сдвиг от устройства к изобретению: этим словом начали обозначать всякое находчивое решение. Машина становится любым «хитроумным изобретением» человека. Причем «критерием осуществления μηχανή иногда оказывается возможность нарушить существующий порядок вещей. Так, у Григория Нисского μηχανή – это способ путешествия на небо, который можно было бы изложить при помощи слов» (Зарипов 2015). С этим смыслом связаны коннотации μηχανή как подражание природе. Поэтому вполне закономерно возникает вектор аксиологического снижения: машина – *всего лишь* подражание природе, нечто «ущербное». Эти коннотации усиливаются в Средние века, когда слово «машина» выступает в значении «козни». Текстологический анализ Я.В. Зарипова показывает: «В общей сложности дьявол, выступающий под указанными тремя именами, оказывается наделенным или замышляющим μηχανή 136 раз, причем в IV в. соответствующая величина составляет более, чем 10% от всех случаев употребления μηχανή. <...> Однозначно отрицатель-

ную семантику имеет прилагательное *παμμήχανος*: чаще всего оно является эпитетом дьявола. Пейоративный характер этого слова хорошо иллюстрируется тем, что Евстафий Фессалонийский обосновывает его неприменимость к Одиссею, которого правильнее называть *πολυμήχανος* – как это и было в поэмах Гомера» (Зарипов 2015). В подобном контексте *μηχανή* уже не имеет обязательной привязки к смыслу «созданное человеком» и может обозначать некую онтологическую неподлинность, «увечность».

Таким образом, *μηχανή* обладает обширным семантико-аксиологическим спектром, сохранившимся и в современном использовании слова «машина». В центре этого спектра располагается техническое устройство, которое выполняет определенную работу (исходное «осадная машина»). По одну сторону от этого аксиологически нейтрального центра выстраивается коннотативное пространство «машины» как результата человеческой одаренности, способности добиваться целей благодаря особого рода хитрости («эффект Одиссея-*πολυμήχανος*»). По другую оказывается смысл «машины» как чего-то ненастоящего; это «обманка», которая является тем более «дьявольской», чем эффективнее работает.

Для авангарда был характерен семантический синкретизм, когда машина одновременно выступала и конкретикой технического развития, и захватывающей дух футурологической утопией, и «демонической» сущностью. Но в современном машинизме более активно звучит именно пейоративная часть семантического спектра *μηχανή*. За анализом «машинерии» социального и психического угадывается оценка машины как чего-то такого, что связано с почти дьявольским совращением.

Индустранско-шопенгауэровские мотивы, интерпретированные в терминах машинизма, отчетливо слышны в «Анти-Эдипе»: «Производство, произведенное, тождество производства и произведенного... Именно это тождество образует третий термин в линейной серии – огромный недифференцированный объект. В какой-то момент все останавливается, все замирает (затем все запустится снова). В каком-то смысле было бы лучше, если бы ничего не работало, ничто не функционировало. Не быть рожденным, выйти из колеса рождений, без рта для сосания, без ануса для испражнения. Окажутся ли машины настолько разболтанными, а их детали настолько разъединенными, чтобы вернуть нас в ничто?» (Делёз, Гваттари 2007: 21).

Современный машинизм почти не задействует смыслы, которые связаны с «эффектом Одиссея», поэтому машина как *изобретение* оказывается на последних ролях в том секторе философии, который находится в зоне влияния постструктуралистской мысли. Примером противоположной позиции является теория технического объекта Ж. Симондона, где «непрерывность между техническим и природным» осуществляется все-таки посредством феномена изобретения, а не по умолчанию. Это особый резонанс, синтез человеческого и природного. Поясняя его, философ использует алхимическое понятие *tertium quid* – нечто третье (не совсем известное и понятное), возникающее из двух других, известных и понятных (Simondon 2005).

Следует подчеркнуть, насколько в трактовке машины важно внимание к машине как изобретению, техническому объекту. Даже если

мы согласимся с тем, что машина – это объективно-всеобщее, мы все равно обязаны допустить, что, «копируя» устройство реальности в виде технического устройства, человек создал (осознанно или неосознанно) особую форму реальности. Игнорируя «эффект Одиссея», мы получаем лишь «машинизированный» вариант старых онтологических решений – своего рода «апгрейд» натурфилософии или шопенгауэровского волюнтаризма, то есть сворачиваем на круг. Возникает парадоксальная ситуация: в машинизме актуальны аллюзии и очарование машинности, но машина в качестве конкретного изобретения человеческого гения игнорируется. Концепт «машина» интересен машинизму лишь в качестве инструмента³, причем крайне широкого спектра. Его прегнантность⁴ слишком высока. Это инструмент универсального охвата, но бесполезный для тонких операций. Уже нельзя игнорировать, что «понятность по умолчанию» в отношении машины как таковой оказывается концептуальным бессилием в отношении новых умных машин.

Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и многие другие исследователи говорили о компьютере как о машине, которая, увлекая за собой человека, делает его мышление машинным. Но сегодня мы все чаще сталкиваемся с идеями о том, что понимание (или, скорее, непонимание) компьютера в качестве «обычной машины» неудовлетворительно.

Так, Ш. Тёркл приходит к выводу, что «компьютер – наверное, главное техническое устройство современности – являет собой развитие “машины”, но не “машинного” образа мысли⁵. Тёркл – психолог-экспериментатор, в ходе полевых исследований конкретного взаимодействия человека и компьютера она увидела в новой машине немашинного агента «мутации мысли» в пользу нелинейности и холистичности.

В.Н. Железняк, предлагающий концепцию феноменологии технических устройств (ТУ), высказывает сомнение по поводу деградации человеческого сознания до уровня машины в ходе взаимодействия с современными сложными машинами: «Во-первых, не все сознание задействовано в смычке с ТУ; во-вторых, большая часть современной техники предполагает выход в Сеть, а это существенно меняет дело; в-третьих, нелинейно мыслящее, в значительной степени интерсубъективное сознание (“дух”, *der Geist*) обретает новое физическое “шасси”; в-четвертых, такое расширение сознания знает свою медитативную отстраненность и свой “катарсис»» (Железняк 2020: 71).

Сделаем промежуточный вывод: следует отказаться от понимания машины в духе машинизма, не отказываясь при этом от сформированного им

³ Это довольно иронично, если учесть, насколько часто повторяется, что машина – не инструмент, а нечто большее.

⁴ Прегнантность (от лат. *praegnans* – «содержательный», «богатый») означает в гештальтпсихологии перцептивный или интеллектуальный образ, который характеризуется содержательностью и завершенностью.

⁵ Turkle S. Who Am We? // *Wired*. 01.01.1996. URL: <https://www.wired.com/1996/01/turkle-2/> (дата обращения: 25.06.2023).

онтологического ракурса. Речь идет об отказе не от философии машинизма (у нее свои задачи), а от использования ее устаревшего инструментария. Ближайшей задачей выступает поиск методологических и концептуальных позиций, которые позволят вывести феномен машины из режима «понятна по умолчанию».

Бытование машины

Сразу подчеркнем, что мы имеем в виду именно машину, а не технику как таковую. Несомненно, машина – это элемент технической среды. Но само слово «техника» отсылает в первую очередь к мастерству, искусству, а философское исследование природы техники – это, прежде всего, вопрос о характере деятельности и специфике мироотношения. Поэтому для философии понятие «техника» в меньшей степени означает сосредоточенность на устройстве и в большей – на исследовании технического региона бытия в контексте человеческого существования, культуры и цивилизации. Неслучайно Ж. Симондон, осмысливая эволюцию конкретных машин, вынужден уточнить, что его предметом выступает не техника, а именно технический объект (Simondon 1958; Симондон 2012). Более того, для обозначения контекста своих исследований он предпочитает использовать не устоявшуюся категорию «философия техники», а неологизм Ж. Лафита «механология». Наше исследование также имеет своим предметом именно машину как таковую, поэтому, если необходимы какие-то дисциплинарные дистинкции, то оно ближе к механологии, нежели к философии техники. И главным выступает онтологический аспект, за актуализацию которого следует благодарить философию машинизма.

Казалось бы, именно категория всеобщего позволяет анализировать машину в онтологическом аспекте. Но, во-первых, к такому когнитивному инструментарии всегда будут выдвигаться претензии, высказанные в свое время Дж. Локком: «...общее и всеобщее не относится к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей» (Локк 1985: 471). Эту критику важно учесть и в отношении познавательного потенциала абстрактной машины в противовес конкретной, то есть вещи со своим генезисом и эволюцией. В поиске подхода к самой машине стоит обратиться к философским решениям, которые ставят вопросы о собственном бытии вещей вне корреляции с задачами исследования культуры, социума или психики.

Объектно-ориентированная онтология И. Богоста по-новому актуализует старый спор в отношении познавательного потенциала категории всеобщего и одновременно оспаривает методологическую валидность постмодернизма. Исследователь говорит об «онтографии», которая реализуется в качестве списков существующего; это «стаккато реальности», выступающее противоядием от «одержимости делёзовским становлением, континуальностью и плавностью, которые замещают прерывистость и разбиение на сегменты» (Богост 2019: 54). «Стаккато» означает принципиальную от-

дельность и актуальность собственного бытия предметов. «Плоскостность» такой онтологии, с одной стороны, не позволяет нам постулировать некую абстрактную машину в качестве всеобщего, с другой – настаивает, что «все вещи существуют одинаковым образом, хотя их существование не одинаково». Именно поэтому предлагается говорить не о «бытии», но о «бытовании» (Богост 2019: 22); бытие всеобщее, бытование специфично-конкретно.

Американский ученый сосредоточен на феноменологическом измерении бытования вещей – как они воспринимают реальность (концепция панэкспериенциализма). Мы же в русле этого подхода зададим вопрос о том, чего «хочет» машина? В чем заключается задача и специфика ее собственного бытования?

Внимание человека к вещи в различных ситуациях фиксирует несводимые и даже чуждые друг другу семантические измерения; это всегда неполное отражение ее собственного бытования. Поэтому единственный способ продвигаться к пониманию машины – удерживать в поле зрения *весь* ее семантический спектр.

Важный оттенок смысла $\mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\iota}$ – подражание природе. Какой природе подражает бытование машины? Ответ очевиден: изобретателя интересует бытие живого. Еще Т. Гоббс говорил, что «машинность» любой системы заключается в том, что нечто совершает действия, не будучи по своей природе ни живым, ни мертвым. Поэтому мы спрашиваем в первую очередь о «желании» машины-автомата⁶. Чего «хочет» машина, предоставленная самой себе? Допустим, она создана, включена и забыта. Можно сказать, что машина реализует «желание» собственной активности: «...машину не интересует ничего помимо того, что она производит сама. А производит она реальность собственного становления» (Чубаров 2015: 126-127). Но такой ее создал человек, именно он встроил в нее это «желание» («эффект Одиссея»). История машин показывает, что очень часто механиков в первую очередь интересовала задача создания чего-то такого, что имеет существование, похожее на существование живого; изначально это чаще всего игрушки. Героновский золипил, японские каракури, европейские автоматы или вычислительные машины 1950–1960-х гг., играющие в шашки, предшествовали машинам-инструментам. И машины Архимеда в первую очередь являлись практическим доказательством математически выраженных онтологических положений и только затем полезными устройствами. Таким образом, изобретение машины как таковой можно понимать как своего

⁶ Есть позиция, разделяющая понятия «машина» и автомат»; предлагается такая эволюционная картина генезиса техники: орудие, машина, автомат, робот, киборг. С исторической точки зрения развитие техники происходит от машин, требующих участия человека в каждый момент своего бытования, к машинам с высокой степенью самостоятельности. Но с логической точки зрения эта эволюционная картина уязвима. «Орудие» есть «устройство для производства», поэтому понятие «машина» может рассматриваться как частный случай «орудия». В свою очередь «автомат» является частным случаем «машины». «Робот» включает в себя и «машину», и «автомат», и «орудие». Мы учитываем исторический аспект развития техники, но в данном случае нас в большей степени будет интересовать понятийный аспект.

рода *практическую онтологию*, которая развивается параллельно с онтологией теоретической.

Оригинальность и ценность открытия Парменида заключается в возможности выделить факт бытийствования; бытие, концептуально отделенное от существования. Философия бытия Фомы Аквинского развивает это положение в теологическом ключе: все сущее как высшую ценность хранит полученный от Создателя дар – *быть*, остальные смыслы образуются вокруг этого фактора, конституирующего экзистенцию. Именно на этом онтологическом уровне анализа машина действительно тождественна всему. Не потому что бытие машиноподобно (как считает машинизм), а потому что человек хитроумно выстроил такой артефакт, который является определенным *онтологическим конституентом*: создатель машины-автомата в первую очередь реализует базовую асимметрию, согласно которой «быть» в приоритете перед «не быть».

Поэтому акцентированная постмодернистами связь машины и желания важна. «Желание» машины = ее активность = быть, чтобы быть. На это «желание» человек нанизывает слои функциональности. Но машинизм идет дальше и утверждает, что машина тождественна всей реальности, поскольку вся действительность исчерпывающе описывается в категориях «потоков и срезов». Л. Брайант вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари пишет: «Теория и эмпиризм потоков, таким образом, является важнейшим элементом панмеханизма. Потоки управляют локальными проявлениями машин или качествами, которые они производят в любой момент времени»⁷. Вся реальность есть система потоков и срезов, а значит, вся реальность – это машина. Однако именно в этом концептуальном моменте нас подводит невнимание к собственному бытованию машины.

Да, машина – это потоки; реальность – это потоки. Но все потоки, составляющие реальность, смешиваются, разъединяются и перепутываются; они подвержены небольшим отклонениям, которые в итоге оказываются непредсказуемыми смещениями. Человек называет это случаем, фортуной или нелинейностью и никогда не знает точно, какой из потоков или срезов будет решающим в определенной ситуации. А если у него такое знание есть, это означает, что он имеет дело с машиной. Машина – это локус реальности, в котором человек «навел порядок». Машина такова, какова она есть, потому что она как раз *не совпадает* с естественной реальностью, выделена из нее характером своего бытования. Именно поэтому нельзя сбрасывать со счетов смысл *μηχανή* как хитрой уловки человека.

Функция – другое наименование контроля и алгоритма. Функциональность связана с требованием дискретности и строгой линейной детерминированности процессов. Поэтому совершенно недостаточно идентифицировать машину как потоки и срезы. Требуется добавить, что она представляет собой систему *контролируемых* потоков и срезов. Или это

⁷ Bryant L. Machine-Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism // Larval Subjects. 21.06.2012. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (дата обращения: 25.06.2023).

не машина. *Машина – устройство, в котором осуществляются предусмотренные проектом детерминированные дискретные и конечные процессы, их целью являются predetermined действия для решения поставленных задач.*

Машина конгруэнтна реальности только на базовом онтологическом уровне: там, где работает асимметрия «быть или не быть». Но, приближаясь к характеру, специфике бытования машины, мы должны констатировать: человек, создав машину, создал *другую реальность*. Ее суть не столько в искусственности процессов, сколько в их контролируемости и предсказуемости. Как уже отмечалось, машины – это своего рода практическая онтология, задача которой не описывать, а создавать. Именно поэтому они выступают центром, организующим вокруг себя естественную реальность по образу и подобию машины (о чем часто говорит философия машинизма). Человек выстраивает машины, а машины «машинизируют» свои «окрестности». Но не потому что «машинность» онтологически первична, а как раз по причине ее вторичности. В силу того что творец несет бремя поддержания бытия сотворенного. Машина негерметична, рано или поздно она впускает в себя «дикую» реальность, когда неконтролируемые потоки энергии прорастают в локус контроля и растворяют искусственный «островок турбулентности» в «ламинарном потоке» реальности. Поэтому машина требует устранения помех, координации и логистики.

Но что конкретно контролирует человек, создающий или обслуживающий машину? Мало сказать, что он контролирует работу машины или потоки и срезы. Общая теория машин и механизмов (ТММ) – фундаментальный уровень инженерного знания. И любая ТММ утверждает, что машина – это система механизмов: «Механизмом называется система материальных тел, предназначенных для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения остальных» (Недоводеев 2012). Механизм – это *попарные сцепления элементов, ограничивающих движение друг друга. Взаимное сопротивление призвано ограничивать количество степеней свободы элементов*. Это очень важная специфика машины не только как базовое знание в рамках ТММ, но и в качестве вопроса о бытовании машины. В онтологическом ракурсе первую задачу инженера можно рассматривать как создание *особых характеристик* реальности.

Вспомним мир знаменитой Флатландии⁸: объектам гораздо труднее уклониться от контакта в плоском мире, чем в мире, наделенном третьим измерением (глубины или высоты). Чтобы сделать контакт каких-то объектов неизбежным в условиях движения, следует убрать и второе измерение, то есть выстроить такой мир, где движение объектов возможно лишь вперед и назад. Только в таком одномерном мире образуются пары самостоятельно движущихся элементов, которые строго ограничивают степени свободы друг друга.

⁸ Фантастический мир, обладающий только двумя измерениями. Описан в романе британского писателя Э.Э. Эбботта. См.: Abbott E.A. 1884. Flatland: A Romance of Many Dimensions. London : Seeley & Co. 96 p.

Машинный механизм, к примеру, зубчатая передача, – простой пример одномерно устроенного мира. Сколько бы ни включала в себя машина сцепляющихся колес, как бы сложно они ни располагались в нашем трехмерном пространстве, каждое сцепление может быть понято как одномерная вселенная, то есть такой мир, где движение колес вне заданной плоскости *невозможно*. Усилиями инженера «отменяется» многомерность реальности и, соответственно, способность потоков уходить за пределы конкретного «локуса контроля» (механизма) или неконтролируемо вторгаться в него. Творец создает реальность, размерность которой меньше его собственной; возможно, это необходимое условие принципиально нефантазийного творчества.

Очень часто, когда немашинные области действительности определяются как машины, речь идет лишь о похожести. Периодичность процессов, замкнутые циклические паттерны делают что угодно похожим на машину. Но машинность феномена (если мы хотим, чтобы машина работала) связана с наличием элементов, в своей активности ограничивающих степень свободы друг друга, причем речь идет о таком ограничении, которое стремится к строгой и неизменной воспроизводимости. Последнее обстоятельство важно, когда мы имеем дело с концептуальными попытками уподобить немашинные сущности машине.

Действительность богата примерами союзов, где элементы взаимно ограничивают степени свободы друг друга. Манипуляции в личных отношениях можно рассматривать как попытку реализации функции, в которой манипулятору подвластны «независимые переменные»; фордизм – пример «машинизации» социально-экономического характера; политическая жизнь государства предполагает множество «зубчатых передач» взаимного ограничения степеней свободы власти и народа и т.д. Казалось бы, многочисленные примеры подобного рода лишь подтверждают доводы, что социальность – это тоже машина. Но все же эти описания социальных явлений и процессов в категориях машинизма – либо утопии, либо ситуация, когда метафора подменяет собой концепт⁹.

Хаос бурлит под тонким слоем человеческих институтов, и их функционал заключается в выстраивании контролируемых взаимодействий. Но насколько это получается – другой вопрос. Действительная (а не метафорическая) машинность означала бы создание системы взаимодействий, развивающихся в одномерном пространстве: когда шаг влево или вправо невозможен в принципе. Вряд ли мы можем даже вообразить себе столь высокую степень легитимного насилия. А отношения, в которых зависимость действий одного человека от действий другого была бы реализована с математически однозначной точностью, мы в первую очередь анализировали бы в контексте

⁹ Конечно, трудно однозначно разделить в пространстве смыслов области действия концептуальной метафоры и философского концепта. Но этот момент не следует и полностью игнорировать. В данном случае можно лишь подчеркнуть, что метафора, скорее, размывает жесткие границы смыслообразования, тогда как концепт стремится их стабилизировать.

уголовной ответственности. Инженерия социальных взаимодействий может рассчитывать только на *принципиально частичный* контроль потоков и срезов. Машина же возможна лишь тогда, когда алгоритм остается строгим предписанием, не оставляющим место произволу. Действия подвластных социальной инженерии людей могут быть лишь машиноподобными, тогда как их бытование остается прежним. Возможно, именно поэтому инженерам всех времен не дает покоя идея создания «искусственного человека» – машины, которая была бы «совершенно как человек».

Искусственный интеллект как классическая и неклассическая машина

Далее речь пойдет о генеративном искусственном интеллекте (ИИ) как о машине. Все вышесказанное в отношении инженерии машины применимо и к цифровой инженерии. Вместо зубчатой передачи строчки кода, то есть языковое сообщение в рамках особого класса формализованных языков. Цель этих языков – реализация машиной (хардом) вычислительных процессов на основе данных. Происходит перевод на машинный язык, созданный на основе двоичной системы счисления. На аппаратном уровне этот язык инициирует переключение транзисторов.

Естественный язык отличается от языка программирования принципиальной некомпозиционностью и неоднозначностью; смысл зависит от контекста (прагматического аспекта) гораздо больше, чем от синтаксической и семантической характеристик языковых единиц. Естественный язык является своего рода многомерным пространством, аналогом естественной реальности. Разработчик программного обеспечения имеет дело с «материей» естественного языка и так же, как создатель механической машины, изменяет условия бытования этой «материи»: создает *семантически одномерную реальность*, в которой важна *невозможность* истолкования более чем одним вариантом. Благодаря логике и математике появился обширный арсенал инструментов превращения «хаоса» естественного языка в язык, понятный машине. Так создается машина (компьютерная программа) из «материи» естественного языка.

ИИ похож на автоматон (например, известные куклы Жака де Вокансона): и в том и в другом случае мы склонны забывать об их машинном «нутре» из-за впечатления по поводу их «разумности». Но колеса в механизме автоматона двигаются строго по заданной траектории; если появится какая-то непредусмотренная степень свободы хотя бы у одного колесика (например, он расшатается), это приведет к поломке машины. Алгоритмы программного обеспечения и работы Интернета созданы таким образом, чтобы исключить двусмысленность в передаче данных. Если она все же появляется из-за ошибки разработчиков или испорченных вспышками на солнце битов, мы имеем дело с глитчами или куда более серьезными сбоями в работе этой огромной, распределенной по всему миру, машины. Поэтому в эти цифровые механизмы встраиваются системы защиты от хаоса, от неискусственной реальности.

Конечно, ИИ – очень сложная машина, к тому же не ограниченная корпусом конкретного устройства. Это система многоуровневой архитектуры¹⁰. Нижний уровень – передача битов по каким-то физическим каналам (кабелям, радиоволнам) изменением уровня электрического сигнала. На высшем уровне информация уже представлена в привычном формате (видео, фото, текст). Сеть Интернет может быть понята как «русла» для потоков информации; система *World Wide Web* (WWW) – это наполнение «русел», то есть объединенные страницы на пользовательских устройствах. Но вся эта сложная система алгоритмов – та же самая классическая машина, которая выстроена так, чтобы «не впускать» в себя хаос. Поэтому на вопрос, является ли ИИ машиной, мы ответим положительно. Сам ИИ тоже ответил на него положительно¹¹. Вот часть нашего диалога с нейросетью *ChatGPT*¹²:

– Является ли искусственный интеллект машиной?

– Да, искусственный интеллект также является машиной. Искусственный интеллект – это компьютерная технология, которая имитирует некоторые функции человеческого интеллекта, такие как распознавание речи, обработка языка, обучение, принятие решений и многое другое. Он работает на основе алгоритмов, которые обрабатывают большие объемы данных, чтобы находить шаблоны и закономерности, и использует эти знания для принятия решений и решения задач. Как и другие машины, искусственный интеллект не обладает сознанием и эмоциями, как у людей.

– Но что такое машина?

– Машина – это устройство, способное выполнять механическую или электронную работу. Она может быть механической, электрической, электронной или комбинированной. Машины используются для выполнения различных задач, например, для перемещения грузов, генерации энергии, обработки материалов, выполнения вычислительных операций и т.д.

Тот факт, что нейросеть дала тривиальный ответ на вопрос о машине, не должен удивлять или разочаровывать. Она оценивает массив данных как область вероятности, ограниченную запросом. Поиск выдает сочетания слов, которые имеют в этой области наиболее значимые веса¹³ – максимально вероятные данные. В итоге мы получаем ответ, являющийся наиболее предсказуемым с точки зрения данных, представленных в Интернете, и в зависимости от тех примеров, на которых обучалась нейросеть (весь

¹⁰ Многоуровневая архитектура – набор правил, который описывает процесс взаимодействия устройств в Сети. *Open Systems Interconnection model* (OSI model) выступает первой стандартной моделью в области сетевых коммуникаций.

¹¹ Это «признание», разумеется, не позиционируется нами в качестве какого-либо доказательства (тем более философского) «машинности» ИИ. Интересен лишь характер аргументации данного тезиса от самого чат-бота.

¹² Сервис, созданный на основе *Large Language Model* (LLM) – больших языковых моделей.

¹³ Речь идет о технической характеристике: используются методы стохастической аппроксимации посредством учета фактора правдоподобия. Машина получает приемлемые результаты оценки истинных апостериорных вероятностей на основе цепей Маркова, метода Монте-Карло, байесовских сетей и т.д.

контент, который она генерирует, можно найти и с помощью поисковиков). Разумеется, это упрощенная картина, но ее не стоит и переусложнять. Какими бы сложными ни были нейросети сегодня, их работа не отличается кардинально от работы низкоуровневого¹⁴ генеративного ИИ, например, такого, который отвечает за автозаполнение в смартфоне. Такие системы, как *ChatGPT*, стали возможны, когда появились алгоритмы, учитывающие больший спектр вероятности для слов в предложении, предложений в фразе и т.д. В любом случае «слепым пятном» для ИИ являются статистически маловероятные результаты объема данных. Это не стоит воспринимать как нечто присущее ИИ по определению; можно лишь утверждать, что на сегодняшний день это магистральная линия инженерных решений в данной области.

Вполне ожидаемым был и ответ чат-бота на вопрос о самой нейросети:

– *Являешься ли ты машиной?*

– *Да, являюсь. Я – это компьютерная программа, работающая на серверах и использующая алгоритмы и модели, разработанные для выполнения различных задач. Хотя я не имею физического тела, я могу обрабатывать большое количество информации, работать без перерыва и выполнять задачи с высокой точностью и скоростью. Однако я не обладаю самосознанием и эмоциональным интеллектом, как люди, и моя работа полностью зависит от того, как программисты написали мои алгоритмы и как я был обучен.*

Как видим, нейросеть отвечает на вопрос, который не был задан: «Являешься ли ты человеком/сознанием/личностью?» Что показывает: в Интернете это самый распространенный контекст вопроса. Это неудивительно, человек беспокоится о самом себе. Но если быть внимательными к машине и именно к машине, то в отношении *LLM* стоит говорить о произошедшей революции: *появился принципиально новый вид машин*. «Водораздел» прошел не по линии механического и цифрового. И не по линии различия машин, прошедших и не прошедших тест Тьюринга. Есть ИИ как классическая машина и есть ИИ как машина, которую мы условно назовем неклассической.

Классический ИИ получил ироничное название «Старый добрый искусственный интеллект» (*Good old fashioned artificial intelligence, GOF AI*). Термин появился еще в 1980-е гг. в работе Дж. Хогеланда (*Haugeland 1985*) и означает разработки на основе математической логики, призванные копировать работу человеческого интеллекта посредством создания строгих формализмов. Но довольно быстро стали видны принципиальные ограничения этого подхода: чтобы ИИ был в достаточной степени «гибким», требовались постоянные усложнения данного формализма. В какой-то момент стало очевидно, что это приводит к экспоненциальному росту непредусмотренных эффектов. Поэтому началась работа с вероятностными алгоритмами и статистическими моделями, то есть это разработки ИИ, к которому не относится определение *GOF AI*.

¹⁴ В данном случае «низкоуровневый» – это не оценочная, а вновь сугубо техническая характеристика; с точки зрения цифровой инженерии это весьма сложная машина.

В чем причина исключения нового ИИ из категории «старого и доброго»? Другими словами, в чем суть произошедшей в мире машин революции?

Мы рассмотрим этот новый вид машин в категориях онтологического подхода.

Во-первых, для нейросети этого поколения, как и для всякой машины, характерно желание «быть, чтобы быть» – базовый онтологический конституент, реализованный человеком в изобретательской деятельности. Во-вторых, нейросеть – по-прежнему система взаимодействующих элементов, ограничивающих степени свободы друг друга (механизм). До этого момента нейросеть – классическая машина. Но при более внимательном рассмотрении становится заметна принципиальная новизна: в нее «встроен» хаос, причем в качестве элемента механизма. Поэтому можно говорить, что человек вышел на *новый уровень онтологического праксиса*.

Нейросеть обучается на большом объеме данных, которыми создается WWW. Это уже не специально подобранные агенты (люди или тексты) для обучения машины, как это происходило в начальную эпоху развития ИИ. Это весь контент Интернета, то есть то, что можно назвать «диким множеством».

Может показаться, что эти данные – просто «сырье» для нейросети подобно тому, как зерно является сырьем для мельницы. В чем же тогда различие между этими машинами? Дело в том, что данные в виде «дикого множества» являются, по сути, элементом механизма новой машины.

«Классический» характер работы с данными (подобно зерну для мельницы) характерен для разработок в русле GOFAI, когда машинные «мозги» (то есть алгоритмы) обрабатывали запросы и данные, поставляемые создателем ИИ (инженером по знанию). Но в нейросетях, с которыми мы имеем дело сегодня, все происходит так, как если бы зерно являлось неотъемлемой частью механизма мельницы.

Фундаментальный труд «Искусственный интеллект: современный подход» (Рассел, Норвиг 2006) повествует о его создании как о создании интеллектуальных (или рациональных) агентов; грань между людьми и алгоритмами принципиально не проводится. «Рациональным агентом называется агент, который действует таким образом, чтобы можно было достичь наилучшего результата или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата» (Рассел, Норвиг 2006: 39), – пишут авторы и подчеркивают, что машину можно «внедрить» в само человеческое мышление. Не «превратить» человека в машину, а создать в среде мышления локус контроля с помощью, к примеру, осознанного применения байесовских методов, которые лежат в основе и многих алгоритмов ИИ. Но авторы на протяжении более чем тысячи страниц своего крайне внимательного к деталям исследования не говорят о том, что контакт интеллектуальных агентов в виде машины и человека может формировать не только «машинизацию» когниториума¹⁵ человека, но и «хаотизацию» когниториума машины.

¹⁵ В данном случае это метафора «места обучения».

Нейросеть – это, с одной стороны, машинные алгоритмы, с другой – человеческий контент. Она управляется не языком программирования, а естественным языком (запрос в диалоговом окне). Машина и человек ограничивают степени свободы друг друга, так возникает работающий механизм нейросети. Вероятностные алгоритмы ИИ отсекают наиболее маловероятное в контенте Интернета, ставя тем самым какие-то смыслы, образы или решения вне пространства интереса машины и, в перспективе, в «слепом пятне» и для человека (который пользуется нейросетью). Но человеческий контент, будучи, по сути, хаосом, упрямо расшатывает однозначность машинного выбора, заставляя нейросеть бесконечно обучаться, выдавать ошибки и даже врать, корректировать алгоритмы глубоких слоев. Строго заданные алгоритмы (машинный элемент) и принципиально хаотизированный контент (немашинный элемент) соединяются, чтобы появился новый вид машин.

Инженеры понимают, что различие в среде ИИ появилось, но круг дискуссий ограничен вопросами о технологиях. Наиболее показательным примером выступает полемика между одним из «отцов» машинного интеллекта Н. Хомским и П. Норвигом, соавтором указанного выше исследования об ИИ, ныне директором по исследованиям в корпорации *Google*. Спор начался на одном из симпозиумов по ИИ и получил развитие в блоге Норвига. Хомский высказал недовольство тем, что разработчики ИИ согласились с принципом «черного ящика», когда создатель нейронной сети, по сути, не понимает, как происходит ее обучение, то есть как реализуется контакт машины с «диким множеством». Хомский предпочел бы, чтобы наука получила строгое знание о глубинных структурах языка и мышления человека, а инженеры выстроили бы машину, воспроизводящую эти процессы (то есть машина ИИ оставалась бы классической). Но инженеры пошли по другому пути, и за эту сферу разработок вступился Норvig. Он не видит проблемы в том, что инженеры уже не пытаются познать глубинные структуры мышления (и языка), что машина, по сути, «подбирает» ответ из тех вариантов, что предлагает Интернет (это, разумеется, упрощенное пояснение, но суть спора оно отражает). «Я согласен, что инженерный успех не является целью или мерилем науки. Но я наблюдаю, что наука и инженерное дело развиваются вместе, и что инженерный успех показывает, что что-то работает правильно, и поэтому является свидетельством (но не доказательством) научно успешной модели»¹⁶.

За рамками спора остается суть машины, с которой имеют дело оба исследователя, что крайне интересно для философии машины. Речь идет о появлении машины, *которая не просто «разомкнута в хаотическую реальность», но для которой хаос (хаотизированные данные) является частью механизма*. Эта машина уже принципиально не может быть «островком» линейности и контроля, но (что удивительно) остается машиной.

¹⁶ Norvig P. On Chomsky and the Two Cultures of Statistical Learning // Peter@Norvig.com. URL: <http://norvig.com/chomsky.html#:~:text=But%20I%20observe%20that%20science,can%20progress%20on%20its%20own> (дата обращения: 25.06.2023).

Человек сделал хаос элементом механизма машины уже тогда, когда впустил в нее «приблизительность», «правдоподобность», то есть вероятность, благо существует огромный массив математических разработок в этой области. Норвиг говорит о том, что среда классического планирования полностью наблюдаемая, детерминированная, конечная, статическая и дискретная (собственно то, что мы назвали машиной как таковой). Но планирование в реальном мире предполагает иной функционал: потребовалось добавить случайные переменные в алгоритмы, чтобы сделать их рабочими в области хаотизированных данных (то есть реальности). Было принято инженерное решение: не минимизировать нелинейность, а в определенном смысле сделать на нее ставку (Рассел, Норвиг 2006: 564-612). И такая машина как нейросеть «живет» за счет не только вероятностных алгоритмов, но и контента Интернета, который по определению связан с нелинейностью. WWW – это не просто набор текстов (визуальных, символьных, аудиальных и т.д.), но система *гипертекстов*. Гипертекст характеризуется интерактивностью, сложностью и нелинейностью. В одно место можно прийти миллионами путей-вариантов. Какая-то линейность в нем если и возможна, то лишь в качестве персонального (выделенного) «маршрута» движения по гиперссылкам.

Нейросеть устроена таким образом, что за ее внутренней работой уже нет «присмотра». Многие считают, что он возможен технически; что инженеры, в принципе, могут проследить за каждым действием обучающейся нейросети. Другое дело, что на практическом уровне это нецелесообразно. Более того, машина остается именно машиной, то есть ее существование обеспечивает человек, поскольку хаос шумов и помех по-прежнему необходимо перманентно минимизировать. Но нельзя не обратить внимания на то, что в качестве человеческой «уловки» нейросеть представляет собой «хитрость» более высокого порядка: *человек создал машину, которая сама осуществляет и контролирует собственное бытование.*

Однако, как выясняется на практике, сделать «дикое множество» элементом машины крайне трудно не с точки зрения инженерии, а готовности человечества принять результат ее работы. Мы не будем повторять все нарративы страха перед ИИ, но уделим внимание опасностям, которые вытекают из нашего анализа машины.

Во-первых, опасность связана именно с осуществлением неклассической машиной собственного бытования. Машина может навредить человеку не из-за того, что она чего-то захочет, а в силу того, что она сама выстраивает одномерность пространства для многих своих механизмов, то есть трудно предугадать, что конкретно алгоритмы сочтут (не обдумают, а буквально вычислят) необходимым сократить по соображениям оптимизации.

Еще одна опасность «нестарого» и, видимо, «недоброго» ИИ связана со стремлением человека превратить эту неклассическую машину в классическую. Когда в 2016 г. появился один из первых чат-ботов *Tau*, созданный *Microsoft*, на выходе создатели получили расистский и/или крайне неприличный контент. Поэтому они были вынуждены отозвать чат-бот,

чтобы встроить в систему (в ряд спорных дискуссий) фильтры. Все версии *ChatGPT* – это уже «отфильтрованная» неклассическая машина.

Неклассическая машина оказывается классической по способу применения, то есть реализуется как пространство контроля. Но кто контролирует (встраивает фильтры) в случае с нейросетью? Конечно, манипуляция информацией – технология, которая всегда сопутствует развитию человеческого общества. Но в случае с ИИ эта технология становится ювелирно прицельной благодаря когнитивному эффекту предвзятости подтверждения (*confirmation bias*): человек склонен искать только ту информацию (или музыку, образы и т.п.), которая заведомо принимается им. Благодаря огромной базе данных и скорости ее обработки машина отбирает контент намного успешнее самого человека. Пока это делает неклассическая машина, человек рискует лишь тем, что рано или поздно попадет в «кокон комфорта». Это сама по себе не самая благотворная для сознания ситуация, но она становится крайне опасной, если неклассическую машину превращают в классическую. Встроенные (кем-то, по заказу кого-то и т.д.) в машину фильтры угрожают тем, что «кокон» может оказаться смоделированной кем-то картиной реальности.

Опасности, связанные со спецификой механизма новой машины, не стоит преуменьшать. Но, возможно, их не стоит и преувеличивать – хаос необорим. Для нашей темы важно подчеркнуть, что новый вид машин (как и их создателей) не следует демонизировать. С ними стоит заинтересованно знакомиться и уже сейчас концептуально структурировать их пространство. Мы постарались показать, что есть ИИ как вполне функциональные машины с точки зрения контроля и попечения, то есть вполне классические машины (без выхода на «дикое множество»), и есть машины для «жизни с неопределенностью», которые, возможно, в целях безопасности в долгосрочной перспективе стоит попытаться принять вне парадигмы контроля и попечения. В конце концов, если нейросеть и дает нам знание, то наиболее ценным будет вовсе не то, что она продублирует из онлайн-энциклопедий. Гораздо ценнее то, что человечество узнает о самом себе как о пространстве распределения вероятностей мнений и решений.

Это лишь некоторые моменты рефлексии, вооруженной знанием о специфике машины, по поводу умных машин. Они важны в качестве демонстрации того, что культура нуждается в действительно актуальном понимании машины. В настоящей статье предлагается дистинкция между классической и неклассической машиной, но могут быть и другие. Выражаем надежду, что наше исследование показало как минимум то, что пока человек по большей части *не* понимает машину (впрочем, об этом говорил еще Ж. Симондон). А знание о своем незнании, как известно, выступает стимулом для развития философии, в данном случае философии машины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богост И. 2019. Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь : HylePress. 200 с.
- Винер Н. 1966. Творец и робот. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией. Москва : Прогресс. 104 с.
- Глебкин В.В. 2012. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона // Вопросы языкознания. № 3. С. 51-68.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. С. 3-545.
- Делёз, Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Железняк В.Н. 2020. Феноменология технических устройств // Технологос. № 4. С. 64-74. DOI 10.15593/perm.kipf/2020.4.06
- Зарипов Я.В. 2015. Μηχανή: анализ семантики в диахронической перспективе // Материалы Всероссийской школы молодых византистов NEANIA. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Зарипов%20Я.В.pdf> (дата обращения: 25.06.2023).
- Лакан Ж. 2009. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Москва : Гнозис : Логос. 520 с.
- Ланд Н. 2020. Искусство как мятеж: вопрос эстетики у Канта, Шопенгауэра и Ницше // Ланд Н. Сочинения : в 6 т. Т. 1. Пермь : HylePress. С. 79-106.
- Ле Корбюзье. 2017. Новый дух в архитектуре. Москва : Strelka Press. 113 с.
- Локк Дж. 1985. Опыт о человеческом разумении (кн. 1-3) // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. С. 78-582.
- Мамфорд Л. 2001. Миф машины. Техника и развитие человечества. Москва : Логос. 408 с.
- Недоводеев В.Я. 2012. Курс лекций по теории механизмов и машин для машиностроительных специальностей. Ульяновск : УлГТУ. 83 с.
- Николин В.В. 2002. Машинность как всеобщий принцип воспроизводства: Онтологический аспект экспансии машины в немашинные сферы бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск : ОмГПУ. 32 с.
- Подорога В. 2010. Homo ex machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы // Логос. № 1. С. 22-50.
- Рассел С., Норвиг П. 2006. Искусственный интеллект: современный подход. Москва : Вильямс. 1408 с.
- Симондон Ж. 2012. О способе существования технических объектов // Транслит: литературно-теоретический журнал. № 9. URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/zhilber-simondon-o-sposobe-sushhestvovaniya-tehnicheskikh-obektov> (дата обращения: 25.06.2023).
- Циплакова Ю.В. 2014. «Вечный слуга машин вселенной: антропология желяющего производства Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 9, № 3. С. 147-158.
- Черникова Н.В. 2001. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. № 1. С. 82-89.
- Чубаров И. 2015. Машинная антропология. Запоздалый манифест // Логос. Т. 25, № 2. С. 122-141.
- Haugeland J. 1985. Artificial Intelligence: The Very Idea. Cambridge : MIT Press. 287 p.
- Hooke R. 1665. Micrographia. London : The Royal Society // Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (дата обращения: 25.06.2023).

Simondon G. 1958. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris : Aubier. 337 p.

Simondon G. 2005. *L'invention dans les techniques*. Paris : Seuil. 350 p.

References

Bogost I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*, Perm, HylePress, 2019, 200 p. (In Russ.).

Chernikova N.V. Metaphor and Metonymy in Terms of Modern Neology, *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 82-89. (In Russ.).

Chubarov I. Machine Anthropology. A Belated Manifesto, *Logos*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 122-141. (In Russ.).

Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Yekaterinburg, U-Factoria, 2007, 672 p. (In Russ.).

Glebkin V.V. Metaphor of Mechanism and Lakoff and Johnson's Conceptual Metaphor Theory, *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics], 2012, no. 3, pp. 51-68. (In Russ.).

Haugeland J. *Artificial Intelligence: The Very Idea*, Cambridge, MIT Press, 1985, 287 p.

Hobbes T. Leviathan or, The Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil, *Hobbes T. Collected works in 2 volumes. Vol. 2*, Moscow, Mysl, 1991, pp. 3-545. (In Russ.).

Hooke R. *Micrographia*, London, The Royal Society, 1665, available at: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (accessed June 25, 2023).

Lacan J. *The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis*, Moscow, Gnozis & Logos, 2009, 520 p. (In Russ.).

Land N. Art as Insurrection: The Question of Aesthetics in Kant, Schopenhauer, and Nietzsche, *Land N. Collected works in 6 volumes. Vol. 1*, Perm, HylePress, 2020, pp. 79-106. (In Russ.).

Le Corbusier. *The New Spirit in Architecture*, Moscow, Strelka Press, 2017, 113 p. (In Russ.).

Locke J. An Essay Concerning Human Understanding (books 1–3), *Locke J. Collected works in 3 volumes. Vol. 1*, Moscow, Mysl, 1985, pp. 78-582. (In Russ.).

Mumford L. *The Myth of the Machine. Technics and Human Development*, Moscow, Logos, 2001, 408 p. (In Russ.).

Nedovodeyev V.Ya. *Course of Lectures on the Theory of Mechanisms and Machines for Engineering Specialties*, Ulyanovsk, UIGTU, 2012, 83 p. (In Russ.).

Nikolin V.V. *Machinism as a Universal Principle of Reproduction: The Ontological Aspect of the Expansion of the Machine into Non-Machine Spheres of Being: D.Sc. thesis abstract*, Omsk, OmGPU, 2002, 32 p. (In Russ.).

Podoroga V. Homo ex machina. Avant-garde and Its Machines. Aesthetics of a New Form, *Logos*, 2010, no. 1, pp. 22-50. (In Russ.).

Russel S., Norvig P. *Artificial Intelligence. A Modern Approach*, Moscow, Vilyamc, 2006, 1408 p. (In Russ.).

Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques* [On the Mode of Existence of Technical Objects], Paris, Aubier, 1958, 337 p. (In French).

Simondon G. *L'invention dans les techniques* [Invention in Technics], Paris, Seuil, 2005, 350 p. (In French).

Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects, *Translit: literaturno-teoreticheskij zhurnal* [Translit: A Literary and Theoretical Journal], 2012, no. 9, available at: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/zhilber-simondon-o-sposobe-sushhestvovaniya-tehnicheskikh-obektov> (accessed June 25, 2023). (In Russ.).

Tsiplakova Yu.V. "Eternal Servant of Machinery of the Universe": G. Deleuze and F. Guattari's Anthropology of Desire Production, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki* [Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences], 2014, vol. 9, no. 3, pp. 147-158. (In Russ.).

Wiener N. *God and Golem. A Comment on Certain Points Where Cybernetics Impinges on Religion*, Moscow, Progress, 1966, 104 p. (In Russ.).

Zaripov Ya.V. Μηχανή: Analysis of Semantics in a Diachronic Perspective, *Proceedings of NEANIAI – All-Russian School of Young Scientists on Byzantine Studies*, 2015, available at: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Зарипов%20Я.В.pdf> (accessed June 25, 2023). (In Russ.).

Zhelezniak V.N. Phenomenology of Engineering Devices, *Technologos*, 2020, no. 4, pp. 64-74. (In Russ.). DOI 10.15593/perm.kipf/2020.4.06

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Викторовна Оболкина

кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-6644-104X;
ResearcherID: K-2695-2018;
Scopus AuthorID: 57734598800;
SPIN-код: 7529-5542;
E-mail: obol2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Obolkina

Candidate of Philosophy, Researcher, Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-6644-104X;
ResearcherID: K-2695-2018;
Scopus AuthorID: 57734598800;
SPIN-code: 7529-5542;
E-mail: obol2007@mail.ru



Брянник Н.В. Становление классической философии науки и эволюция ее форм // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 42-61. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_42

УДК 1(091):167

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_42

Становление классической философии науки и эволюция ее форм

Надежда Васильевна Брянник

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: n.v.brianik@urfu.ru

*Поступила в редакцию 20.07.2023, поступила после рецензирования 17.09.2023,
принята к публикации 29.09.2023*

Современная философия науки генетически связана с классической философией науки, которая сложилась в Новое время. Последняя, в свою очередь, сформировалась под влиянием событий, которые имели место в новоевропейской («новой») науке конца XVI–XVIII вв. Новоевропейская наука обрела статус классической, поскольку является начальным этапом науки современного типа. Отличительная черта науки современного типа заключается в том, что ее основанием и методом становится эксперимент. В настоящей статье раскрывается сущностная черта эксперимента как деятельности, связанной с поиском фактов, способных подтвердить или опровергнуть предположение/теорию/закон. Автором проводится обзор возникновения экспериментального метода в естествознании и социально-гуманитарных науках. В качестве разновидностей классической философии науки рассматриваются концепции Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта. Делается вывод, что в лице Ф. Бэкона мы имеем философию науки как методологию науки, максимально приближенную и направленную на предметный мир, изучаемый наукой, которая раскрывает законы опытно-экспериментальной деятельности и дает правила метода индукции, с помощью которого можно исследовать природу. Эта разновидность философии науки развивается от Ф. Бэкона к О. Конту и всей позитивистской традиции. Вторая разновидность классической философии науки представлена аксиоматико-дедуктивной методологией науки, она имеет своим истоком философию Р. Декарта и достаточно тесно сближает науку и философию, поскольку в этой методологии именно философия задает начала/аксиомы дедуктивного метода. Данная ветвь ведет к Гегелю и феноменологической традиции. И. Кант выстраивает критическую методологию, которая претендует на преодоление ограниченности как эмпирико-индуктивной, так и аксиоматико-дедуктивной методологии. В этой методологии эксперимент



© Брянник Н.В., 2023

осмысливается посредством концепта «пределы возможного опыта». Своеобразным продолжением кантовской разновидности философии науки является критический рационализм К. Поппера.

Ключевые слова: философия науки, методология науки, эксперимент, эмпирико-индуктивный метод, аксиоматико-дедуктивный метод, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, М. Хайдеггер, В.И. Вернадский

Formation of the Classical Philosophy of Science and the Evolution of Its Forms

Nadezhda V. Brianik

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Yekaterinburg, Russia

E-mail: n.v.brianik@urfu.ru

Received 20.07.2023, revised 17.09.2023, accepted 29.09.2023

Abstract. The modern philosophy of science is genetically related to the formed in the modern era classical philosophy of science. The latter, in turn, was formed under the influence of developments in the New European (“new”) science in the late 16th – 18th centuries. The new European science has acquired the status of classical one, because it is the initial stage of the modern type of science. The distinctive feature of this modern type is that experiment has become its basis and method. The article reveals the specifics of experiment as an activity associated with the search for facts that can confirm or refute an assumption/theory/law. An overview of the emergence of the experimental method in natural science and humanities is carried out. The concepts of Francis Bacon, René Descartes, and Immanuel Kant are considered as varieties of classical philosophy of science. It is concluded that in the case of Francis Bacon, the philosophy of science represents a methodology of science, extremely approximated to and aimed at the objective world studied by science, revealing the laws of experimental activity and the rules of the method of induction, which make exploration of nature possible. This type of philosophy of science runs from Francis Bacon to Auguste Comte and the whole positivist tradition. The second type of classical philosophy of science constitutes the axiomatic-deductive methodology of science. It has its origin in the philosophy of René Descartes and brings science and philosophy quite closely together, since in this methodology it is philosophy that sets the fundamentals/axioms of the deductive method. This branch leads to Hegel and the phenomenological tradition. Immanuel Kant builds a critical methodology that claims to overcome the limitations of both empirical-inductive and axiomatic-deductive methodologies. In this methodology, experiment is comprehended through such a concept as “the limits of possible experience”. A peculiar continuation of the Kantian variety of the philosophy of science is the critical rationalism by Karl Popper.

Keywords: philosophy of science, methodology of science, experiment, empirical-inductive method, axiomatic-deductive method, Francis Bacon, René Descartes, Immanuel Kant, Martin Heidegger, Vladimir I. Vernadsky

For citation: Brianik N.V. Formation of the Classical Philosophy of Science and the Evolution of Its Forms, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 42-61. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_42

Введение

Многие мыслители сомневаются не только в прогрессе философии, но даже в ее эволюции. При этом, как правило, ее сравнивают с наукой, развитие и прогресс которой очевидны. Что касается философии науки (как области философского знания), то ее эволюцию и прогресс вряд ли можно отрицать, ведь решающим фактором, задающим круг проблем этой области, является именно наука. Поскольку в строгом смысле то, что называется философией науки, образуется в процессе разделения философии и науки, а это происходит в Новое время, мы ставим перед собой задачу раскрыть становление и проследить эволюцию форм философии науки, вызванных событиями, которые имели место в новоевропейской науке.

В Новое время сформировался *современный тип науки*, основанием и методом которой становится *эксперимент/опыт*, что радикально отличает его от античной и средневековой науки. В этом статусе (основания и метода) в отношении науки эксперимент остается по сей день, именно поэтому к данному типу науки правомерно применять характеристику «современный». Достаточно распространено выделение трех этапов в развитии *науки современного типа* – *классического, неклассического и постнеклассического*. Одним из первых в отечественной литературе данное разграничение произвел В.С. Степин (Степин 2011), но убедительных и однозначных оснований для этого до сих пор нет. Когда в качестве таковых называют идеалы, нормы и ценности, то для представителей самой науки это звучит абстрактно и нетехнологично, поскольку не указано, как их можно выявить. К тому же на наших глазах формируется новый облик науки, основанной не просто на компьютеризации эксперимента, а на квантовом компьютере, и в ней прорисовываются признаки так называемого квантового мира. Будет ли это постнеклассическая наука, или мы имеем дело с принципиально новым феноменом, который уже не отвечает критериям науки современного типа? Ведь несмотря на существенные трансформации, заставляющие признать неклассическую и постнеклассическую науку как относительно самостоятельные этапы развития современной науки, какие-то признаки *классической науки*, притом носящие фундаментальный характер, сохраняются, что и позволяет рассматривать ее как своеобразную точку отсчета и наделять критериями классичности. Соответственно, можно говорить о подобных трансформациях и в *философии науки*, классический этап и функции которой стали отправными для неклассической и постнеклассической философии науки.

В настоящей статье мы ставим задачу обосновать на историко-научном и историко-философском материале эксперимент как основополагающий отличительный признак науки Нового времени, который в течение двух столетий проник во все подсистемы науки и позволил придать критерий классичности как самой науке, так и философии науки.

Эксперимент как основание и метод новоевропейской науки

Мыслители Нового времени сознательно противопоставляют создаваемое ими прежней или, как они ее называют, «старой» науке. Именно

поэтому в название своих трактатов они нередко вносят определение «новый». В качестве примера можно сослаться на Г. Галилея («Рассуждения и математические доказательства по поводу двух новых наук»), И. Кеплера («Новая астрономия»), Дж. Вико («Основания новой науки об общей природе наций»), И. Ньютона («Новая теория света и цветов»), Г. Лейбница («Новая система природы», «Новый метод максимумов и минимумов»), Дж. Беркли («Опыт новой теории зрения») и т.д. Осознание новизны создаваемой науки сопровождается выявлением отвечающих ей критериев научности.

Отметим, что является атрибутивным для новой науки, ее отличительным признаком, который выделяется представителями как классической, так и современной философии науки.

Наука Нового времени обретает *метод*, который становится средством получения нового знания, он технологичен и социально контролируем. Таким методом является *эксперимент*. По сути, именно эксперимент как основание новоевропейской науки отличает ее от античной и средневековой науки. В этом признании сходятся мыслители самых разных направлений. Обратимся к оценкам М. Хайдеггера и В.И. Вернадского.

М. Хайдеггер характеризует науку Нового времени как *исследовательскую* и по этому признаку сравнивает ее с античной и средневековой наукой, настаивая на том, что «ни средневековая “доктрина”, ни греческая “эпистеме” – не исследовательские науки, дело не доходит в них до эксперимента» (Хайдеггер 1986: 97). Даже если в изучении природы спорадически используются мера и число, а в ходе, например, астрономических наблюдений применяют приборы. В концепции немецкого мыслителя решающая черта *исследовательского эксперимента* заключается в том, что это «образ действий, который... обоснован и руководствуется положенным в основу законом и призван выявить факты, подтверждающие закон или отказывающие ему в подтверждении» (Хайдеггер 1986: 97).

Возможность появления полагающейся на эксперимент науки заложена, по М. Хайдеггеру, в метафизической сущности Нового времени – в том, как позиционирует себя человек в мире, в отличие от античного и средневекового человека. Данное философом определение эксперимента четко и недвусмысленно раскрывает статус человека в Новое время – он становится субъектом, созидающим окружающий мир. И в науке исследователь – это не сторонний наблюдатель происходящего, он активно вмешивается в изучаемые процессы, поскольку нацелен на выяснение того, что представляет для него интерес, ведь полученные знания предстоит использовать в практической жизнедеятельности. М. Хайдеггер определяет эксперимент как особую разновидность не просто активной, но наступательной, покоряющей природу деятельности, в которой реализуются идеи и замыслы исследователя.

В такой трактовке эксперимент соединяет *теорию* (или закон как концентрированное выражение теории) и *факты*. Эти две составляющие диаметрально противоположны: если факты непосредственно связывают с действительностью, то продукты теоретической деятельности – это разной степени абстрактности идеализированные объекты, без которых невозможно установить и выразить законы. В силу этих различий с помощью

добываемых в экспериментах фактов осуществляется проверка теорий/законов через их подтверждение или опровержение.

В экспериментах *естественных наук* стали использовать *приборы и инструменты*. Таковыми выступают различные механические приспособления и технические средства, когда они нацелены на получение фактов. Так, с целью исследования динамики и корреляции небесных тел Г. Галилей сконструировал подзорную трубу из известных за столетия до этого линз. Научные приборы и инструменты, как правило, получают объяснения в тех теориях, для которых они были созданы. В этой связи становится понятной достаточно точная их эпистемологическая характеристика как *материализованных теорий*. Усиливая то, что дано человеку природой, приборы и инструменты позволяют достигать большей точности в ходе экспериментов, их количественной измеримости. Поэтому эксперимент – это не только средство получения нового знания, но и определенный уровень технико-технологических достижений.

Если конкретизировать внедрение эксперимента в новоевропейскую науку конца XVI–XVIII вв., обнаруживается определенная закономерность. В.И. Вернадский проследил ее на большом историко-научном материале и представил так: «...в первой половине XVII столетия. В это время в научное сознание проникли одно за другим великие открытия и широкие обобщения естествознания. Физика, астрономия, анатомия и физиология, механика в течение немногих лет изменились до неузнаваемости» (Вернадский 1981: 193). Эксперимент позволил за существенно более короткие сроки и в более удобной форме, чем было раньше, получать научные результаты и делать открытия. Приводя убедительные примеры, ученый показывает, что не только в астрономии, но и анатомии стали формироваться методы научного наблюдения. Выявленная В.И. Вернадским закономерность идет вразрез с устоявшимся представлением о том, что эксперимент генетически связан только с физическими науками; он обосновывает одновременное его возникновение и в науках о живом (физиологии, анатомии).

В качестве примера В.И. Вернадский ссылается на работу А. Везалия «О строении человеческого тела», где с опорой на научные наблюдения излагается анатомия человека, а в трактате У. Гарвея «О движении сердца» на этом же основании представлена теория кровообращения, которая в биологии оценивается как революционное событие. В биологических науках используются и технические средства. Так, М. Мальпиги с помощью ранее изобретенного А. ван Левенгуком микроскопа смог на научной основе описать различные органы и их функции у живых существ.

Говоря о естественных науках, нельзя обойти стороной химию, которая в XVII столетии в лице Р. Бойля осознанно приходит к признанию необходимости экспериментального метода. В противовес сугубо практическим приложениям химических знаний, ученый настроен на научные исследования; духу времени отвечает цель, которую он ставит перед химиками: «Я смотрю на химию с совершенно другой точки зрения. <...> Если бы люди... посвятили все свои силы производству опытов, собиранию наблюдений и не устанавливали бы никаких теорий, не проверивши пред-

варительно их справедливости путем опытным» (цит. по: Джуа 1975: 87). Химия как наука должна полагаться на теорию, которую следует подтвердить опытно-экспериментальными исследованиями. Именно эта установка спустя столетие привела к революции в химии, связанной в первую очередь с именем А. Лавуазье.

В Новое время экспериментальный метод охватывает всю систему науки, а не только естествознание (механику, физику, химию, биологию); он начинает использоваться и в *социально-гуманитарных науках*. Упомянутый выше в числе новаторов Дж. Вико в работе «О научном методе нашего времени» приходит к выводу, что история как наука сможет развиваться, когда в ней соединятся теоретические посылки («идеальный проект») и факты – данные, которые историк может найти в документах и исторических источниках. Ему вторит его современник П. Бейль, который считает, что именно исторические факты придают строгость и точность историческому исследованию, поэтому их установление является важнейшей задачей историка. Нельзя не привести и такую обобщающую оценку экспериментального метода применительно к историческим, социальным и правовым явлениям, хотя относится она к конкретной фигуре: «Монтескье... распространил применение экспериментального метода на исследование человеческого общества, установив... общие “принципы”, с помощью которых можно было бы логически организовать бесчисленное многообразие обычаев, юридических норм, религиозных верований и политических форм» (Реале, Антисери 1996: 528). Здесь перечислен ряд феноменов, которые могут выступить в качестве источника фактов, то есть эмпирического материала для социальных наук. Неслучайно Ш.Л. Монтескье рассматривают как предтечу творцов социологической науки.

Приведем в качестве примера еще одну область, до известной степени пограничную между естественно-научным и социально-гуманитарным знанием и вырастающую из философии. Это психология. Д. Юм – один из тех, кто стоит у ее истоков как науки. Образцом для него стала ньютоновская механика. Он видел свою задачу в том, чтобы найти экспериментальный метод, с помощью которого можно было бы отделять психические образы, несущие реальное содержание, от химер и фикций. Для этого ученый различает в человеческом уме впечатления и идеи, используя для характеристики первых такие понятия, как «неудержимость», «наибольшая сила», а для вторых – «слабые образы», лишь отпечатки первых и пр. Юм наделяет впечатления в силу их *непосредственности* такими свойствами, как живость, сила, стойкость, прочность, твердость и т.д. Использование подобных характеристик объясняется тем, что мыслитель заимствует язык современной ему науки. Чувствуя, что при таком подходе происходит выпадение из философского дискурса, Юм уточняет: «Все это разнообразие терминов... рассчитано лишь на то, чтобы выразить тот акт ума, который делает для нас реальности более приобщенными к наличному существованию, чем фикции, придает им больший вес в наших мыслях» (Юм 1995: 170). По сути, Юм рассматривает впечатления как исходный фактуальный материал, на котором держатся все самые сложные

умственные построения, предназначенные для изучения психологической наукой.

Важно понимать, что эксперимент, как и любой метод, *технологичен*, поскольку представляет собой совокупность правил и процедур. Поэтому экспериментальная деятельность может быть проконтролирована специалистами, а через обучение ею можно овладеть. В Новое время появляется такой социальный институт науки, как академии, которые постепенно трансформировали любительскую деятельность в науку как профессию.

Охарактеризовав открытие эксперимента и вхождение его во все области знания как главное отличие новоевропейской науки, рассмотрим, что происходило в интересующий нас период в философских исследованиях.

Когда мы обращаемся к наиболее ярким представителям *классической философии науки*, взятым в начале ее становления (Ф. Бэкон, Р. Декарт) и ближе к завершению данного этапа (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, О. Конт, Дж.Ст. Милль), то видим переход от предсказаний и образов еще ожидаемой новой науки к описанию и оценке уже реально сложившегося ее облика. Очевидно, что на трансформацию *в философии науки* образа ожидаемой и предполагаемой науки в ее реальную модель повлияли события, происходившие в самой науке. Подтвердим данный тезис суждениями и оценками названных мыслителей, которые в терминологии своего времени описывали заявленные выше признаки становящейся и уже ставшей классической науки. Это одновременно позволит понять, в какой *форме* возникала философия науки и какие *функции* она выполняла.

Философия науки Ф. Бэкона как эмпирико-индуктивная методология

Ф. Бэкон, прогнозируя изменения, которые должна претерпеть наука, в качестве главного шага предлагает укрепить ее на новом основании, в ней должны быть найдены средства, позволяющие обществу приумножать богатства. Под «лучшими средствами» и «основанием» Ф. Бэкон понимает *опыт*. Важно раскрыть, что для него это означает. Среди многочисленных характеристик, зависящих от контекста, остановимся на наиболее общем: «...разумно и в соответствии с правилами придуманы и приспособлены для постижения предмета исследования» (Бэкон 1971: 76). Особенность опыта заключается в том, что с его помощью мы «приходим к самим вещам и к связям вещей» (Бэкон 1971: 69). Старую (древнегреческую) науку Ф. Бэкон потому и называет «детством науки», что она выстраивалась на одном умозрении и логических доказательствах – в ней отсутствовали средства выхода к самим вещам, а из-за отсутствия опытного основания она «повисала в воздухе». Примером для новой науки, по мнению философа, могут служить так называемые механические искусства. Напомним, что в противовес свободным искусствам (которые и отождествляли с наукой) механические искусства имели под собой прочную основу, поскольку обслуживали многообразные виды человеческой жизнедеятельности (от поварского искусства и ткачества до строительства, архитектуры, морского и оружейного дела), а по сути из них вырастали.

Совершенно недвусмысленно Ф. Бэкон определяет *задачи и цели* новой науки. Так, он утверждает, что «перед этой наукой стоит задача нахождения не доказательств, а искусств... назначений и указаний для практики» (Бэкон 1971: 74). Речь идет именно о механических искусствах, но тогда ученые должны уподобиться механикам. Что касается *цели*, то ею выступает улучшение жизни людей, облегчение практической деятельности, а не какая-нибудь призрачная слава или сиюминутная выгода, не способность к изощренным словопрениям и т.п. – это «низшие цели» (Бэкон 1971: 71). Нельзя не отметить, что нацеливание вновь возникающей науки на жизнь и практику имело в тот период не только узкую технико-технологическую направленность, но и такую, к которой мы лишь сегодня подходим. Речь идет о том, что нужны знания, которые позволят человеку укрепить свое здоровье и наслаждаться им, потому что именно здоровье есть величайшее из благ, которыми может располагать человечество.

В наших рассуждениях сделан переход от *опыта* как основания новой науки к ее *практической* значимости, и это не вызывает вопросов, но нуждается в прояснении один принципиальный момент. В опыте и только в опыте раскрываются отношения, связи и причинно-следственные зависимости, *присущие самой реальности*, без знания которых невозможно успешно действовать, ведь практика – это сфера *реального/действительного приложения* человеческих усилий во всем их многообразии, включая медицинские практики. В трактовке Ф. Бэкона это звучит так: «Мы показываем вещи обнаженными и открытыми» (Бэкон 1971: 69). Именно поэтому «два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают... и неудача в практике более всего происходит от незнания причин» (Бэкон 1971: 83). Из этого сущностного признака опыта – раскрытия благодаря ему самих предметов и предметных отношений в их причинно-следственных зависимостях – вытекают и становятся понятными крылатые фразы Ф. Бэкона: «Знание – сила»; «Природа побеждается только подчинением ей» (Бэкон 1971: 83).

Опыт, будучи направленным на *объект* – предметы и предметные отношения, всецело зависит и определяется *субъектом* – активной позицией ученого. Созерцая природу, лишь «подглядывая» за ней, раскрыть ее тайны, постичь природный мир невозможно. Активность исследователя вызвана тем, что «природа вещей лучше выражается в состоянии искусственной стесненности, чем в собственной свободе» (Бэкон 1971: 80). В ходе опыта мы «обуздываем» природу и выводим тем самым ее из привычного состояния. Изменение обычного течения природных процессов, введение их в «состояние искусственной стесненности» составляет отличительную черту опыта.

В чем, согласно Ф. Бэкону, выражается участие субъекта-исследователя в проведении опыта? В разных контекстах он показывает значимость *умственной составляющей* в действиях испытателя природы – его знаний, рассудка, разума, логики, но с учетом важного опытного правила: «...если понятия разума... отвлечены от вещей, то все рушится» (Бэкон 1971: 74). Поэтому, сопоставляя античную науку, которая держалась на спекулятивном умозрении и отвлеченных размышлениях (что достойно уважения), с вновь

возникающей, Бэкон пишет, что для последней справедливо и законно «принижение человеческого духа» (Бэкон 1971: 68-69), а вовсе не демонстрация силы ума. Это связано с тем, что стоит другая цель: «Там рассуждениями побеждают и подчиняют себе противника, а здесь – делом природу» (Бэкон 1971: 74).

Мы подходим, пожалуй, к главному положению бэконовской трактовки того, что собой представляет деятельность ученого. Она не должна носить стихийный характер, напротив, должна подчиняться *закону*. Так, он замечает, что «многие, ...почти сделавшиеся механиками, все же в самом опыте прибегают к какому-то зыбкому пути исследования и не следуют какому-либо определенному закону» (Бэкон 1971: 67). Из негативной оценки того, что значит пренебрегать опытом, вытекает и его позитивная характеристика – необходимость подчинения закону. Закон определяет степень участия («принижения») разума, который должен быть дополнен показаниями чувств (античная наука сознательно их игнорировала, ведь на чувствах основываются только мнения), но и чувствам устанавливаются строгие границы. И закон же дает правила проникновения в предметный мир вещей. По сути, это означает, что ученый должен овладеть *методом* как совокупностью правил, позволяющих достигать поставленной цели. Ф. Бэкон предлагает метод, соответствующий, с его точки зрения, новой науке: «По отношению к природе вещей мы во всем пользуемся индукцией. Индукцию мы считаем той формой доказательства, которая считается с данными чувств и настигает природу и устремляется к практике, почти смешиваясь с нею» (Бэкон 1971: 75). Через призму этого метода дается оценка и чувствам, и мыслям/разуму/логике.

Что касается *чувств*, то сами по себе они для Ф. Бэкона интереса не представляют. Он вписывает чувственные восприятия в свой контекст, когда заявляет, что мы «приводим дело к тому, чтобы чувства судили только об опыте, а опыт о самом предмете» (Бэкон 1971: 77). Как видим, конечный аргумент у него всякий раз замыкается на *предметном мире*. Но ведь чувства принадлежат воспринимающему *субъекту* и способны вводить в заблуждение, поэтому он считает ошибочным «утверждение, что чувство есть мера вещей» (Бэкон 1971: 75).

Мыслительная деятельность также должна быть трансформирована в соответствии с законами опыта и правилами метода индукции, так как «разум не может судить иначе как только через индукцию в ее законной форме» (Бэкон 1971: 77). Для раскрытия «законной формы» индукции, предложенной Ф. Бэконом, приведем ее трактовку известным отечественным специалистом в области истории философии и науки П.П. Гайденко: «Пытаясь... создать "*истинную индукцию*", Бэкон считает необходимым искать не только факты, подтверждающие определенный вывод, но и факты, опровергающие его» (Гайденко 2000: 156).

Изложенное объясняет, в какой *форме* возникла философия науки, связанная с Ф. Бэконом. Это *методология науки*. Содержательные аргументы в пользу подобной оценки изложены выше. Что касается терминологического облачения, то, при всей простоте и очевидности названия для современ-

ных специалистов, мы видим, как шел его поиск самим Ф. Бэконом. Инструментальная направленность, действенный характер создаваемой им философии науки заставляют мыслителя обращаться к наработкам прежней философии. Он перебирает, казалось бы, близкие по смыслу феномены и соответствующие им понятия. Так, в античную эпоху для этих целей пользовались *диалектикой* (именно поэтому она входила в тривиум свободных искусств – диалектика, грамматика, риторика). К сожалению, диалектический инструментарий не приспособлен для выполнения требуемой функции: «Общепринятая диалектика, будучи вполне применима в гражданских делах и в тех искусствах, которые основаны на речи... далеко не достигает тонкости природы» (Бэкон 1971: 67).

Пояснения Ф. Бэкона к форме и функциям востребованной философии науки продолжают вращаться вокруг предметного мира, мира природы. Склоняясь к аристотелевскому понятию «органон» (словосочетание «Новый Органон» Бэкон использует повсеместно), связанному и с логикой, и с инструментальным смыслом, мыслитель уточняет: «Я дал Органон; материал же нужно искать в самих вещах» (Бэкон 1971: 62). Поэтому истолкование природы было бы неправильно отождествлять с привычным пониманием логики, это для него особое искусство. Материалом для Нового Органона – инструментально-действенной формы философии науки – должна стать, согласно Ф. Бэкону, «естественная и экспериментальная история». Мы знаем, что из «естественной истории» вырастают естественные науки (в современной терминологии), а «экспериментальная история» вбирает в себя историю опытно-экспериментальных оснований новой науки.

Итак, в лице Ф. Бэкона мы имеем *философию науки как методологию науки*, максимально приближенную и направленную на предметный мир, изучаемый наукой. Она раскрывает законы опытно-экспериментальной деятельности и дает правила метода индукции, с помощью которого можно исследовать природу.

Эта ветвь философии науки достигает пика в своем развитии к концу XVIII – первой половине XIX вв. Классический этап в эволюции философии науки находит наиболее яркое воплощение в классическом позитивизме. Нами уже был проведен подробный анализ данного течения (Брянник 2020: 177-213), поэтому, отсылая к изложенному, лишь подтвердим преемственность бэконовской методологии науки. Приведем только два тезиса. Один из них общий, связанный с самой сутью позитивистской традиции: *позитивное* – значит *реальное и полезное* (есть и другие признаки, вытекающие из позитивного как реального). На наш взгляд, не составит труда соотносить эти сущностные признаки позитивного с задачами и целями новой науки в концепции Ф. Бэкона. Другой тезис конкретный, принадлежит Дж.Ст. Миллю и поясняет название его фундаментального труда «Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». Обратим внимание на претензию автора – изложить принципы/законы, которым должны подчиняться методы научного исследования; это однозначно говорит о том, что его труд – это методология науки. А заявленный конкретный тезис сформулирован так:

«Все науки были... чисто опытными... Теперь же все они... стали науками чисто дедуктивными... ..однако они ничего не теряют при этом из своего индуктивного характера, так как каждый шаг в дедукции есть все-таки индукция» (Милль 2011: 199). Прямые параллели с бэконовской трактовкой опыта как основания науки и значимости метода индукции очевидны.

В неклассической философии науки эта ветвь философии науки находит интересное продолжение у Э. Маха (Мах 2003), который выделяет две разновидности научного эксперимента – физический и умственный (мысленный). Первый связывается с вмешательством исследователя в природные процессы (Брянник 2020: 225-231). В постнеклассической науке компьютерному эксперименту противопоставляют так называемый натуральный эксперимент. Физический и натуральный эксперименты, по сути, отвечают заложенной Бэконом традиции.

Философия науки Р. Декарта как аксиоматико-дедуктивная методология

В Новое время сформировалась и другая ветвь философии науки как методологии, которая разрабатывала законы и правила *дедуктивного метода*. В указанный период она связана в первую очередь с именем Р. Декарта. Подтверждением, что и он был в поиске образа новой науки и связывал ее с выработкой метода, то есть строгих правил, которых надо придерживаться в исследовательской деятельности, служит название одного из наиболее известных его произведений – «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках».

В методологии Р. Декарта *опыт* также присутствует, но у него иная природа, чем у ранее описанного. Он связан с *внутренним миром исследователя*, а не с тем, что выводит к миру вещей. Поэтому первое из четырех «основных правил метода» формулируется мыслителем так: «...включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не может дать повод к сомнениям» (Декарт 1989: 260). В противовес Ф. Бэкону он не принижает мышление, напротив, возвышает, ведь даже внешние чувства для него – это всего лишь модусы мышления. Выясняя статус и значение разрабатываемой им методологии, Р. Декарт также сопоставляет ее с логикой и диалектикой. Мы находим у него: «...нужно заняться логикой, но не той... которая учит только средствам передавать другим уже известное ...сказанное относится к той логике, которая учит надлежащему управлению разумом для приобретения познания еще не известных нам истин» (Декарт 1950: 420).

Из многообразия формирующихся областей научного знания Р. Декарт особо выделяет математические науки, аргументируя это так: «Особенно нравилась мне математика из-за достоверности и очевидности своих доводов» (Декарт 1989: 251). Достоверность и очевидность – свойства аксиом как исходных принципов дедуктивного метода, разработанного в теоретико-доказательной форме еще античной математикой и нашедшего наиболее яркое воплощение в «Началах» Эвклида. Но математика в Новое время

только начала свое проникновение в различные области знания, тогда как философия длительное время была неразрывно связана с науками. Поэтому Р. Декарт исходные принципы (он чаще называет их *началами*) дедуктивно-го метода относит к философии: «Начала наук должны быть заимствованы из философии» (Декарт 1989: 261).

При этом мыслитель настроен на радикальное изменение прежней философии, выражая свои намерения таким образом: «Вместо умозрительной философии... можно создать практическую, с помощью которой... мы могли бы... стать... как бы господами и владельцами природы» (Декарт 1989: 286). Как видим, по своей целевой установке картезианская философия науки совпадает с бэконовской методологией науки. Возвращаясь к вопросу об исходных принципах дедуктивно ориентированной философии науки Р. Декарта, мы обнаруживаем у него: «“Я мыслю...” – эта истина первый принцип искомой мною философии. ...все представляемое нами вполне ясно и отчетливо – истинно» (Декарт 1989: 269).

Но если исходные принципы (аксиомы, начала) лежат в философии, то наука и философия входят в соприкосновение, поскольку без *начал* исследование невозможно. Р. Декарт фиксирует это соприкосновение: «...должно серьезно отдаться подлинной философии, первой частью которой является метафизика, где содержатся начала познания... Вторая часть – физика; в ней... рассматривается, как образован весь мир вообще; затем... какова природа земли и всех остальных тел, находящихся около земли... Далее, должно по отдельности исследовать природу растений, животных, а особенно человека» (Декарт 1950: 420). В этом рассуждении прорисовывается многообразие возникающих, но еще предметно не отшлифованных областей научного знания. Эта связка философии и науки, на которой выстроена методология науки, характеризующая их взаимодополнительность, раскрывается наглядно и образно, поскольку терминология системного подхода еще не выработана: «Вся философия подобна как бы дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике» (Декарт 1950: 421).

Итак, *дедуктивная ветвь методологии науки* своим истоком имеет философию Р. Декарта, который достаточно тесно сближает науку и философию. В этой методологии именно философия задает начала/аксиомы дедуктивному методу. Данная ветвь философии науки ведет к Гегелю, который считал, что только с помощью философских понятий предметные области *оформляются* и обретают *определенность* и *единство*. Благодаря этому познавательная деятельность в частных науках достигает уровня *законов*. Вот одно из его рассуждений: «Эмпирические науки... не останавливаются на наблюдении *единичных* явлений, а, двигаясь навстречу философии, с помощью мысли обрабатывают материал: отыскивая всеобщие определения, роды и законы» (Гегель 1974: 98). Своеобразное логическое завершение эта разновидность философии науки находит в феноменологии Э. Гуссерля, согласно которому только философская рефлексия придает осмысленность предмету и методу конкретных наук; обращение к внутреннему миру

выражается в наделении психологии особым местом в системе наук; в противовес эмпиризму и индуктивизму он признает теоретическое созерцание и интеллектуальную интуицию, погружая мир науки в жизненный мир (Брянник 2020: 77-86).

В неклассической философии науки, в упомянутом ранее разделении Э. Махом видов научного эксперимента, декартовской традиции отвечает умственный (мысленный) эксперимент, который имеет важное значение в аксиоматико-дедуктивном построении математических и математизированных наук. В постнеклассической науке особый интерес вызывает компьютерный эксперимент, который в своих истоках предстает как математический эксперимент, связанный с понятиями алгоритма и программы.

Философия науки И. Канта как методология критического рационализма

Было бы несправедливо обойти вниманием еще одну ветвь, которая поднимается над двумя рассмотренными, точнее, особым образом вбирает их в себя. Она представлена И. Кантом – одним из наиболее значимых имен классической философии науки, на наследство которого претендовали враждующие между собой течения неклассической философии науки (например, позитивизм и феноменология).

В кантовской философии науки *опыт* полагается на чувственные созерцания/представления как единственный способ выхода к самим предметам. Этот выход здесь столь же важен, как и у Ф. Бэкона, поскольку именно в чувственном созерцании закладывается все *содержание* научных знаний. Но опыт у Канта не тождествен созерцанию. Вот одно из его рассуждений по поводу *созерцания, предметов и опыта*: «...я не могу остановиться на ...созерцаниях, для того, чтобы они сделались знанием... Отсюда следует... допустить одно из двух: либо *понятия*, посредством которых я осуществляю это определение, также сообразуются с предметом... либо... допустить, что предметы, или, что то же самое, *опыт*... сообразуются с данными понятиями» (Кант 1994: 18). Кантовской позиции отвечает второе допущение. Это означает, что созерцать предметы как «открытые и обнаженные» вещи, как они есть сами по себе (на что ориентировал Бэкон), невозможно. Представленные в опыте предметы уже понятийно обработаны, отсюда опыт – это не пассивное созерцание представляющих интерес предметов, он являет собой активную деятельность познающего. Именно поэтому И. Кант отождествляет предметы с опытом. Среди его многочисленных трактовок интерес для нас представляет следующая: «...опыт... есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori» (Кант 1994: 19).

Данное априори, то есть принадлежащее внутреннему миру субъекта до всякого опыта – «в априорном познании может быть приписано объектам только то, что мыслящий субъект берет из самого себя» (Кант 1994: 21), но вместе с тем и определяющее его (опыт) – нить, ведущая к Р. Декарту.

Но если исходное начало картезианского метода характеризуется как ясное, очевидное, несомненное, то есть то, что в современной терминологии больше похоже на интеллектуальную интуицию, а эпохой ранее на веру или даже мистическое озарение, то у Канта априорное (исходное/изначальное/предваряющее) по отношению к созерцанию, предметам и опыту получает название *правил рассудка*. Из этого следует, что в его лице представлена *рационалистичная и дедуктивная* концепция, поскольку опыт непосредственно из чувственных данных не выводится, а формируется на основе «законов, а priori лежащих в основе природы как совокупности предметов опыта» (Кант 1994: 19). В априорных формах чувственности и рассудка с их сложной системой категорий заложены законы конструирования/выведения *предметов познания*. С этими положениями и связана оригинальность кантовской концепции, которая (по его собственной оценке) являет собой *коперниканский переворот в гносеологии*. Революционно звучит центральный, по сути, тезис его концепции: «Мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими. <...> ...знание относится только к явлениям, а вещь сама по себе остается не познанной нами, хотя она сама по себе и действительна» (Кант 1994: 19-20).

Обозначив базовое положение философии науки И. Канта, мы можем задаться вопросом о ее *форме и функциях*. И в этом мыслитель также претендует на оригинальность. Если Ф. Бэкон заложил базу для эмпирико-индуктивной методологии, а картезианская методология для рационально-дедуктивной, то Кант, не отрицая *методологического статуса* своей философии науки, квалифицирует ее как *критику* – именно это понятие и вынесено в название его фундаментального труда «Критика чистого разума». В подтверждение приведем его трактовку задачи данного произведения: «Задача этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей. Эта критика есть трактат о методе, а не система самой науки» (Кант 1994: 21).

Как видим, в понимании этих вопросов И. Кант также претендует на революцию. *Критической* методологии он противопоставляет *догматическую*. «Догматический метод» (он оперирует таким словосочетанием) работает по каким-то принятым принципам и может быть вполне технологичным, но его создатели и носители не рефлексируют по поводу данных принципов и их соответствия познавательным способностям человека. Как замечает сам мыслитель, они действуют, «не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них» (Кант 1994: 27).

Обратим внимание на еще один важный момент в постановке задачи. Мы имеем в виду использование в качестве примера для метафизики того, что наработано в математике и теоретическом естествознании. Неслучайно один из семи параграфов Введения к «Критике чистого разума» назван так: «Все теоретические науки, основанные на разуме, содержат априорные синтетические суждения как принципы». Выстраиваемую философию науки как методологию из наработанного в прежней философии материала –

метафизики – Кант хотел бы уподобить теоретической (аксиоматико-дедуктивной) науке. Отсюда и подытоживающий саркастический аргумент: «Те, кто отвергает... метод критики чистого разума, могут стремиться только к тому, чтобы сбросить оковы науки и превратить труд в игру, достоверность – в мнение, а философию – в филодоксию» (Кант 1994: 27).

В качестве примера, чем, по Канту, должна заниматься *критическая методология*, приведем постановку и решение им принципиально значимой проблемы, связанной с пониманием опыта. Он вводит концепт *возможного опыта*, давая ему такие пояснения: «...невозможно допустить, чтобы какое-нибудь понятие возникало... не входя в то же время в понятие возможного опыта... ...в таком случае оно не имело бы никакого содержания, так как ему не соответствовало бы никакое созерцание, потому что созерцания... составляют всю сферу или всю совокупность предметов возможного опыта» (Кант 1994: 499). В этом концепте заявлен наиважнейший методологический постулат – мы можем претендовать на познание (в том числе в науке) только того, что в силу наших познавательных способностей схватывается чувствами, доступно созерцанию. Другими словами, критическая методология концептом возможного опыта обозначает границы познания и дает его общую картину: «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. <...> ...эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» (Кант 1994: 71).

Будучи последовательным критиком, И. Кант не мог не задаться вопросом, что происходит с выходом за пределы возможного опыта, с точки зрения познания, в том числе научного. Он обращается к психологии, космологии и теологии, в своем единстве охватывающим целостность человеческого бытия. И это не просто допустимое предположение современного читателя кантовского труда. Согласно самому мыслителю, выход за пределы данного в опыте (*обусловленного, относительного и имманентного* по отношению к опыту и человеческой деятельности в целом) к *безусловному, абсолютному и трансцендентному* есть способность, от природы присущая человеческому разуму. «Трансцендентными, – пишет он, – я называю те основоположения, которые действительно побуждают нас разрушить все пограничные столбы и вступить на совершенно новую почву, не признающую никакой демаркации» (Кант 1994: 216). Излагая эту мысль простым языком, он замечает, что человек не довольствуется тем, что видит перед собой, ему всегда хочется заглянуть себе за спину.

Постоянно присутствующее у человека стремление постичь абсолютное, безусловное, трансцендентное не могло не сказаться на познавательных способностях, на особенностях получаемых посредством их понятий/знаний. Соответственно, со стороны философии науки И. Кантом должны быть предложены *методологические* приемы, позволяющие все это исследовать. И в этих ожиданиях он не разочаровывает.

Что касается элементарных составляющих этих знаний, то вот одна из кратких характеристик: «Понятие... выходящее за пределы возможного опыта, есть *идея*, или понятие разума» (Кант 1994: 229). Более сложное опре-

деление с использованием специфически кантовской терминологии формулируется им так: «...чистые понятия разума... суть *трансцендентальные идеи*... Они не вымышлены произвольно, а даны природой самого разума... эти понятия трансцендентны и выходят за пределы всякого опыта, в котором... никогда не бывает предмета, адекватного трансцендентальной идее» (Кант 1994: 233). Если даны природой самого разума, значит, носят априорный характер, и это оправдывает применение понятия «трансцендентальный»; тогда как отсутствие коррелята понятиям разума в предметном мире дает основание для понятия «трансцендентный».

Когда из элементов – понятий разума – складываются суждения/утверждения/положения, то специфика знаний становится очевидной: «Если мы употребляем свой разум... за пределы опыта, то отсюда возникают *умствующие* положения, которые не могут надеяться на подтверждение опытом, но и не должны опасаться опровержения с его стороны; при этом каждое из них... находит в природе разума условия своей необходимости; ...и противоположное утверждение имеет на своей стороне столь же веские и необходимые основания» (Кант 1994: 264-265). «Умствующие положения» – привлекательное и точное название, поскольку только по естественной потребности ума возникают идеи, в которых логически допустимы А и не А, то есть *тезис* и *антитезис*.

На что же способен человеческий разум в своем отлете от действительности? В каких идеях заключено абсолютное, безусловное, трансцендентное? И. Кант выстраивает целую «систему трансцендентальных идей» (так им назван раздел рассматриваемой книги), где выделяет три класса. Первый представляет абсолютное (безусловное) *единство мыслящего субъекта*, второй – абсолютное *единство ряда условий явлений*, третий – абсолютное *единство условий всех предметов мышления вообще* (Кант 1994: 236-237). В кантовской методологии заявленные трансцендентальные идеи, выводящие в мир трансцендентного, становятся началами таких наук, как психология, космология, теология.

Используя язык современной философии науки, можно заключить, что речь идет о предметах исследования *теоретического* уровня (таких, например, как абсолютно черное тело, идеальный газ, материальная точка, число натурального ряда и т.п.), которые опосредованно связаны с опытно-экспериментальными данными. Если взять объекты исследования психологии, космологии и теологии, в своем единстве создающие целостную картину мира, то, по Канту, их начала лежат в трансцендентальных идеях философии. Вот одно из пояснений: «...чистый разум дает идею для трансцендентального учения о душе... для трансцендентальной науки о мире... и, наконец, также для трансцендентального познания Бога...» (Кант 1994: 237).

Поскольку, согласно Канту, «умствующие положения» о трансцендентном предстают в качестве тезиса и антитезиса, возникает «естественная и неизбежная диалектика чистого разума» (Кант 1994: 217). В качестве примера приведем его космологическую антиномию. *Тезис*: «Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве» (Кант 1994: 268). *Антитезис*: «Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и

во времени, и в пространстве» (Кант 1994: 269). Диалектика в философии науки мыслителя обретает инструментальный смысл (в отличие от софистического понимания диалектики как искусства речи), так как раскрывает отношение противоположностей, доходящее до противоречия. Атрибутивной составляющей диалектического подхода является *скептический метод*. Его суть Кант раскрывает так: «Этот метод состоит в том, что мы присматриваемся к спору между утверждениями или даже сами вызываем его... для того, чтобы исследовать, не пустой ли призрак сам предмет спора» (Кант 1994: 266). Важность не скатиться в продуцирование фантастических образов («пустых призраков») о трансцендентном (даже признавая, что тезис и антитезис вытекают из природы самого разума) не нуждается в обосновании. Но понимая, какой шлейф смыслов тянется за скепсисом и скептицизмом за более чем двухтысячелетнюю историю данных феноменов, по поводу *скептического метода* Кант замечает: «Он совершенно отличен от скептицизма, ...подрывающего основы всякого знания... скептический метод имеет своей целью достоверность» (Кант 1994: 266).

Итак, кантовская философия науки также предстает в форме методологии. Он подает ее как *критическую* методологию; и таковой она является как по отношению к предшествующим достижениям (эмпирико-индуктивной методологии Ф. Бэкона и аксиоматико-дедуктивной методологии Р. Декарта), так и по своей сути. Это рациональная концепция, поскольку с помощью априорных форм обрабатывается и чувственный опыт, и опыт рассудочно-разумного познания. В современной философии науки наиболее близок кантовской позиции К. Поппер. Хотя он называет Канта непоследовательным критиком, не поставившим под сомнение ньютоновскую механику, тем не менее определяет свою позицию как критический рационализм, который находит яркое выражение в принципе фальсификационизма (Брянник 2020: 286).

Заключение

В период формирования новоевропейской науки, когда шло ее размежевание с разными формами духовного творчества, особую роль приобретает эксперимент, который в течение двух столетий активно распространяется на все подсистемы науки. Для подтверждения данного тезиса в нашей статье проведен историко-научный экскурс, раскрывающий проникновение эксперимента в конце XVI–XVIII вв. в такие области знания, как механика, физика, химия, физиология, анатомия, социология, история, психология. Эксперимент становится отличительной чертой и критерием научности всех последующих этапов развития науки, вплоть до современности. В рассматриваемый период философские исследования науки предстают преимущественно в форме методологии, где обсуждаются составляющие опытно-экспериментальной деятельности – цель, субъект, объект, технология/закон ее проведения.

В истоках становления философии науки современного типа проявляется альтернативность двух подходов в понимании сути эксперимента.

Методология, заложенная Ф. Бэконом, создана на материале естественной истории (естествознании); он выстраивает ее, поднимаясь от науки к философии, двигаясь от объекта/природы к субъекту – к раскрытию роли эксперимента в человеческой жизнедеятельности. В классической философии науки бэконовская традиция находит продолжение в позитивистской трактовке эксперимента О. Контом и Дж.Ст. Миллем; в неклассической и постнеклассической философии науки, соответственно, в понятиях физического эксперимента (Э. Мах) и натурального эксперимента (в статьях по теоретической физике). Методология, заложенная Р. Декартом, создана на материале математических и подвергнутых математизации наук, она выстроена диаметрально противоположным способом – от философии к науке, обращена к внутреннему миру субъекта экспериментальной деятельности. В неклассической философии науки продолжение данной традиции можно найти в феноменологии Э. Гуссерля с его критикой натурализма/объективизма и обращением к теоретическому созерцанию и интеллектуальной интуиции; в неклассической и постнеклассической философии науки, соответственно, в понятиях мысленного эксперимента (Э. Мах) и компьютерного эксперимента.

В методологии критического рационализма И. Канта основания науки исследуются на материале теоретического естествознания и чистой математики. При этом, настаивая на тезисе, что мысли без чувственного созерцания лишены содержания, он вводит такие значимые концепты, как «пределы возможного опыта» и «умствующие положения», что, на наш взгляд, создает определенную основу для оценки радикальных новаций, сопровождающих науку, когда создаются «теории всего», открываются гравитоны, черные дыры, новый квантовый мир и т.д.; предпринимаются попытки их интерпретации философствующими мыслителями, причем не только со стороны философии, но и самой науки. Выход за пределы возможного опыта, опора на «умствующие положения» ставят исследователя на грань скатывания в псевдонауку, побуждают к подрыву сложившихся критериев научности, где все завязано в конечном счете на эксперименте. Кантовские наработки дают определенный шанс для конструктивного восприятия подобных событий и явлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Брянник Н.В. 2020. Неклассическая философия науки. Москва : Академический проект. 300 с.
- Бэкон Ф. 1971. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Москва : Мысль. С. 57-546.
- Вернадский В.И. 1981. Кант и естествознание // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. Москва : Наука. С. 190-213.
- Гайденко П.П. 2000. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. Москва : Per Se ; Санкт-Петербург : Университетская книга. 455 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1. Наука логики. Москва : Мысль. 450 с.
- Декарт Р. 1950. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. Москва : Госполитиздат. С. 409-544.

Декарт Р. 1989. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Москва : Мысль. С. 250-296.

Джуа М. 1975. История химии. Москва : Мир. 483 с.

Кант И. 1994. Критика чистого разума. Москва : Мысль. 591 с.

Мах Э. 2003. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний. 456 с.

Милль Дж.Ст. 2011. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Москва : ЛЕНАНД. 832 с.

Реале Дж., Антисери Д. 1996. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. Санкт-Петербург : Петрополис. 736 с.

Степин В.С. 2011. История и философия науки. Москва : Академический проект : Трикта. 423 с.

Хайдеггер М. 1986. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П.С. Гуревич. Москва : Прогресс. С. 93-118.

Юм Д. 1995. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании. Москва : Канон. 396 с.

References

Bacon F. The Great Instauration, *Bacon F. Collected works in 2 volumes. Vol. 1*, Moscow, My`sl`, 1971, pp. 57-546. (In Russ.).

Brianik N.V. *Non-classical Philosophy of Science*, Moscow, Akademicheskij Proekt, 2020, 300 p. (In Russ.).

Descartes R. A Discourse on the Method of Correctly Conducting One's Reason and Seeking Truth in the Sciences, *Descartes R. Collected works in 2 volumes. Vol. 1*, Moscow, My`sl`, 1989, pp. 250-296. (In Russ.).

Descartes R. Principles of Philosophy, *Descartes R. Selected Works*, Moscow, Gospolitizdat, 1950, pp. 409-544. (In Russ.).

Gaidenko P.P. *History of the New European Philosophy in Its Relation to Science*, Moscow, Per Se, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000, 455 p. (In Russ.).

Giua M. *The History of Chemistry*, Moscow, Mir, 1975, 483 p. (In Russ.).

Hegel G.W.F. *The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences in 3 volumes. Vol. 1. The Science of Logic*, Moscow, My`sl`, 1974, 450 p. (In Russ.).

Heidegger M. The Age of the World Picture, *Gurevich P.S. (ed.) A New Technocratic Wave in the West*, Moscow, Progress, 1986, pp. 93-118. (In Russ.).

Hume D. *A Treatise of Human Nature. Book 1. On Cognition*, Moscow, Kanon, 1995, 396 p. (In Russ.).

Kant I. *The Critique of Pure Reason*, Moscow, My`sl`, 1994, 591 p. (In Russ.).

Mach E. *Knowledge and Error: Sketches on the Psychology of Enquiry*, Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy, 2003, 456 p. (In Russ.).

Mill J.S. *A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence, and Methods of Scientific Investigation*, Moscow, LENAND, 2011, 832 p. (In Russ.).

Reale J., Antiseri D. *Western Philosophy from the Origins to the Present Day. Vol. 3. Modern Times*, Saint Petersburg, Petropolis, 1996, 736 p. (In Russ.).

Stepin V.S. *History and Philosophy of Science*, Moscow, Akademicheskij Proekt & Trikssta, 2011, 423 p. (In Russ.).

Vernadsky V.I. Kant and Natural Science, *Vernadsky V.I. Selected Works on the History of Science*, Moscow, Nauka, 1981, pp. 190-213. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Васильевна Брянник

доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0009-0000-5298-533X;
SPIN-код: 6184-2791;
E-mail: n.v.brianik@urfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Brianik

Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0009-0000-5298-533X;
SPIN-code: 6184-2791;
E-mail: n.v.brianik@urfu.ru



Тютченко Д.А. Влияние гегельянства на французскую философию XX столетия: течения Александра Кожева и Жана Ипполита // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 62-80. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_62

УДК 1(091)

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_62

Влияние гегельянства на французскую философию XX столетия: течения Александра Кожева и Жана Ипполита

Даниил Аркадьевич Тютченко

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Россия

E-mail: nowayborov@gmail.com

Поступила в редакцию 26.05.2023, поступила после рецензирования 14.08.2023, принята к публикации 08.09.2023

В статье предпринимается попытка реконструировать влияние гегельянства на французскую интеллектуальную среду 1930–1960-х гг. в лице ее ведущих представителей. Актуальность исследования обусловлена тем, что французскую философию часто ассоциируют с идеей преодоления Гегеля, не учитывая его влияние, оказанное в том числе и на антигегельянцев. Для решения этой задачи автор обращается к теориям Александра Кожева и Жана Ипполита, а также их роли в становлении четырех известных философов. В первой части статьи рассматривается антропологическая интерпретация Гегеля, которую предложил Александр Кожев, и ее влияние на Жоржа Батая и Жака Лакана. Показывается, что каждый из них развивал собственную антропологию, отталкиваясь от тем, которые находились в центре внимания их учителя: отрицание, желание, борьба за признание. Оба выстраивают свой дискурс вокруг анализа феномена нехватки и силы негативности в человеческом существовании. В то же время они стремятся продвинуться дальше Гегеля и Кожева, отбрасывая идею конца истории. Жорж Батай делает это посредством обращения к данным этнологии, а Жак Лакан развивает собственную концепцию психоанализа. Во второй части статьи анализируется онтологическая интерпретация Гегеля, разработанная Жаном Ипполитом и повлиявшая на Луи Альтюссера и Мишеля Фуко. В своих комментариях к Гегелю Ипполит подверг критике субъективизм Кожева и сместил фокус внимания с человека на историю понятия и язык. Его ученики также стараются преодолеть антропологию и гуманизм в рамках собственных философских проектов – марксизма в случае Луи Альтюссера и власти-знания у Мишеля Фуко. Оба мыслителя отталкиваются от идеи про-



© Тютченко Д.А., 2023

цесса без субъекта и критики эссенциализма, разработанных их учителем. Вместе с тем они используют его концепты, чтобы направить их против детерминизма и телеологизма Гегеля. Автор статьи обращает внимание на то, что именно гегельянство предвосхитило некоторые положения структурализма. Делается вывод, что гегельянство было непосредственным условием появления идеи преодоления Гегеля во Франции.

Ключевые слова: Гегель, французское гегельянство, Александр Кожев, Жан Ипполит, антропология, негативность, желание, конец истории

The Influence of Hegelianism on the French Philosophy of the 20th Century: The Theories by Alexandre Kojève and Jean Hyppolite

Daniil A. Tyutchenko

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
E-mail: nowayborov@gmail.com

Received 26.05.2023, revised 14.08.2023, accepted 08.09.2023

Abstract. The article attempts to reconstruct the influence of Hegelianism on the French intellectual milieu of the 1930s–60s represented by its leading figures. The relevance of the study is due to the fact that French philosophy is often associated with the idea of overcoming Hegel, without taking into account his influence, including on anti-Hegelians. To address this issue, the author turns to the theories by Alexandre Kojève and Jean Hyppolite, as well as their role in the formation of four famous philosophers. The first part of the article examines Kojève's anthropological interpretation of Hegel and its influence on Georges Bataille and Jacques Lacan. It demonstrates that each of them developed his own anthropology starting from the themes that were in the focus of their teacher: negation, desire, and the struggle for recognition. They build their discourse around the analysis of the phenomenon of scarcity and the power of negativity in human existence. At the same time, they intend to move beyond Hegel and Kojève, discarding the idea of the end of history. Georges Bataille does this by appealing to the data of ethnology, and Jacques Lacan by developing his own concept of psychoanalysis. The second part of the article deals with the ontological interpretation of Hegel developed by Jean Hyppolite, which influenced Louis Althusser and Michel Foucault. In his commentaries on Hegel, Hyppolite criticized Kojève's subjectivism and shifted the focus from the individual to the history of the concept and language. His followers also try to overcome anthropology and humanism within the framework of their own philosophical projects – Marxism in the case of Louis Althusser and Foucault's theory of power-knowledge. Both thinkers started from the idea of a process without a subject and the critique of essentialism developed by their teacher. Along with this, they also use his concepts to turn them against Hegel's determinism and teleologism. The author of the article draws attention to the fact that it was Hegelianism that anticipated some of the provisions of structuralism. It is concluded that Hegelianism was a prevailing condition for the emergence of the idea of overcoming Hegel in France.

Keywords: Hegel, French Hegelianism, Alexandre Kojève, Jean Hyppolite, anthropology, negativity, desire, end of history

For citation: Tyutchenko D.A. The Influence of Hegelianism on the French Philosophy of the 20th Century: The Theories by Alexandre Kojève and Jean Hyppolite, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 62-80. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_62

Введение

Не будет преувеличением сказать, что вся история философии после смерти Гегеля так или иначе была попыткой его преодоления. В ряду мыслителей XIX–XX вв., от С. Кьеркегора до Ж. Делёза, трудно найти автора, который не отводил бы Гегелю такое место в своем философском проекте, которое позволило бы продвинуться дальше его замкнутой системы. В определенном смысле Гегель подвергался вытеснению, но именно эта необходимость постоянного критического возвращения к нему сделала его одной из определяющих фигур для современной философии. В этом контексте особенно примечательна роль гегельянства в истории французской мысли. Проблема заключается в том, что во Франции Гегель оказал решающее влияние на авторов, которых принято ассоциировать с антигегельянством или даже «постмодернизмом», который на первый взгляд не может иметь ничего общего с гегелевской систематичностью и универсализмом.

В своей статье мы планируем представить возможную картографию французской философии, способную отразить влияние гегельянства и дискуссий внутри него. Для этого обратимся к наиболее очевидной и общей демаркации, проходящей между интерпретацией Гегеля Александром Кожевом и Жаном Ипполитом. Проблему соотношения их подходов сложно назвать разработанной даже во французской историографии. На русском языке несколько лет назад была опубликована монография И.С. Куриловича на смежную тему (Курилович 2019), однако она помещает этих мыслителей в контекст феноменологии и лишь ситуативно рассматривает их влияние на последующую французскую философию.

Мы, в свою очередь, заострим внимание не столько на фигурах Кожева и Ипполита, сколько на порожденных ими тенденциях внутри французской мысли. Основной тезис настоящей работы состоит в том, что существует определенная «закономерность» (насколько это слово вообще уместно применительно к истории философии) в том, как ученики Кожева с одной стороны и ученики Ипполита с другой подходили к вопросам субъективности, истории и языка даже после отхода от гегельянства. Поэтому гегельянством, наравне со структурализмом, психоанализом и марксизмом, очерчен круг проблем, который занимал Францию во второй половине XX в.

Этот замысел требует пояснений. Во-первых, создаваемая картография не претендует на то, чтобы охватить все французское гегельянство и даже полностью охарактеризовать роль А. Кожева и Ж. Ипполита; значение имеют, скорее, его последствия. Поэтому, чтобы показать утверждаемую «закономерность», мы намеренно ограничимся узким кругом авторов: в качестве «последователей» Кожева остановимся на Жорже Батае и Жаке

Лакане, а из «сторонников» Ипполита – на Мишеле Фуко и Луи Альтюссере. Этот выбор обусловлен контрастом, который делает явным различие подходов Кожева и Ипполита к Гегелю и показывает разницу в их влиянии на примере наиболее известных учеников. К тому же именно в текстах четырех перечисленных философов можно заметить проблему, которую мы намерены рассмотреть в настоящей статье: они одновременно являются наследниками французского гегельянства и стараются преодолеть его.

Во-вторых, данный анализ не является разновидностью «герменевтики подозрения» и не стремится выявить за каждым из рассматриваемых философов скрытое гегельянское содержание. Задача состоит в том, чтобы показать, как ранний «опыт гегельянства» (посещение семинаров Кожева либо обучение под руководством Ипполита) в числе прочих задал определенное направление их дальнейших поисков. Поэтому для нашего исследования не является препятствием тот факт, что, например, Альтюссер многократно заявлял о себе как об антигегельянце (Альтюссер 2006b), а Лакан периодически критиковал Гегеля на своих семинарах (Лакан 2010). За философами, о которых пойдет речь, мелькает не тень Гегеля, а та специфическая интерпретация его философии, в пространстве которой они формировались и от которой достаточно далеко ушли в дальнейшем.

В-третьих, создаваемая нами картография, как и любая другая в истории философии, является в значительной мере условной. Проводимая линия разграничения в действительности оказывается постоянно пересекаемой. Например, Фуко, ученик Ипполита, был одним из тех, кто возвратил интерес к Батаю (Foucault 1994b), последователю Кожева, а Альтюссер состоял в переписке с Лаканом и сформулировал схожее с ним понимание субъекта (Althusser 1993). Между этими течениями нет водораздела, несмотря на разницу в интерпретациях Гегеля, предложенных их учителями.

Таким образом, наша задача – установить генеалогическую связь в обрисованных выше координатах. Релевантный метод для ее решения можно назвать археологическим, в том смысле, который этому слову придал М. Фуко. Это значит, что нас интересуют не мнения рассматриваемых философов, а условия возможности этих мнений (Фуко 1994). Например, показать, как специфическое прочтение Гегеля Ипполитом сделало возможным проект структуралистского марксизма Альтюссера или как лекции Кожева позволили Батаю сформулировать концепцию суверенного субъекта. Это же обязывает рассмотреть не только отношение преемственности с гегельянством, в котором они находятся, но и отношение разрыва, имеющее не меньшее значение.

Александр Кожев и его влияние на Жоржа Батая и Жака Лакана

Сначала обратимся к А. Кожеву, который занял в истории философии столько же трудно определимое место, что и французское гегельянство в целом. Чаще всего его имя можно встретить в конструкциях типа «оказал влияние на...», далее следует длинный список фамилий совершенно разных философов, посещавших его семинары: Ж. Батай, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти,

Ж.-П. Сартр, Р. Арон, Р. Кено и др. Между тем подобное перечисление редко дает понять, что за «теоретический долг» перед Кожевом объединяет столь разных философов. Было бы небезынтересно показать, как каждый из них осуществляет рецепцию Гегеля/Кожева в своих работах, но мы, в силу характера настоящей статьи, остановимся на Ж. Батае и Ж. Лакане. Этот выбор обусловлен тем, что именно в их работах наиболее явна проблема, которую мы намерены рассмотреть: они одновременно находятся в непосредственной зависимости от Гегеля и его интерпретаций, но при этом намерены преодолеть его.

Для начала остановимся на нескольких узловых точках кожевской интерпретации Гегеля, вокруг которых выстроен знаменитый лекционный курс 1933–1939 гг. по «Феноменологии духа». Темы, к которым обращается Кожев, не могли не удивить молодых французских интеллектуалов того времени, в том числе Батая, несмотря на то что он был, скорее, выходцем из художественной среды (сюрреализма) и уже тогда имел мало общего с академической философией. Так, в 1932 г., за год до начала курса Кожева, он опубликовал статью «Критика оснований гегелевской диалектики», в которой почти дословно воспроизводит общепринятую на тот момент интерпретацию Гегеля. Он противопоставляет «абстрактную и лишенную реальных оснований» гегелевскую диалектику «реальной», чьим предметом является классовая борьба и конкретный опыт, а не отвлеченные концепции (Bataille 1970). Эта точка зрения Батая, которую ему вскоре пришлось изменить, показывает, насколько необычно выглядели проблемы, к которым обратился Кожев через Гегеля и вместе с ним: желание, негативность, борьба раба и господина, труд, смерть и т.д. Поворот к ним открыл Гегеля совсем с другой стороны, оспорив господствовавшее прежде его упрощенное понимание, возникшее под влиянием французского спиритуализма и философии жизни.

Не будет ошибкой сказать, что Кожев предельно антропологизирует Гегеля. По его мнению, гегелевский дух может быть понят только как человеческий дух в его истории (Кожев 1998). Несмотря на это, его подход имеет мало общего с развивавшейся тогда «позитивной» философской антропологией. С точки зрения Кожева, «сущность» человека полностью негативна или, как минимум, любой возможности позитивной предикации человека предшествует фундаментальное отрицание, в котором он конституирует себя. Два основных модуса этого отрицания, которые трудно отделить друг от друга и чье движение составляет историю, – труд и борьба за признание (Кожев 2003). Человек создает свой собственный мир, трансформируя личную природу с помощью труда – акта негации, который заключается в отрицании существующих условий, в том числе собственного природного начала. Позитивный результат, синтез, немислим без этого негативного акта, который присутствует в каждом сознательном действии по преобразованию реальности. Человек, таким образом, является своеобразным «представителем» отрицания в природе, без которого в ней бы не было действительного движения негативного. Этот тезис послужил основанием для главного упрека Кожева в адрес Гегеля. На его взгляд, экстраполяция диа-

лектического принципа на природу была большой ошибкой: сама природа, вне отношения труда человека к ней, не знает отрицания, а следовательно, и диалектики.

Однако если отрицание оказывается привнесенным в природу извне, то еще острее ведущая роль отрицания должна проявляться имманентно в социальной реальности. В природе отрицание дано как внешняя инстанция – человеческий труд, в социальном мире – как внутренняя в лице смертельной борьбы раба и господина. На этом этапе мы сталкиваемся с двумя сюжетными – желанием и смертью, введенными Кожевом и имеющими определяющее значение для Батая и Лакана.

Во-первых, Кожев развивает ведущую мысль Гегеля о том, что условием диалектики раба и господина (а значит, и человеческого самосознания как такового) выступает опыт приближения к чистому ничто – смерти. Самосознание может стать в-себе и для-себя, то есть добиться признания, только утвердив себя над любыми наличными обстоятельствами в процессе смертельного риска: «...только риском жизнью подтверждается свобода, подтверждается, что для самосознания не бытие, не то, как оно непосредственно выступает, не его погруженность в простор жизни есть сущность, а то, что в нем не имеется ничего, что не было бы для него исчезающим моментом, – то, что оно есть только чистое для-себя-бытие» (Гегель 2002: 98). Кожев отводит этому риску столь центральное значение, что антропологизирует сам феномен смерти. Только человек знает смерть и способен сознательно подвергать себя опасности перед лицом собственной конечности ради борьбы за престиж, тогда как для животного она всегда внезапна и необъяснима. Поэтому именно смерть оказывается продуктивным условием человеческой свободы и истории.

Если рождению самосознания предшествует столкновение в борьбе за признание, значит, субъект еще до всякого рационального выбора охвачен желанием. Неслучайно Кожев обращается к этой теме на первых страницах своего «Введения в чтение Гегеля» в предисловии к первому лекционному курсу: «Только в своем Желании и через посредство Желания, а лучше сказать в качестве такового, учреждается и раскрывается человек – раскрывается себе и другим – как некое Я, как Я, по сути своей отличное от Не-Я и радикально ему противопоставленное. Я (человеческое) – это Я Желания» (Кожев 2003: 12). Парадоксальным образом желание смещается с объекта на желание как таковое. В борьбе за признание человек желает не какое-то налично данное бытие, а хочет сам стать желаемым и признанным другим сознанием/желанием. Можно даже сказать, что человек в антропологии Кожева – это субъект, погруженный в желание желания. Принципиально важно, что это желание, с точки зрения мыслителя, предполагает возможность конечного удовлетворения, воплощенного в государстве всеобщего признания (Кожев 1994). Человек конституирован желанием, из которого возникают исключительно человеческие негативные феномены труда и борьбы, но точно так же исчезает вместе с ними.

Итак, мы в самых общих чертах обозначили узловые точки предложенной Кожевом интерпретации Гегеля. Теперь следует рассмотреть, как этот

круг проблем и их решений повлиял на Батая и Лакана и в каком смысле их можно считать его последователями.

Во многих текстах Батай вскользь касается своего не до конца ясного отношения к гегельянству, но лучше всего ему удалось выразить его в «Виновном»: «Не будь Гегеля, мне бы пришлось сначала стать Гегелем, а средств у меня недостаточно» (Батай 2016: 352). Эта формулировка на первый взгляд может показаться апологетической; действительно, у нее есть такая сторона. Гегель, прочитанный через призму Кожева, стал для Батая своеобразной опорой в истории философии, в которой, за исключением Ницше, ему не к кому было обратиться. Как показывает Ф. Сабо, исследователь из Университета Лилль 3, гегелевское понимание негативного как основы любого процесса совпало с тем интеллектуальным и художественным проектом, к которому Батай пришел еще в молодости (Sabot 2012). Именно проявление человеческой негативности в религии, искусстве, политике, экономике и других сферах он рассматривает как наиболее важные и общие антропологические характеристики. Неудивительно, что для Батая такую значимость приобрели слова Гегеля о том, что дух достигает своей истины, лишь оказавшись в абсолютной разорванности (Гегель 2002: 23).

Сильнее всего влияние этого тезиса заметно в кульминации теоретических поисков Батая – понятии суверенности и ее главном тезисе: суверенность – это ничто (Батай 2006: 487). Суверен приобретает свое абсолютное значение только в сакральном акте траты, где значение имеет не сама вещь, а ее уничтожение – потребление без какой-либо внешней по отношению к данному процессу цели. Этот опыт чистого ничто, которым является суверенность, напрямую связан с темой смерти как условием свободы и самосознания, открытой Кожевом через Гегеля. Батай подчеркивает, что суверен – это тот, кто живет так, будто смерти нет (Батай 2006: 330). Его статус подтверждается риском, негативным действием, тогда как все его позитивные атрибуты (вроде власти или обладания роскошью) являются глубоко вторичными и даже препятствуют ей. Иными словами, суверенность, выражаясь гегелевским языком, и есть это познание истины негативного движения.

В то же время между подходами Батая и Гегеля/Кожева есть существенная разница. Неслучайно Кожев назвал работы своего ученика «выходящими из круга гегельянства» и задался вопросом, «содержится ли в них вообще какой-либо дискурс» (Кожев 1994: 315). Гегель был нужен Батаю для того, чтобы в итоге пойти дальше него – именно такой смысл имеют процитированные ранее слова из «Виновного». Заслуга немецкого классика в данном случае состоит в том, что своей системой, отведя в ней одно из центральных мест негативности и смерти, он высветил предел любого рационального дискурса. Парадоксально, но по этой причине Батай в итоге оказывается одновременно его последователем и оппонентом. Гегель, с его точки зрения, дошел до крайности, но остановился перед ней, чтобы создать систему (Батай 2016: 352). Главное возражение Батая состоит в том, что философский и научный дискурс становится бессильным, как только негативность (а значит, в конечном итоге и смерть) полагается как основание процесса

и сущность человека. Поэтому Ж. Деррида метко охарактеризовал гегельянство Батая как «невоздержанное» (Деррида 2000: 318). В его произведениях, как литературных, так и философских, негативность перестает «совершать работу» – отрицание больше не рассматривается, как у Гегеля, в перспективе синтеза и конечного позитивного результата. Это значит, что абсолютное знание и конец истории, которым так много внимания уделил Кожев, перестают рассматриваться как возможные. Наоборот, в суверенности нет ничего от конца негативности, она и есть чистая негация, то есть в конечном счете ничто. Для Батая, в силу этого неустранимого негативного остатка, история не заканчивается даже там, где больше нечего совершать.

Это представление Батая о негативности обязано Гегелю в еще одном важном пункте, на который редко обращают внимание. Как ни странно, антропология Батая во много коренится в гегелевской эпистемологии. Гегель, рассматривая в соответствии с замыслом «Феноменологии духа» ступени рефлексии, начинает с «чувственной достоверности», то есть простого эмпирического восприятия (Гегель 2002: 54). Оно отличается тем, что объекты на этом этапе еще не дифференцированы (для этого необходимы общие понятия и язык), поэтому «чистая» достоверность чувственного восприятия, которая, как кажется, должна быть самой конкретной и наполненной, в итоге оборачивается своей противоположностью – абстракцией без содержания, то есть ничто. Важно, что Гегель приписывает это свойство не только первичной форме человеческой рефлексии, но и естественному животному состоянию: «Противочеловеческое, животное состояние не выходит за пределы чувств, и взаимное общение в нем возможно только посредством чувства» (Гегель 2002: 44).

Батай производит идентичную операцию, но подвергает результат инверсии. Согласно его теории религии, ритуал, в особенности жертвоприношение, существует для того, чтобы вернуть человека в эту первичную стихию непрерывности, о которой напоминает его животное происхождение (Батай 2006: 421). Становясь рациональным и трудящимся существом, человек приобретает сознание, которое отделяет субъект от объекта, а объекты друг от друга – именно это характеризует мир профанного, «рабский» мир производства и накопления. Если для Гегеля этот этап преодолевается по мере перехода от чувственного восприятия к рассудку, то Батай стремится показать, что человек всегда существует между этими двумя полюсами – прерывным и непрерывным, профанным и сакральным, создавая религиозные практики, чтобы вновь обрести опыт чистого ничто. Важно, что это переживание непрерывности, внутреннего опыта, не может быть репрезентировано никаким рациональным дискурсом – в полной мере эта задача неосуществима даже для поэзии (Батай 2016).

Итак, Батай не просто продолжает антропологию Гегеля и Кожева, но старается довести ее до предела, за которым любое рациональное письмо утрачивает свой смысл. В итоге мы имеем дело с парадоксальным гегельянством: без системы, синтеза и рациональности, но с «бесполезной» негативностью, суверенностью и жертвоприношением.

Схожую проблему синхронного отношения разрыва и преемственности с Гегелем и Кожевом можно обнаружить у Лакана. Он, будучи не очень щедрым на признание человеком, в восьмой книге «Семинаров» говорит, что Кожев сыграл решающую роль в его формировании как аналитика (Лакан 2019: 71), акцент следует поставить именно на последнем слове. Но, как и в случае Батая, такое признание является скорее проблемой, чем ее решением; особенно если учесть, что одновременно с этим в нескольких контекстах он заявлял, что «Лакан против Гегеля» (Лакан 2004: 230). Нашу задачу, однако, облегчает то, что от нас требуется рассмотреть не проблему отношения Лакана к Гегелю как таковую, а лишь прояснить, какую роль сыграл Кожев и его интерпретация Гегеля в становлении лакановского психоанализа.

Действительно, нетрудно заметить, что ключевой концепт Лакана – желание (*le désir*) – имеет не только психоаналитическое, но и гегельянское происхождение. Как уже было сказано, желание и его антропологический статус стали одной из главных тем семинара, который посещал Лакан. Н. Апицелла, исследователь из парижской Высшей школы социальных наук, показывает, что влияние Кожева особенно очевидно в ранних статьях Лакана (Apicella 2016). Он обращает внимание на два датированных концом 1930-х гг. текста – «Сущность семьи» и «Семейные комплексы в формировании индивида». В них психоаналитик создает теорию семейных отношений, которая так или иначе воспроизводит несколько сюжетов философии Кожева. Лакан начинает с того, что утверждает строгий дуализм природного и культурного: семья, по его мнению, является одной из форм преодоления природы – способ защиты от «неподвижности инстинктов», в котором человек имеет дело уже не с безмолвной природой, а коммуникативной средой, другими субъектами.

Но это отрицание природы рождает новое отрицание – комплекс, в основе которого лежит желание. Семья рассматривается как первый, наиболее элементарный и важный, акт в драме борьбы за признание. Вот что об этом говорит сам психоаналитик: «Реальность, которая создается этой диалектической игрой, сохраняет структурную деформацию экзистенциальной драмы, которая ею обусловлена и которую можно назвать драмой индивида» (Lacan 2001: 72-73). Можно сказать, что Лакан переносит кожевский сюжет борьбы раба и господина в пространство семьи, но это не просто экстраполяция, а психоаналитическое переосмысление: сознание вступает в борьбу за признание не в абстрактной истории, а во вполне конкретной семейной ситуации. Иными словами, нет никакого смысла говорить о политике и истории, пока мы не изучили структуру семьи и провоцируемые ею комплексы. Разумеется, природа этих комплексов эдипальна. Лакан рассматривает их как результат первичной натальной травмы отделения от матери, а вся их структура выстроена вокруг ревностной борьбы между братьями в попытке восстановить связь с объектом желания, получить признание своего нарциссического желания матерью (Lacan 2001: 40). Однако нам важно не психоаналитическое содержание, а то, как Лакан преобразует концепт Кожева. Для Гегеля и его французского интерпретатора борьба за

признание является необходимым условием возникновения самосознания, следовательно, порождаемая ею история рассматривается как антагонистическое движение двух самосознаний. Лакан отталкивается от этой схемы, но в действительности разрушает ее, вводя инстанцию бессознательного. Диалектика борьбы субъектов, охваченных желанием, не может быть сведена к их осознанной потребности получить признание со стороны другого сознания – в структуре семейного комплекса ей всегда предшествует травма, которая запускает механизм желания, но никогда не осознается до конца.

Отвергая это гегельянское положение, Лакан тем не менее развивает другое. Как уже было отмечено, Кожев в ходе своих семинаров определил человеческое желание как не имеющее объекта, то есть направленное на себя, а не на овладение каким-либо предметом. Именно такое представление о желании пытается закрепить Лакан, критикуя Гегеля. И если в обсуждаемом выше раннем тексте он только подступает к этому, то, например, в десятой книге «Семинаров» уже четко формулирует: «Когда мы читаем у Гегеля о зависимости моего желания от желающего, которого представляет собой Другой, у нас не возникает повода для сомнений, что речь всегда идет о Другом как сознании. Другой – это тот, кто меня видит... Для Лакана же, который является психоаналитиком, Другой налицо как бессознательное, конструированное как таковое» (Лакан 2010: 32). Что происходит с концептом желания, когда Лакан «подшивает» его к бессознательному? Желание оказывается окончательно отвязанным от любого объекта и переносится в сферу символического в соответствии с одним из основных тезисов лакановского психоанализа о тождестве структуры языка и структуры бессознательного. Иными словами, желание всегда направлено не на другого человека (*autre*), а на Другого с большой буквы (*Autre*) – символический порядок.

Однако лакановское понимание желания все же связано с определенным представлением об объекте, и в этом его можно считать *mutatis mutandis* развитием положения антропологии Кожева о человеке как существе, конституированном нехваткой. Речь идет о понятии *objet petit a*, с помощью которого Лакан обозначил реальную субстанцию желания. Объект, который отождествляется с наслаждением, но не может быть сигнифицирован в силу травматичности любой встречи с ним (Жижек 1999: 101). Именно это позволяет Лакану связать желание с символическим порядком: поскольку субъект никогда не может завладеть реальным объектом своего желания, он вынужден «делегировать» его Другому, предположив, что он обладает им. Объект, с его парадоксальным негативным статусом, становится синонимом нехватки, вокруг которого выстроена система означающих. Таким образом, лакановская теория объекта соответствует основному тезису Кожева о том, что объект желания – это ничто (Кожев 2003: 214). Все это не могло не привести к немного ранее сформулированному Батаем – отрицанию возможности окончательного удовлетворения субъекта и прекращения «работы негативного» (Лакан 2021: 547).

Итак, мы, пусть и в очень сжатой форме, реконструировали основные положения гегельянства Кожева и рассмотрели их влияние на Батая и Лакана.

Оба мыслителя, как и их учитель, помещают в центр понятие негативно-го и связанного с ним желания. Можно даже сказать, что каждый из них по-своему радикализирует антропологию Кожева: Батай – через анализ жертвоприношения и суверенности как феноменов чистой негативности, а Лакан – посредством исследования фундаментальной нехватки, структурирующей бессознательное. По этой причине, как уже было сказано, они элиминируют столь важную для Кожева идею конца истории как всеобщего признания. Это и позволяет отнести двух французских мыслителей к постгегельянству. Они уже не ассоциируют себя напрямую с наследием немецкого философа, но отталкиваются от многих его положений, которые заострил в ходе своих семинаров Кожев.

Жан Ипполит и его влияние на Луи Альтюссера и Мишеля Фуко

Теперь рассмотрим в значительной мере противоположную интерпретацию Гегеля, которую предложил Жан Ипполит, и ее влияние на его учеников. Мы обратим внимание на тот период творчества, когда под его руководством в Высшей нормальной школе учились Луи Альтюссер и Мишель Фуко, то есть 1950-е и 1960-е гг. Выбор для рассмотрения этих двух философов также связан с тем, что на их примере заметно противоречивое место гегельянства в истории французской философии: в своих теоретических построениях они отправляются от Гегеля и его интерпретации Ипполитом, но одновременно намерены выйти за эти рамки посредством обращения к структурализму.

К этому времени относится знаковая работа Ипполита «Логика и существование», частично написанная в полемике с Кожевом, под руководством которого он учился в 1930-е гг. В ней Ипполит, пусть и не называя имен, прямо высказывается против рассмотренной нами ранее антропологической интерпретации Гегеля. Обратим внимание на один из фрагментов: «Спекулятивная философия, та, которая обнаруживается в абсолютном знании, также будет исчезновением всякой трансцендентности, возвращением в “достоверность самого себя”, но самого себя как всеобщей самости, самости содержания, а не только человеческой самости. Тем более она не будет антропоморфизмом или гуманизмом. Она будет философией Абсолюта, который существует как Идея лишь в языке» (Ипполит 2006: 65). Эти слова удачно резюмируют интерпретацию Гегеля, предложенную Ипполитом, и его главное возражение против Кожева. Если для второго все описанное Гегелем диалектическое движение – это история человека, его борьбы, труда, самосознания, то Ипполит противопоставляет этому прочтение «Феноменологии духа» и «Логики» с точки зрения философии языка. Стоит также отметить, что критическое выступление Ипполита против интерпретации своего учителя связано не только с Гегелем, но и с М. Хайдеггером, поскольку на его интеллектуальную жизнь огромное влияние оказало «Письмо о гуманизме», в частности, представленное в нем размежевание с экзистенциализмом и акцент на философии языка (Bianco 2013).

С помощью языка человек раскрывает смысл бытия, то есть осуществляет движение духа в истории, но само это движение не может быть сведено только к человеческой субъективности. К данному тезису Ипполита приводит отождествление знания и языка, поскольку язык не может рассматриваться как простое средство, созданное человеком. Можно сказать, в языке человек превосходит сам себя, раскрывая движение чистого понятия. Закономерно, что для Ипполита главной темой гегелевской философии становится логика, напрямую связанная с проблемой языка, о которой Кожев упоминает крайне редко. Логика оказывается той сферой, где понятие движется вне эмпирической человеческой истории, пребывая лишь в истории языка, имманентном ей процессу развертывания (Ипполит 2006: 211). В этом смысле движение понятия, являющееся предметом логики, выходит за рамки человеческой субъективности, оставаясь при этом в пределах языка и открываемого им знания. Язык в данном случае представляет не просто средство или знак, который указывает на смысл, но сам располагается вне: Абсолют и есть язык, поскольку он существует только в процессе своего выражения.

Можно сказать, что Ипполит возвращается к фундаментальному гегелевскому положению о становлении субстанции субъектом и развивает, если упрощать, онтологию в противовес антропологии Кожева. Это вовсе не значит, что он намерен исключить человека из гегелевской системы или утвердить дуализм между ним и Абсолютом. Наоборот, смысл бытия может быть раскрыт исключительно в речи, которой из всего живого обладает только человек, но раскрывается в этом акте само понятие, а не субъективность (Huppolite 1946). Отрицание, конечно, есть и в «материальной» истории, но в ней оно всегда опосредовано чувственно, тогда как непосредственно оно может быть дано только в логике: «Гегелевская философия, несмотря на свою философию истории, сохраняет внутренне присущее ей отрицание в самом сердце всякого полагания; в реальной истории имеется действительное отрицание, но Идея включает в себя это отрицание, так как оно является онтологическим» (Ипполит 2006: 298). Следовательно, знание и его история не могут быть поняты, исходя из антропологической перспективы. Даже этого краткого обзора достаточно, чтобы заметить, насколько тезисы Ипполита о языке и человеке созвучны со структурализмом и хронологически предвосхищают большинство его философских интерпретаций.

Можно ли говорить о влиянии представленной интерпретации Гегеля на марксистскую философию Альтюссера, учитывая, что он неоднократно называл себя антигегельянцем? В этой связи особенно примечательны два факта из его ранней биографии. Период интеллектуального становления мыслителя пришелся на время, когда Гегель был настолько популярен во Франции, что диссертация Альтюссера 1947 г. была целиком посвящена гегелевскому понятию содержания (Althusser 1994a). Но это не помешало ему спустя всего три года выступить с яростной критикой любых попыток французской философии «реанимировать» Гегеля. В статье «Возвращение к Гегелю» он так отзывается об этой тенденции: «Этот великий поворот к Гегелю – всего лишь разочарованное обращение к Марксу в специфической

форме, которую принимает ревизионизм в условиях финального кризиса империализма» (Althusser 1994b: 256). Такое отношение заметно и в более зрелых работах Альтюссера. Например, в статье «Противоречие и сверхдетерминация» он противопоставляет гегельянскую и марксистскую концепции истории, утверждая, что в основе понимания Гегеля лежит «простой принцип», который сводит многообразие противоречий к единственной детерминирующей причине (Альтюссер 2006b: 156).

Это, однако, не должно помешать проследить определенную связь между подходами Ипполита и Альтюссера, на которую обращал внимание сам французский марксист. На посвященном Гегелю семинаре, проходившем под руководством Ипполита в феврале 1968 г., Альтюссер явно смягчил отношение к бывшему учителю и попытался указать на точки соприкосновения в прочтении Гегеля и Маркса (Альтюссер 2005). Дело в том, и в этом как раз прослеживается глубокое влияние Ипполита, что у них был «общий враг» – гуманизм. Если Ипполит, как мы могли видеть, выступил против гуманистической интерпретации Гегеля в 1950-е гг., то Альтюссер пытался проделать то же самое в рамках марксизма десятилетие спустя. Особенно это заметно в одной из его основных работ – «За Маркса», где он формулирует принцип теоретического антигуманизма: «Отвергая сущность человека в качестве теоретического основания, Маркс отвергает всю эту органическую систему постулатов. Он изгоняет философские категории субъекта, эмпиризма, идеальной сущности и т.д. изо всех областей, в которых они до той поры господствовали» (Альтюссер 2006а: 324). Таким образом, замысел Альтюссера совпадает с тем, что до него утверждал Ипполит. Если второй старался показать, что антропологическая философия не способна понять природу гегелевского «абсолютного знания», то первый утверждает то же самое применительно к «сложной структуре общества», открытой Марксом.

Неслучайность этого совпадения подтверждает сам Альтюссер, перенося разговор в область философии истории на упомянутом семинаре: «Гегель дал нам нечто такое, чего Фейербах в своем увлечении Человеком и Конкретным был абсолютно неспособен понять, – концепцию истории как процесса. Бесспорный факт, что такой важнейшей философской категорией, как процесс, Маркс обязан Гегелю. Маркс обязан Гегелю и еще кое-чем, чего Фейербах даже не заметил. Он обязан ему концептом процесса без субъекта» (Альтюссер 2005: 114). Интерпретация Гегеля, которую здесь использует Альтюссер, восходит именно к Ипполиту и никак не может быть выведена из Кожева, согласно которому субъектом истории является человек. Исходя из этого, Альтюссер пытается понять марксистскую концепцию истории: в ней, как и в схеме Гегеля/Ипполита, нет субъекта в том смысле, что человек не создает законов истории. Это должно опровергнуть подход гуманистического марксизма, согласно которому в истории разыгрывается драма отчуждения человека. История для Гегеля в интерпретации Ипполита – это история бытия, а не человека; история для Маркса в прочтении Альтюссера является историей производственных отношений и заключенных в них противоречий, а не человеческого субъекта.

Можно ли обнаружить что-то похожее в случае Фуко? В отличие от Альтюссера он гораздо активнее подчеркивал свою связь с Ипполитом. Например, в некрологе, написанном после смерти учителя в 1968 г., Фуко отметил, что «на его лекциях студенты слышали голос философии» (Foucault 1994a: 779). Эти слова подтверждают наш исходный тезис о том, что гегельянство сыграло важную роль в постановке философских проблем того времени. Как можно охарактеризовать их применительно к работам Фуко? Как и в случае Ипполита, главная тема его ученика – преодоление гуманизма и антропоцентризма и следующее из этого понимание истории (Фуко 1994). Можно даже сказать, что он осуществляет тот же переход от антропологии к онтологии, только используя для этого совершенно другой метод. Ипполит пытается сделать это с помощью анализа истории бытия как чистого понятия, данного в логике, тогда как Фуко интересуется историей дискурсов и практик, которые предшествуют антропологии и делают ее возможной. В свете этого можно понять замысел даже его первых книг: рассмотреть историю культуры как историю дискурсивных формаций, в процессе смены которых возникает, лишь как один из эффектов структуры, современный концепт человека.

Именно проблема истории становится камнем преткновения в критике субъекта, начатой Ипполитом и продолженной Фуко, поскольку в гегельянской перспективе невозможно мыслить историю без детерминизма и телеологии. Ипполит даже назвал ее «неразрешимой проблемой» Гегеля (Ипполит 2006: 59). Дело в том, что в основе гегелевского взгляда на историю лежит понятие «отчуждение» – вся логика исторического процесса определена «отпадением» Духа от самого себя и возвращением к себе же. Фуко, напротив, пытается обосновать подход к истории, который не предполагает никакого эссенциализма, идет ли речь о Духе или «сущности человека», как в гуманизме. А поскольку в этом начинании он испытал решающее влияние Ипполита, то представляет его как гегельянца, пытающегося преодолеть Гегеля (Foucault 1994a).

Итальянский философ Дж. Бьянко показывает, как философия истории приводит их к еще одной неожиданной точке соприкосновения – исследованию проблемы безумия (Bianco 2013). Он обращает внимание на то, что в определенный момент Ипполит начинает активно интересоваться психоанализом и темой психических расстройств. Под влиянием Хайдеггера Ипполит пытается понять онтологическое измерение феномена безумия: «Безумие со всей своей глубиной ставит перед нами вопрос о человеческой сущности и нашем отношении к бытию», – цитирует исследователь (Bianco 2013: 116). Понятое таким образом безумие перестает быть исключительно субъективным психическим феноменом или даже крахом субъективации. Это, в свою очередь, переносит проблему с периферии в центр антропологии. Нетрудно заметить, что именно так поступает Фуко, который обратился к данной проблеме даже раньше, уже в начале 1950-х гг. Анализ безумия для него – это не столько антропологическая проблема, сколько условие возможности создания антропологии (Фуко 2010). Оно не просто исторично, но обуславливает историю как ее внешнее пространство, по отношению

к которому определяет себя культура. Можно сказать, что оба французских философа «онтологизируют» безумие в противовес его узкой психиатрической интерпретации. Этот пример призван показать, что имело место не только влияние Ипполита на Фуко, но и наоборот. Если Фуко и отвергает гегельянство, то в определенном смысле делает это изнутри, благодаря темам, которые были затронуты его учителем в ходе комментирования «Феноменологии духа» и «Науки логики».

Дж. Агамбен, в свою очередь, обращает внимание на еще один аспект влияния Ипполита на своего ученика. В лекции, посвященной столь важному для Фуко понятию диспозитива, он выдвигает гипотезу, что оно берет свое начало в одном из текстов Ипполита – «Введении в философию Гегеля» (Агамбен 2012). Итальянский философ показывает, что в этой книге есть примечательная глава, где автор комментирует гегелевскую философию религии и его теорию отношения между естественным и позитивным. Если естественным в религии является все, что соответствует природе разума, то позитивное описывает историческую надстройку над этим рациональным фундаментом: обряды, институты, практики, закрепленные догматы и т.д. По словам Агамбена, Фуко, который первоначально использовал вместо понятия «диспозитив» слово «позитивность», воспринял его именно от Гегеля в интерпретации Ипполита. При этом он распространяет его далеко за пределы теории религии и делает своеобразной матрицей исторического процесса. Каждой эпохе соответствует определенный диспозитив, суммирующий все властные стратегии и связанные с ними системы знания (Агамбен 2012: 19).

Если тезис Агамбена верен, мы можем наблюдать ту же ситуацию: Фуко и Альтюссер используют философское наследие Гегеля, чтобы продвинуться дальше и переставить акценты внутри теории исторического процесса, получив на выходе нечто совершенно иное. Как раз в этом смысле их уместно назвать постгегельянцеми. Их намерение заключалось скорее в том, чтобы с помощью Гегеля (в том числе и через критику) острее поставить современные проблемы, чем просто отбросить его как символ устаревшего тотализующего мышления и систематичности. В этом смысле перед их поколением стояла непростая задача – в условиях развития феноменологии и марксизма сохранить потенциал гегелевского учения, которое во Франции того времени часто спешили объявить устаревшим.

Заключение

Мы рассмотрели два основных подхода к Гегелю, существовавших во Франции в XX столетии и основательно повлиявших на ее интеллектуальную среду 1930–1960 гг. Первый можно назвать антропологическим (Кожев), второй – онтологическим (Ипполит), при всей условности данных терминов. Вместе с тем мы постарались показать, как прочтение Гегеля Кожевом и Ипполитом отразилось на мыслителях, которых не принято относить к гегельянству. В случае Батая и Лакана, посещавших семинар Кожева в 1930-е гг., «опыт гегельянства» отразился на их антропологических

поисках. Каждый из них в своей манере развивает подход, предложенный учителем, пытаясь создать такую теорию, которая могла бы учесть определяющую роль негативности в человеческой природе. Батай делает это с помощью обращения к религиоведению и этнологии, Лакан – посредством психоаналитической интерпретации желания. Одновременно с этим они выходят далеко за пределы гегелевской философии, пусть и сохраняя генеалогическую связь с ней в виде основных концептов смерти, отрицания и нехватки.

Ипполит, в свою очередь, предложил интерпретацию Гегеля, которая должна была преодолеть антропологический подход Кожева. В его трактовке гегелевская история является историей бытия, раскрываемой человеком, а не самой человеческой субъективностью. Влияние философии Ипполита также заметно в творчестве его учеников – Альтюссера и Фуко. Первый видит в теории своего учителя единственный способ обнаружить точку соприкосновения между марксизмом и гегельянством, ею является теория истории как «процесса без субъекта», законы которого не создаются человеком, а, наоборот, конституируют его. Это позволяет говорить о влиянии Гегеля, прочитанного через Ипполита, даже несмотря на тот факт, что Альтюссер не раз объявлял себя антигегельянцем. Фуко же, испытав влияние обоих, еще активнее помещает проблему антропологии и «преодоления человека» в исторический контекст. Анализируя историю дискурсов, практик и таких феноменов, как безумие и сексуальность, он фактически реализует проект, который Ипполит пытался осуществить на материале гегелевской логики.

Таким образом, все четыре рассмотренных нами автора пытаются преодолеть Гегеля, но, чтобы продвинуться дальше, отталкиваются от тех интерпретаций, которые были усвоены ими в молодости. Именно в этом смысле их можно назвать постгегельянами. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что гегельянство и дискуссии внутри него стали непосредственным условием появления философских проектов, намеревающихся преодолеть Гегеля. Это значит, что послевоенная французская философия, несмотря на критику немецкого классика, в значительной мере оставалась зависимой от него, вновь и вновь обращаясь к проработке его наследия. Конечно, Гегель выступает там с разных и часто неожиданных сторон – сначала как мыслитель, открывший тему смерти со всеми вытекающими (в прочтении Кожева, Батая и Лакана), затем как предтеча современной философии языка и теории истории (в понимании Ипполита, Альтюссера и Фуко), но все же остается Гегелем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агамбен Дж. 2012. Что такое диспозитив? // Агамбен Дж. Что современно? Киев : Дух и литера. С. 13-45.

Альтюссер Л. 2005. О связи между Марксом и Гегелем // Альтюссер Л. Ленин и философия. Москва : Ад Маргинем. С. 83-122.

Альтюссер Л. 2006а. Марксизм и гуманизм // Альтюссер Л. За Маркса. Москва : Праксис. С. 311-343.

Альтюссер Л. 2006b. Противоречие и сверхдетерминация // Альтюссер Л. За Маркса. Москва : Праксис. С. 127-187.

Батай Ж. 2006. Суверенность // Батай Ж. Проклятая часть. Москва : Ладомир. С. 313-491.

Батай Ж. 2016. Виновный // Батай Ж. Сумма атеологии. Москва : Ладомир. С. 265-385.

Гегель Г. 2002. Феноменология духа. Москва : Наука. 495 с.

Деррида Ж. 2000. Письмо и различие. Санкт-Петербург : Академический проект. 432 с.

Жижек С. 1999. Возвышенный объект идеологии. Москва : Художественный журнал. 235 с.

Ипполит Ж. 2006. Логика и существование. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 319 с.

Кожев А. 1994. Предисловие к произведениям Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / под ред. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург : Мифрил. С. 315-316.

Кожев А. 1998. Идея смерти в философии Гегеля. Москва : Логос. 208 с.

Кожев А. 2003. Введение в чтение Гегеля. Санкт-Петербург : Наука. 791 с.

Кожев А. 2004. Гегельянские концепции // Коллеж социологии. 1937–1939 / под ред. В.Ю. Быстрова. Санкт-Петербург : Наука. С. 49-63.

Курилович И.С. 2019. Французское неогегельянство. Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии. Москва : РГГУ. 224 с.

Лакан Ж. 2004. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). Москва : Логос : Гнозис. 304 с.

Лакан Ж. 2010. Семинары. Кн. 10. Тревога (1962–1963). Москва : Логос : Гнозис. 424 с.

Лакан Ж. 2019. Семинары. Кн. 8. Перенос (1960–1961). Москва : Логос : Гнозис. 432 с.

Лакан Ж. 2021. Семинары. Кн. 6. Желание и его интерпретация (1958–1959). Москва : Логос : Гнозис. 560 с.

Фуко М. 1994. Слова и вещи. Санкт-Петербург : А-сэд. 406 с.

Фуко М. 1996. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Москва : Касталь. С. 47-97.

Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху. Москва : АСТ. 698 с.

Althusser L. 1993. *Écrits sur la psychanalyse: Freud et Lacan*. Paris : Stock. 309 p.

Althusser L. 1994a. Du contenu dans la pensée de G.W.F. Hegel // Althusser L. *Écrits philosophiques et politiques*. Tome 1. Paris : Stock. P. 59-239.

Althusser L. 1994b. Le retour à Hegel // *Écrits philosophiques et politiques*. Tome 1. Paris : Stock. P. 243-261.

Apicella N. 2016. Kojève, Lacan – introduction au système du désir // *La cause du désir*. No. 93. P. 161-173. DOI 10.3917/lcdd.093.0161

Bataille G. 1970. La critique des fondements de la dialectique hégélienne // Bataille G. *Oeuvres complètes*. Tome 1. Paris : Gallimard. P. 277-291.

Bianco G. 2013. La dialectique bavarde et le cercle anthropologique: Michel Foucault et Jean Hyppolite // Jean Hyppolite, entre structure et existence / dir. G. Bianco. Paris : Presses de l'École normale supérieure. P. 107-133.

Foucault M. 1994a. Jean Hyppolite, 1907–1968 // Foucault M. *Dits et écrits*. Tome 1. Paris : Gallimard. P. 779-786.

Foucault M. 1994b. Préface à la transgression (en hommage à Georges Bataille) // Foucault M. *Dits et écrits*. Tome 1. Paris : Gallimard. P. 233-250.

Hyppolite J. 1946. Genès et structure de la Phénoménologie de l'esprit de Hegel. Tome 1. Paris : Mouton. 308 p.

Lacan J. 2001. Les complexes familiaux dans la formation de l'individu // Lacan J. Autres écrits. Paris : Éditions du Seuil. P. 23-85.

Sabot P. 2012. Bataille, entre Kojève et Queneau: le désir et l'histoire // Le Portique, revue de philosophie et de sciences humaines. No. 29. P. 10-23. DOI 10.4000/leportique.2594

References

Agamben G. What is a Dispositive? *Agamben G. What is the Contemporary?* Kiev, Duh i litera, 2012, pp. 13-45. (In Russ.).

Althusser L. Contradiction and Overdetermination, *Althusser L. For Marx*, Moscow, Praxis, 2006, pp. 127-187. (In Russ.).

Althusser L. *Du contenu dans la pensée de G.W.F. Hegel* [Content in the Thought of G.W.F. Hegel], *Écrits philosophiques et politiques. Tome 1* [Philosophical and Political Writings. Vol. 1], Paris, Stock, 1994, pp. 59-239. (In French).

Althusser L. *Écrits sur la psychanalyse: Freud et Lacan* [Writings on Psychoanalysis: Freud and Lacan], Paris, Stock, 1993, 309 p. (In French).

Althusser L. *Le retour à Hegel* [The Return to Hegel], *Écrits philosophiques et politiques. Tome 1* [Philosophical and Political Writings. Vol. 1], Paris, Stock, 1994, pp. 243-261. (In French).

Althusser L. Marxism and Humanism, *Althusser L. For Marx*, Moscow, Praxis, 2006, pp. 311-343. (In Russ.).

Althusser L. On the Connection Between Marx and Hegel, *Althusser L. Lenin and Philosophy*, Moscow, Ad Marginem, 2005, pp. 83-122. (In Russ.).

Apicella N. Kojève, Lacan – introduction in a system of desire, *La cause du désir* [The Cause of Desire], 2016, no. 93, pp. 161-173. (In French). DOI 10.3917/acdd.093.0161

Bataille G. Guilty, *Bataille G. Summa Atheologica*, Moscow, Lodomir, 2016, pp. 265-385. (In Russ.).

Bataille G. La critique des fondements de la dialectique hégélienne [The Criticism of the Foundations of the Hegelian Dialectic], *Bataille G. Oeuvres complètes. Tome 1* [Complete Works. Vol. 1], Paris, Gallimard, 1970, pp. 277-291. (In French).

Bataille G. Sovereignty, *Bataille G. The Accursed Share*, Moscow, Lodomir, 2006, pp. 313-491. (In Russ.).

Bianco G. La dialectique bavarde et le cercle anthropologique: Michel Foucault et Jean Hyppolite [‘Verbose Dialectics’ and the Anthropological Circle: Michel Foucault and Jean Hyppolite], *Bianco G. (ed.) Jean Hyppolite, entre structure et existence* [Jean Hyppolite, Between Structure and Existence], Paris, Presses de l'École normale supérieure, 2013, pp. 107-133. (In French).

Derrida J. *Writing and Difference*, Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, 432 p. (In Russ.).

Foucault M. *A History of Insanity in the Age of Reason*, Moscow, AST, 2010, 698 p. (In Russ.).

Foucault M. Jean Hyppolite, 1907–1968, *Foucault M. Dits et écrits. Tome 1* [Speeches and Writings. Vol. 1], Paris, Gallimard, 1994, pp. 779-786. (In French).

Foucault M. Préface à la transgression (en hommage à Georges Bataille) [A Preface to Transgression (in Homage to Georges Bataille)], *Foucault M. Dits et écrits. Tome 1* [Speeches and Writings. Vol. 1], Paris, Gallimard, 1994, pp. 233-250. (In French).

Foucault M. The Order of Discourse, *Foucault M. The Will to Truth: Beyond Power, Knowledge, and Sexuality*, Moscow, Kastal, 1996, 448 p. (In Russ.).

- Foucault M. *The Order of Things*, Saint Petersburg, A-cad, 1994, 406 p. (In Russ.).
- Hegel G. *The Phenomenology of Spirit*, Moscow, Nauka, 2002, 495 p. (In Russ.).
- Hyppolite J. *Genès et structure de la Phénoménologie de l'esprit de Hegel. Tome 1* [Genesis and Structure of Hegel's Phenomenology of Spirit. Vol. 1], Paris, Mouton, 1946, 308 p. (In French).
- Hyppolite J. *Logic and Existence*, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 319 p. (In Russ.).
- Kojève A. Hegelian Concepts, *Bystrov V.Yu. (ed.) College of Sociology. 1937–1939*, Saint Petersburg, Nauka, 2004, pp. 49–63. (In Russ.).
- Kojève A. *Idea of Death in the Philosophy of Hegel*, Moscow, Logos, 1998, 208 p. (In Russ.).
- Kojève A. *Introduction to the Reading of Hegel*, Saint Petersburg, Nauka, 2003, 791 p. (In Russ.).
- Kojève A. Preface to the Works of Georges Bataille, *Fokin S.L. (ed.) Tanatografy of Eros: Georges Bataille and Mid-20th Century French Philosophy*, Saint Petersburg, Mifril, 1994, pp. 315–316. (In Russ.).
- Kurilovich I.S. *French neo-Hegelianism. J. Wahl, A. Koyré, A. Kojève, and J. Hyppolite in Search of a Unified Phenomenology*, Moscow, RGGU, 2019, 224 p. (In Russ.).
- Lacan J. Les complexes familiaux dans la formation de l'individu [Family Complexes in the Formation of the Individual], *Lacan J. Autres écrits* [Other Writings], Paris, Éditions du Seuil, 2001, pp. 23–85. (In French).
- Lacan J. *The Seminars. Book 10. Anxiety (1962–1963)*. Moscow, Logos & Gnosis, 2010, 424 p. (In Russ.).
- Lacan J. *The Seminars. Book 11. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis (1964)*, Moscow, Logos & Gnosis, 2004, 304 p. (In Russ.).
- Lacan J. *The Seminars. Book 6. Desire and Its Interpretation (1958–1959)*, Moscow, Logos & Gnosis, 2021, 560 p. (In Russ.).
- Lacan J. *The Seminars. Book 8. Transference (1960–1961)*, Moscow, Logos & Gnosis, 2019, 432 p. (In Russ.).
- Sabot P. Bataille, Between Kojève and Queneau: Desire and History, *Le Portique, revue de philosophie et de sciences humaines* [Le Portique, Journal of Philosophy and Human Sciences], 2012, no. 29, pp. 10–23. (In French). DOI 10.4000/leportique.2594
- Žižek S. The Sublime Object of Ideology, Moscow, *Khudozhestvenny'i zhurnal*, 1999, 235 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил Аркадьевич Тютченко

студент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия;
ORCID: 0000-0001-7960-5974;
ResearcherID: IAO-5870-2023;
SPIN-код: 6449-6631;
E-mail: nowayborov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil A. Tyutchenko

Student, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
ORCID: 0000-0001-7960-5974;
ResearcherID: IAO-5870-2023;
SPIN-code: 6449-6631;
E-mail: nowayborov@gmail.com



Анисимов В.А. Трансформация медиакультуры: пастиш, симулякры и ремедиация во франшизах «Одни из нас» и «Киберпанк 2077» // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 81-96. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_81

УДК 130.2

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_81

Трансформация медиакультуры: пастиш, симулякры и ремедиация во франшизах «Одни из нас» и «Киберпанк 2077»

Владимир Алексеевич Анисимов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
E-mail: Vladmir.anisimov@gmail.com

*Поступила в редакцию 18.04.2023, поступила после рецензирования 20.07.2023,
принята к публикации 10.08.2023*

В статье предпринята попытка критического философского анализа способов переизобретения производства современной медиакультуры на примере двух франшиз – «Одни из нас» и «Киберпанк 2077». Современная медиакультура представляет собой комплексный механизм, обеспечивающий передачу сообщений через производство и последующее потребление продуктов медиа человеком. Дуглас Келлнер вслед за Жаном Бодрийяром позиционирует медиакультуру как спектакль для получения удовольствия. В цифровом пространстве медиакультура включает множество медиумов, таких как видеоигры, фильмы, музыку и др. Поскольку постмодернизм является неотъемлемой частью современного капитализма, производство медиакультуры для получения прибыли включает (пере)изобретение различных медиатекстов. Используя философский вокабуляр, на примере франшиз «Одни из нас» и «Киберпанк 2077» можно увидеть, каким образом происходит создание таких продуктов медиакультуры. Симуляция, пастишизация и ремедиация становятся инструментами производства современного медиатекста и тем самым отсылают к тому, что уже было произведено. В статье представлен анализ видеоигр как симулятивного пространства в рамках философских категорий Жана Бодрийера, Фредрика Джеймисона и Жиля Делёза. Автор также проводит анализ жанров франшиз, используя терминологию пастиша, предложенную Фредриком Джеймисоном, и концепцию ремедиации, разработанную Дэвидом Болтером и Ричардом Грузином. Во франшизе «Одни из нас» можно увидеть, что переход из медиума видеоигры в медиум кинематографа представляет собой активно используемый способ копирования медиатекста. При подобном копировании происходит потеря интерактивности с медиатекстом, что может негативно повлиять на впечатление потребителя.



© Анисимов В.А., 2023

Во франшизе «Киберпанк 2077» такой переход не только не ухудшает взаимодействие потребителя с медиатекстом, но и дополняет его, соединяя истории двух медиумов между собой. Делается вывод, что анализируемые франшизы, имея схожую базу для производства, различаются с точки зрения креативности, демонстрируя возможные способы переизобретения продуктов медиаккультуры.

Ключевые слова: медиаккультура, критический анализ, пастиш, симуляция, симулякр, ремедиация, киберпанк, хоррор, зомби

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Transformation of Media Culture: Pastiche, Simulacra, and Remediation in “The Last of Us” and “Cyberpunk 2077” Franchises

Vladimir A. Anisimov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow, Russia

E-mail: Vladimir.anisimov@gmail.com

Received 18.04.2023, revised 20.07.2023, accepted 10.08.2023

Abstract. The article attempts a critical philosophical analysis of the ways to reinvent the production of contemporary media culture on the example of two franchises, “The Last of Us” and “Cyberpunk 2077”. Modern media culture is a complex mechanism ensuring the transmission of various messages through the production and subsequent human consumption of media products. Douglas Kellner, following Jean Baudrillard, positions media culture as a spectacle for pleasure. In the digital space, media culture includes a number of mediums, such as video games, movies, music, etc. Since postmodernism is an integral part of modern capitalism, the production of media culture for profit involves the (re)invention of various media texts. Using philosophical vocabulary, the example of the franchises “The Last of Us” and “Cyberpunk 2077” show how such media culture products are created. Simulation, pastichization, and remediation become tools for the production of contemporary media text and thus refer to what has already been produced. The article presents an analysis of video games as a simulative space within the framework of the philosophical categories of Jean Baudrillard, Fredric Jameson, and Gilles Deleuze. The author also analyzes the genre component of franchises using the proposed by Fredric Jameson terminology of pastiche, and the developed by David Bolter and Richard Grusin concept of remediation. Within the “The Last of Us” franchise we can see that the transition from one medium to another, from a video game to a film, is an actively used way of copying media text. When such copying occurs, there is a loss of interactivity with the media text, which can negatively affect the consumer experience. In the “Cyberpunk 2077” franchise the same transition not only does not impair the consumer’s interaction with the media text but complements it by connecting the stories of two different mediums with each other. It is concluded that the analyzed franchises, having a similar base of production, diverge in terms of creativity, showcasing the potential approaches through which media culture products can undergo reimagining and reinvention.

Keywords: media culture, critical analysis, pastiche, simulation, simulacrum, remediation, cyberpunk, horror, zombie

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Anisimov V.A. Transformation of Media Culture: Pastiche, Simulacra, and Remediation in “The Last of Us” and “Cyberpunk 2077” Franchises, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 81-96. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_81

Введение

Заметным явлением 2023 г. для фанатов видеоигры «Одни из нас» (*The Last of Us*, 2013) и любителей кинематографа стал выход одноименного сериала. Он вызвал большой интерес интернет-изданий и пользователей социальных сетей. Такая реакция соответствует оценкам самой видеоигры, созданной в жанре сурвайвал-хоррор (survival horror): на агрегаторе *Metacritic* рейтинг составляет 95%, а игровые журналисты *IGN*¹ поставили ей 10/10. Оценка сериала на *IMDb*² на момент написания статьи составляла 9/10, что позволяет отнести его в 50 лучших на сайте. Схожую реакцию общественности в 2022 г. вызвал аниме-сериал «Киберпанк: Бегущие по краю» (*Cyberpunk: Edgerunners*), который имеет на *IMDb* оценку 8,3/10. Он также основан на видеоигре «Киберпанк 2077» (*Cyberpunk 2077*), выпущенной в 2020 г. польской студией *CD Projekt RED*³. Ее оценка на *Metacritic* составляет 87%, на *IGN* – 9/10. Тем самым мы можем наблюдать, как видеоигры, адаптируясь для стриминговых платформ *HBO* и *Netflix*, находят свое отражение в кинематографе и анимации.

Целью настоящего исследования является анализ подходов к производству медиакультурных продуктов на примере франшиз «Одни из нас» и «Киберпанк 2077». Оба продукта являются адаптацией видеоигр как первичных медиатекстов. Ключевыми концептами для анализа выступают пастиш, симулякр и ремедиация, что позволит определить способы переизобретения производства медиакультуры, а также обеспечит более глубокое понимание взаимодействия культурных продуктов в разных медиаформах и их влияния на современную культуру.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение отдельных частей общего медиакультурного пространства позволяет выявить структурные трансформации цифровой медиакультуры. Трансмедийность уже стала неотъемлемой частью повествования в продуктах медиа. Это позволяет углубиться в продукт медиакультуры, найти в нем новые грани и возможности

¹ Новостной и информационный веб-сайт, посвященный компьютерным играм, сериалам и фильмам. Аббревиатура *IGN* образована от предыдущего названия ресурса (*Imagine Games Network*).

² *Internet Movie Database* (*IMDb*) – веб-сайт с условно свободно редактируемой и самой большой в мире базой данных о кинематографе.

³ В целом переход в формат аниме характерен больше для японских видеоигр.

для интерпретации. Такое горизонтальное и параллельное производство медиакультурных продуктов поощряется фанатами, которые их потребляют.

Посредством анализа подходов к переизобретению продуктов медиакультуры в трансмедийной структуре цифрового пространства – аниме-сериале «Киберпанк: Бегущие по краю» и сериале «Одни из нас» – можно увидеть стратегии двойной коммодификации медиакультуры. Исследуя сходства и различия между этими подходами, мы определим эволюционный характер производства медиакультуры в цифровую эпоху и то, как трансмедийное повествование трансформирует индустрию. В первую очередь мы покажем, что такое медиакультура, рассмотрим взаимосвязь видеоигр с феноменами симуляции и симулякров. Затем перейдем к анализу жанровой составляющей франшиз, определим различные влияния на их производство. Также будут описаны особенности перехода медиатекста из видеоигры в кинематограф, что позволит определить общие тенденции развития данного феномена. В конечном счете такой анализ будет способствовать лучшему пониманию сложностей и проблем, связанных с производством продуктов цифровой медиакультуры в XXI столетии.

Дуглас Келлнер, сделавший понятие медиакультуры центральным в своих исследованиях⁴, определяет ее как совокупность практик, которые влияют на наше мировосприятие и самоопределение через производство, распространение и потребление медиатекстов. Она охватывает разнообразные медиаформы – кино, музыку, телевидение, рекламу, цифровые медиа, играет доминирующую роль в современном обществе, создавая представление о реальности и нас самих. Вопрос интерпретации медиакультурного текста является вопросом индивидуальной интерпретации, которая может зависеть от особенностей человека.

В теории Келлнера заметно влияние идей Жана Бодрийяра (Бодрийяр 2015). Исследователь заявляет, что развлекательные медиа – спектакль для получения удовольствия, в котором используют изображения, звуки и различные истории, чтобы побудить человека участвовать в системе коммерческого удовлетворения и удовольствий, включая потребление различных форм медиакультуры в течение нескольких часов подряд, день за днем, год за годом (Kellner 2020: 4). Медиакультура может стать основным способом формирования смыслов, тем самым определяя или искажая отношение человека к внешнему миру. В современном цифровом капитализме медиакультура выступает как доминанта, формирующая мировоззрение индивида посредством демонстрации множества сообщений (messages). Для исследования медиакультуры и ее производства работа Келлнера может служить отправной точкой. Это позволит последовательно показать присутствующие медиакультуре противоречия и особенности, которые раскрываются посредством анализа. Другими словами, труды Келлнера становятся путеводителем медиакультуры.

⁴Келлнер опубликовал две книги по медиакультуре (Kellner 1995; Kellner 2020). Вторая серьезно переработана и ориентирована на более современное пространство медиакультуры, поэтому в статье будут использоваться обе работы.

В пространстве бесконечной циркуляции медиа к самим себе (Бодрийяр 2015: 124) следует обратить внимание на внутренние противоречия одного и того же процесса производства современной медиакультуры. Критически анализируя медиатексты, мы не можем пройти мимо таких фигур, как Фредрик Джеймисон и Жан Бодрийяр. Современный анализ медиакультуры учитывает в большей степени именно критический аспект, как, например, это делает Кристиан Фукс (Fuchs 2022). Используя методологию и вокабуляр Бодрийяра и Джеймисона, мы должны вернуться к одному из принципов последнего, «...чтобы мы по крайней мере предприняли некоторую попытку помыслить культурную эволюцию позднего капитализма диалектически, то есть одновременно как катастрофу и прогресс» (Джеймисон 2019: 159-160). Также необходимо учитывать, что распространение текстов цифровой медиакультуры представляет собой явление, имеющее последствия не только для будущего индустрии развлечений, но и значимое в более широком социальном и экономическом контексте.

Игра как симуляция и симулякр

Любая видеоигра является в первую очередь симуляцией. При этом важно разделять симуляцию как жанр (Giddings 2014) и как философскую категорию, о которой пойдет речь в нашей работе. Игра как медиакультурный текст является симуляцией текста нарратива, исторического текста, различных способов повествования и других возможностей передачи сообщения через современные цифровые пространства. Видеоигра выступает средством воспроизводства того, что уже есть, отсылает нас к тому, что уже было произведено. Другими словами, она обращается к культурному коду, отражает его, дает возможность погрузиться в симуляцию мира, повлиять на сюжет и в итоге завершить его таким, каким бы его хотел видеть человек в рамках заданной симуляции.

Современные видеоигры, чтобы привлечь потребителя, заходят дальше симуляции. «Киберпанк 2077» и «Одни из нас» используют для этого схожую стратегию. В них презентованы цифровые версии актеров из реального мира, что не является инновационным в самой индустрии, но выступает одной из ключевых маркетинговых составляющих. Так, «Киберпанк 2077» использует цифровой образ актера Киану Ривза (исполнившего роль Нео в фильме «Матрица»). В видеоигре персонаж Ривза предстает как основной союзник главного героя, управляемого игроком, и помогает погрузиться в мир киберпанка. В видеоигре «Одни из нас» девочка Элли, один из двух главных персонажей, представляет собой цифровой образ двух людей – актрис Эллен Пейдж (ныне Эллиот Пейдж) и Эшли Джонсон, которая к тому же озвучивает Элли.

Применение концепции Бодрийяра, выделившего фазы развития образа (Бодрийяр 2015: 12), позволяет говорить о том, что цифровые образы актеров являются по своей сути симулякрами. Во-первых, создан образ актера и представлен публике через рекламу; во-вторых, образ актера изменен, чтобы изобразить определенного персонажа видеоигры; в-третьих, персонаж сформирован таким образом, чтобы соответствовать ближайшему окружению; в-четвертых, образ персонажа погружен в отдельный симулятивный мир. Этот цифровой образ основан на человеке, актере, который находится

в образе и подчиняется цифровой последовательности, заложенной разработчиками видеоигры. Все диалоги и сцены записаны и включены в цифровой образ, а образ может выполнять лишь то, что заложено в него в рамках симуляции. Образ неотличим от реального актера, тем самым он закрепляет гиперреальное пространство вокруг себя и одновременно конструирует его.

Как отмечает Бодрийяр, сообщение слилось с медиумом, и это слияние является важнейшим феноменом нашей эпохи: «Медиума в буквальном смысле больше не существует: теперь он неосязаем, рассеян и дифрагирован в реальном, и уже нельзя даже сказать, искажает ли он что-либо» (Бодрийяр 2015: 124). В мире симулякров медиум обретает собственную жизнь, становясь симулякром сам по себе. По мнению французского мыслителя, медиум оказался настолько всепроникающим, что колонизировал сознание человека, стал основным средством создания и поддержания смысла, заменив его традиционные источники, такие как религия, культура и сама традиция. Это привело к размыванию границ между реальным и симулятивным настолько, что мы больше не видим разницы.

Джеймисон пишет: «...со всем этим исторически беспрецедентным потребительским аппетитом к миру, превратившемуся в простые изображения самого себя, к псевдособытиям и “спектаклям” (термин ситуационистов). Именно для таких объектов мы можем приберечь платоновскую концепцию “симулякра”, идентичной копии, у которой никогда не было оригинала. Вполне логично то, что культура симулякра рождается в обществе, в котором меновая стоимость была обобщена настолько, что сама память о потребительской стоимости стерлась, в обществе, в котором, как отметил Ги Дебор в одном поразительном высказывании, “изображение стало конечной формой товарного овеществления”» (Джеймисон 2019: 111-112).

Видеоиграм как пространству цифровой симуляции присущи симулякры. В них можно обнаружить целые истории прошлого, которых никогда не было, миры гиперреальности, которые отсылают к себе. Например, в рамках исторической видеоигры можно обнаружить Флоренцию XV в., которая не является точной копией реальной Флоренции, но выступает образом исторической Флоренции; это показано игроку как реальное, но таковым никогда не было и не является (Elliott 2017: 30). Цифровое пространство и программный код определяют образы в видеоиграх. Цифровой код используется для создания симулятивного мира, в котором игрок может управлять своим персонажем и взаимодействовать с другими образами уже в гиперреальном мире. Образы существуют в виде символов и знаков, которые пытаются представить реальный или вымышленный мир, созданный для игры. Эти символы и знаки могут быть интерпретированы игроком, использованы для создания смысла и понимания игры. Игрок становится участником симуляции; входя в гиперреальный мир симулякров, он оказывается реципиентом транслируемых сообщений и смыслов.

Для всестороннего осмысления симулятивного характера видеоигр целесообразно обратиться к труду Жюль Делёза «Платон и симулякр». В нем раскрывается мысль Платона о копии и иллюзорном симулякре: «Различие колеблется между двумя видами образов. Копии являются вторичными об-

ладателями. Они вполне обоснованные претенденты, обеспеченные подобием. Симулякры же уподобляются ложным претендентам, возникают на основе отсутствия сходства, обозначают существенное извращение или отклонение. Именно в этом смысле Платон различает две области образов-идолов: с одной стороны, копии-изображения, с другой – симулякры-фантазмы. В настоящий момент мы находимся в наилучшей позиции для определения платоновского мотива в его целостности. Прежде всего, он связан с процессом отбора среди претендентов, различением хороших и плохих копий или, скорее, определением границы между копиями (обладателями хороших оснований) и симулякрами (всегда погруженными в пучину несходства). Мотив Платона сводится к вопросу о том, что именно обеспечивает триумф копий над симулякрами» (Deleuze 1983: 47-48).

Сет Гиддингс подчеркивает, что исследования видеоигр (game studies) в основном обращаются к симуляции как копии, а не симулякру. Но реализм видеоигр как симуляции – обманчивая характеристика, а не указание на оригинальный мир. Видеоигра является большей симуляцией, чем любые классические медиа, это «золотой стандарт» гиперреального. Цифровой код, репрезентированный на экране игрока через формы и образы, динамичен и воспроизводит симуляцию. Следовательно, видеоигра представляет собой цифровой автоматон-симулякр, где автоматон – машина с фактическим и фантастическим существованием (Giddings 2007: 427). Возвращаясь к Делёзу, мы видим, как он показывает свойственный симулякру творческий хаос: «Проблема более не связана с проведением границы между сущностью и видимостью, моделью и копией. Это различие полностью действует внутри мира репрезентации. Скорее, она связана с предпринимаемым ниспровержением этого мира “сумерками богов”. Симулякр не является копией на большей стадии деградации. Он становится убежищем позитивной власти, которая отрицает оригинал и копию, модель и репрезентацию... Находясь вдалеке от нового основания, она поглощает все основания, гарантируя всеобщий развал, который несет в себе характеристики радостного и позитивного события, лишённого своего основания» (Deleuze 1983: 53). Это присуще цифровому пространству, пространству, обращенному к себе и воспроизводящему (гипер)реальность вовне.

Киборги, зомби и пастиш

Франшизы «Одни из нас» и «Киберпанк 2077» обращаются к уже существующим в популярной культуре жанрам киберпанка и зомби-апокалипсиса. Оба жанра отображают изменения человеческой сущности в фантастическом будущем, где главный герой, будь то человек с кибернетическими дополнениями тела или зомби, борется за выживание в противостоянии с другими представителями будущего мира. В таком контексте существует конфликт с последующим изменением, попытка противостоять статус-кво, сохранить свою индивидуальность в мире, где прогресс уже победил и возникают новые формы человеческого существования. Следовательно, эти жанры отражают тенденции в обществе и популярной культуре, которые становятся актуальными в свете вызовов, стоящих перед современным миром.

Указанные жанры представляют собой реакцию и адаптацию к преобразованиям, особенно после утверждения постмодернистской логики капитализма. Джеймисон одним из первых отметил слияние позднего капитализма и культуры, а также выделил пастиш как основной прием воссоздания в современных жанровых конструкциях. По его мнению, пастиш – это способ культурного производства, который включает в себя имитацию и рекомбинацию элементов прошлых культурных стилей и жанров. В отличие от пародии, которая предполагает критическую или сатирическую переработку определенного стиля или жанра, пастиш не имеет критического или оппозиционного отношения к прошлому. Он принимает его некритично и без иронии, создавая своего рода «пустую пародию», в которой отсутствует какая-либо реальная критическая или оппозиционная грань. Пастиш – симптом культурных и экономических условий позднего капитализма, в котором производство культуры становится все более товарным и фрагментированным. В этом контексте он служит своего рода культурной стенографией, позволяя производителям культуры использовать ряд узнаваемых стилей и жанров без необходимости вступать с ними в какое-либо значимое взаимодействие. В результате возникает культурная одинаковость или однородность, при которой все культурные продукты становятся взаимозаменяемыми и неразличимыми. Пастиш отражает широкое культурное недомогание, в котором прошлое потеряло свой авторитет, а культурное производство стало оторванным от любого исторического или социального контекста. Принимая прошлое поверхностно и некритично, пастиш представляет собой провал культурной памяти и потерю исторического сознания (Джеймисон 2019: 110, 113, 117; Дайер 2021).

Келлнер в «Медиакультуре» 1995 г. посвятил киберпанку как жанру девятую главу, которая называется «Построение настоящего из будущего. От Бодрийяра до киберпанка». Этот жанр определяется из самого названия, соединяющего слова «кибер» и «панк», что приводит «...к сочетанию субкультуры высоких технологий с уличными культурами низкого уровня жизни, или к техносознанию и культуре, которые объединяют новейшие технологии с изменением чувств, разума и образа жизни, связанного с божественными субкультурами» (Kellner 1995: 301). Исследователь проводит параллель между теорией Бодрийяра, которая описывает состояние «сейчас» (конец XX столетия), и описываемым в киберпанке состоянием будущего. Согласно Келлнеру, к концу XX в., когда технологии и средства массовой информации стали играть более важную роль в формировании восприятия реальности, возникло новое культурное чувство, которое бросило вызов традиционным представлениям об объективной истине и рациональности. Это чувство выражено в работах Бодрийяра, чья теория подчеркивала крах различий между реальностью и симуляцией. Одним из культурных ответов на состояние постмодерна, описанное Бодрийяром, стало появление киберпанка как жанра научной фантастики. Писатели, работающие в этом жанре, такие как Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг, Нил Стивенсон, создали антиутопические видения будущего, где технология фундаментально изменила общество, а границы между физическим и виртуальным мирами размылись. Как и Бодрийяр, эти писатели от-

вергли идею стабильной, объективной реальности, подчеркивая сконструированный и опосредованный характер нашего восприятия.

Связь между теорией Бодрийяра и киберпанком не только тематическая, но и формальная. Как в творчестве Бодрийяра, так и в литературе киберпанка используется фрагментарный нелинейный стиль, который отражает дезориентацию постмодернистского состояния. Французский мыслитель описал современный мир как гиперреальность, где симуляция реальности реальнее, чем сама реальность. Литература киберпанка отражает то же ощущение гиперреальности, в которой виртуальные миры и симуляции стали более захватывающими и убедительными, чем физический мир. Однако если теорию Бодрийяра можно рассматривать как критику современности и ее акцента на прогрессе и рациональности, то писатели киберпанка в своей критике явно выражают политическую позицию. В литературе киберпанка часто изображается антиутопическое будущее, в котором корпорации стали более могущественными, чем правительства, а личность маргинализована и угнетена. Этот политический аспект отличает киберпанк от теории Бодрийяра, которая может рассматриваться как смирившаяся с невозможностью сопротивления или изменений в мире, где доминирует симуляция.

Во введении к работе «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» Джеймисон пишет, что жанр киберпанка является высшим литературным выражением если не постмодернизма, то позднего капитализма (Джеймисон 2019: 57-58). При этом скорость его воспроизводства настолько увеличилась, что процессы пастишизации являются стандартной практикой создания нарратива (Kellner 1995: 305, 326). В «Медиакультуре» 2020 г. Келлнер проводит анализ франшизы «Бегущий по лезвию» (Blade Runner) и утверждает, что жанру киберпанка присущ пастиш (Kellner 2020: 282).

«Киберпанк 2077», являясь примером видеоигры в жанре киберпанк, использует постмодернистские приемы художественного выражения, которым и является пастиш. Действие происходит в мире, который опирается на элементы из различных источников, создавая пастиш стилей и жанров. Игра пастишизирует предыдущую медиакультуру, от ретрофутуристических визуальных образов до эклектичного саундтрека, для создания уникального мира, отражающего социальные, культурные и политические структуры вымышленной вселенной. Через использование пастиша «Киберпанк 2077» вносит свой вклад в обсуждение того, как различные культурные и исторические отсылки могут быть интегрированы в целостное и гиперреалистичное представление мира.

Если жанр киберпанка представляет людей, которые уходят далеко в техногенное будущее от своей человечности, то жанр зомби-хоррора словно возвращает их в прошлое. Зомби приводят к коллапсу цивилизации и всего технического, прогресс останавливается. Спустя какое-то время города разрушаются, зарастают зеленью и начинают жить дикой жизнью. Остаются лишь небольшие поселения пытающихся выжить людей. Так, в шестом эпизоде сериала «Одни из нас», который называется «Родня» (Kin), один из главных героев Джоэл (персонаж Педро Паскаля) в разговоре с такими поселенцами после их рассказа о коллективной собственности заявляет: «То есть у вас коммунизм».

Джоди Дин, обращая внимание на творческие интерпретации миров будущего, в своей статье «Коммунизм или неофеодализм?» (Дин 2019) предполагает, что современное общество является не чистым капитализмом, а, скорее, неофеодализмом, где существуют отношения производства и эксплуатации. В мирах киберпанка эта ситуация усугубляется, а «лорды»-корпорации управляют технократичными городами. Келлнер рассматривает жанр киберпанка как часть апокалиптического мира, как обычно это делают с жанром зомби, но акцентирует внимание на социальном апокалипсисе (Kellner 2020: 277).

Тема зомби также вызывает интерес исследователей, при этом работы расходятся в спектре от современной культуры (Павлов 2013; Павлов 2014; Webley, Zackariasson 2019) до международных отношений (Drezner 2011). Так, Ким Паффенрот в работе «Евангелие от живых мертвецов. Как Джордж Ромеро видит ад на земле» (Paffenroth 2006) описал множество сюжетов, которые можно объяснить с помощью зомби. Один из них – тема потребления в фильме «Рассвет мертвецов» (*Dawn of the Dead*, 1978). В нем выжившие укрываются в торговом центре, становящемся символом культуры потребления. Зомби бездумно бродят по торговому центру в поисках того, что можно потратить, хотя у них нет никаких истинных желаний или потребностей. По мнению автора, это отражение того, как культура потребления побуждает людей постоянно искать новые продукты и впечатления, даже если они не приносят истинного удовлетворения или счастья. Паффенрот также исследует религиозные и духовные темы, прежде всего, идею «живых мертвецов» как метафору духовной пустоты и потери смысла жизни. Он утверждает, что фильмы Ромеро представляют собой критику современности и потребительской культуры. Подобная исследовательская перспектива имеет устойчивые параллели с описанием общества потребления Бодрийяром, в особенности торгового центра *Parly 2* (Бодрийяр 2006).

Хотя в пастише нет творческой иронии, в сериале «Одни из нас» можно увидеть философскую иронию. Люди становятся зомби не посредством заражения вирусом или воскрешения, что является классическим тропом, а через проникновение в организм плесени, которая имеет ризоматичную структуру и коммуницирует сама с собой, как медиа в постмодернизме. Жанр зомби – один из самых реалистичных форматов в современной медиакультуре. В связи с недавними событиями пандемии COVID-19, в рамках ускоренного заражения, подобная реалистичность стала настолько реальной, что превосходит саму реальность и переходит в разряд гиперреального (Morelock 2021).

Жанр зомби можно считать пастишем в том смысле, что он сочетает элементы различных культур. Концепция зомби адаптирована и трансформирована в популярной культуре, особенно в фильмах ужасов. Как и пастиш, зомби – продукт глобализированной культуры, представляющий собой отрицание человеческой культуры как целостной системы смысла. Их неживые тела – это гетерогенная совокупность социокультурных тропов, которые функционируют как альфа-хищники, ужасы нынешнего поколения. Зомби обычно изображаются чисто визуально, без индивидуальной агентности, существуя как безымянные части коллектива. В жанре преобладает постмодернистская самореферентность, и зомби появляются в

различных поджанрах, таких как «зомедии» – зомби-комедии, например, «Добро пожаловать в Зомбилэнд» (Zombieland, 2009), и «ром-зом-ком» – романтические комедии с зомби, например, «Тепло наших тел» (Warm Bodies, 2013). Уже присущая жанру дестабилизация традиционных различий между драмой и комедией раскрывается в финальных сценах схватки между главными героями и враждебной нежитью, что стирает различия между социальными группами благодаря их человечности и сочувствию. В итоге жанр зомби соединяет разнообразные темы, подрывая жанровые условности и создавая пастиш медиакультурных тропов (Wöll 2020: 94-95).

От интерактивного текста к пассивному

В *game studies* к видеоиграм относятся как к форме ремедиации, а не пастиша (Apperley 2006). Ремедиация – это «формальная логика, с помощью которой новые медиа переосмысливают предыдущие медиаформы» (Bolter, Grusin 1999: 273). Ее можно рассматривать как разновидность пастиша, когда новые медиа заимствуют и перерабатывают элементы старых медиа без какой-либо заботы об исторической преемственности или согласованности. Однако Дэвид Болтер и Ричард Грузин в своей книге 1999 г. «Ремедиация: понимая новые медиа» утверждают, что ремедиация – нечто большее, чем просто пастиш, поскольку она включает в себя сознательные усилия по включению и адаптации старых медиаформ новыми способами. По мнению исследователей, ремедиация – это не просто поверхностное заимствование стилей или техник, а, скорее, фундаментальная часть творческого процесса, который стимулирует культурные и технологические изменения. Позднее, в рамках изучения цифровых медиа, Грузин предложил другой термин – пре-медиация, которая «подразумевает стремление ремедиировать будущее до того, как оно произойдет» (Grusin 2010: 57)

Бернар Перрон в книге “Silent Hill: The Terror Engine” (Perron 2012), которую в 2020 г. перевели на русский язык как «Silent Hill. Навстречу ужасу. Игры и теория страха», утверждает, обращаясь к идеям Болтера и Грузина, что хоррор-игры переосмысливают фильмы в этом жанре, создавая уникальный опыт для игрока. Чтобы доказать свой тезис, Перрон часто обращается к кинематографу. Александр Павлов в своей рецензии на книгу пишет, что для Перрона «фильм очень похож на игру, и это очень хорошо, но в тех моментах, где фильм на игру не похож и отходит от нее (отчетливо разграничивает две онтологии города), это плохо. Так что игроки могут быть разочарованы тем, что фильм – это не игра. ...я специально пересмотрел “Сайлент Хилл”... и могу заметить, что весь фильм – это одна большая кат-сцена для игры. Снятая фанатом франшизы Кристофом Ганом, она представляет собой исключительно фансервис» (Павлов 2021: 335).

С этой тенденцией мы сталкиваемся и при адаптации видеоигры «Одни из нас» как сериала. Сериал является едва ли не покadroвой постановкой игры с возможными дополнениями в сюжете. Не соглашаясь с Перроном, отметим, что такая экранизация ухудшает восприятие экранных образов. Обратная ремедиация от видеоигры к сериалу влияет на восприятие медиакультурного текста с точки зрения инструментов коммуникации с этим

текстом. Сериал, лишенный функции участия, может оказаться малой частью той истории, которую повествует стоящий за ней текст. Возможно, проблема кроется в излишней кинематографичности хоррор-игр, которые являются лучшей версией самих себя, и репродукция выступает оптимальным способом передачи смыслов в рамках жанра.

Следует отметить, что цифровое пространство является репродуцируемым и копируемым, что ставит под сомнение само понимание оригинальности. Цифровая деконструкция раскладывает каждый элемент целого на код, который находится в Сети. Возможно, уже не существует ничего оригинального, одна и та же видеоигра может присутствовать одновременно на разных носителях. Но возможности видеоигрового медиума больше по сравнению с кинематографическим. При копировании продукта одного медиума в другой копируется не сам продукт, а уже знакомый код, и в случае «Одних из нас» потенциал в медиуме сериала не раскрывается в полной мере.

При адаптации видеоигры «Киберпанк 2077» в аниме-сериал «Киберпанк: Бегущие по краю» реализуется другой подход к созданию медиакультурного текста. Во-первых, сериал не является прямой экранизацией, а представляет собой отдельную историю, которая происходит в том же мире, что и игра. Такой подход позволяет зрителю получить новый взгляд на уникальный мир «Киберпанка», не ограничиваясь уже известным сюжетом. Взаимодействие видеоигры и аниме-сериала создает комплексное представление о мире, позволяя игрокам посещать значимые локации из сериала во время игры. Во-вторых, аниме-формат, в котором создан сериал, позволяет ему выделиться на фоне других произведений. Кроме того, анимация помогает воплотить в жизнь сложные фантастические элементы киберпанка, что труднее достичь с помощью живых актеров и спецэффектов. Также анимационный стиль сериала уникален и соответствует жанровой специфике киберпанка. Сочетание элементов аниме и киберпанка позволяет сериалу передать своеобразную технологическую атмосферу мира, в котором происходят события, одновременно он соответствует красочному стилю видеоигры относительно самого жанра. При просмотре сериала зритель, который знаком с видеоигрой, не чувствует себя закрепощенным последовательностью, в которой не участвует. Такое взаимодействие становится возможным благодаря способности игроков передавать свой опыт и знания из игрового контекста на процесс просмотра. Наоборот, этот аниме-сериал является предысторией к игре, раскрывает сюжетные линии, в которых зритель может найти отсылки, перейдя в изначальный медиум.

В случае «Бегущих по краю» мы оказываемся в ситуации, где взаимодействие стилистических форм «...наглядно демонстрирует этот эмансипационный потенциал современного пастиша. Более того, стилистическое столкновение, характерное для современного пастиша, вполне естественно порождает критическую рефлексию, если, конечно, рассматривать этот жанр как аллегорически продуктивный» (Hoesterey 1995: 507). Мы видим, как позитивно и органично воплощается трансмедийное повествование, о котором писал Генри Дженкинс в третьей главе своей «Конвергентной культуры» (Дженкинс 2019).

Вышеизложенное позволяет проследить, каким образом происходит ремедиация или адаптация двух продуктов в одном медиуме. Разные подходы к ремедиации в представленных медиакультурных текстах позволяют воспринимать их по-разному – как некий повтор первичного продукта или как возможное расширение, продолжение в рамках творчества первичного продукта. Хотя аниме-сериал «Бегущие по краю» и задумывался как часть рекламной кампании к оригинальной видеоигре, этот продукт имеет свою собственную историю, в отличие от копирования в «Одних из нас».

Заключение

Возвращаясь к классификации проанализированных медиакультурных текстов, отметим, что они являются одновременно пастишами, симулякрами и продуктами ремедиации. В рамках соотношения между пастишем и ремедиацией необходимо учитывать узкий жанровый и стилистический аспект пастиша, а ремедиацию следует понимать как более широкое определение представленной формы медиакультуры. Также стоит принимать во внимание природу рассматриваемых продуктов, которые являются симулякрами, поскольку связывают нас с исходным сообщением, а именно с видеоигрой, которая сама представляет собой симуляцию и симулякр. Вопрос заключается в творческой оригинальности продукта медиакультуры. В этом плане сериал «Одни из нас» оказывается некой копией, «плохим» симулякром позитивного симулякра (одноименной видеоигры), а «Киберпанк: Бегущие по краю» можно оценить как «хорошую» копию, хаотичный, созидательный и изобретательный симулякр позитивного симулякра.

Философский анализ медиакультурных текстов позволяет выявить множество аспектов. Посредством междисциплинарных методов анализа открываются различные грани, которые могли бы остаться незамеченными, если бы мы придерживались единичного подхода или методологии. Использование постмодернистских концептов, таких как пастиш, симулякр и ремедиация, становится необходимостью в исследовании современных медиакультурных текстов, позволяя внедрить категориальный аппарат философии. В результате создаются новые инструменты анализа, которые способствуют рассмотрению цифровых медиа как прогресса в соответствии с концепцией Джеймисона. Такой подход позволяет анализировать не только тексты и медиумы, но и цифровое пространство в целом. Благодаря расширенным методологическим возможностям различных исследовательских направлений раскрываются внутренние противоречия и проблемы. Сам диалектический подход Джеймисона, который учитывает «катастрофу и прогресс», в случае цифрового пространства представляет отдельный аспект, заслуживающий дальнейшего рассмотрения.

Проанализированные сериалы, имея одинаковые основания к ремедиации и пастишизации первичных видеоигр, выбрали разные пути адаптации. В «Одних из нас» авторы пошли по пути банального копирования изначального медиакультурного текста, что является достаточным и безопасным способом коммодификации. Поэтому данный продукт скорее просто растворится в цифровом пространстве, чем побудит к новым прочтениям.

Потребитель получает то, что уже было создано, но имеет меньше возможностей для проявления своей агентности, так как в сериале отсутствует интерактивный элемент, присущий видеоиграм. При том же стимуле получения прибыли авторы киберпанков, используя набор различных постмодернистских методов, создали новый творческий продукт. Человек не может видеть изначальной и, возможно, творческой интенции авторов, он запечатлевает лишь конечный продукт производства медиаккультуры, где обнаружит разницу в подходах переопределения и повторного использования того, на что ссылается вторичный текст. В совокупности это поощряет новую волну доброй воли потребителя и фаната, чтобы побудить к дальнейшему воспроизводству. Однако, если творческий потенциал утрачен в процессе ремедиации, сам текст потеряется во множестве одинаковых копий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. Москва : Республика : Культурная революция. 268 с.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляции. Москва : Постум. 240 с.
- Дайер Р. 2021. Пастиш. Москва : Издательский дом ВШЭ. 344 с.
- Джеймисон Ф. 2019. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Москва : Издательство Института Гайдара. 808 с.
- Дженкинс Г. 2019. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. Москва : Рипол-Классик. 384 с.
- Дин Дж. 2019. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29, № 6. С. 85-116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114
- Мазоренко Д.А. 2021. Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи? // Социология власти. Т. 33, № 1. С. 11-38. DOI 10.22394/2074-0492-2021-1-11-38
- Павлов А.В. 2013. Телемертвецы: возникновение сериалов про зомби // Логос. № 3. С. 139-154.
- Павлов А.В. 2014. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. Москва : Издательский дом ВШЭ. 360 с.
- Павлов А.В. 2021. Что мы делаем в темноте: хоррор и геймплей : рецензия на книгу Бернара Перрона // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 5, № 3. С. 324-345. DOI 10.17323/2587-8719-2021-3-324-345
- Apperley T.H. 2006. Genre and Game Studies: Toward a Critical Approach to Video Game Genres // Simulation & Gaming. Vol. 37, iss. 1. P. 6-23. DOI 10.1177/1046878105282278
- Bolter J.D., Grusin R. 1999. Remediation: Understanding New Media. Cambridge : MIT Press. 295 p.
- Deleuze G. 1983. Plato and the Simulacrum // October. Vol. 27. P. 45-56. DOI 10.2307/778495
- Drezner D.W. 2011. Theories of International Politics and Zombies. Princeton : Princeton University Press. 153 p.
- Elliott A.B.R. 2017. Simulations and Simulacra: History in Video Games // Práticas Da História. Journal on Theory, Historiography and Uses of the Past. No. 5. P. 11-41.
- Fuchs C. 2022. Digital Capitalism: Media Communication and Society. Abingdon : Routledge. 342 p.

- Giddings S. 2007. Dionysiac Machines: Videogames and the Triumph of the Simulacra // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. Vol. 13, iss. 4. P. 417-431. DOI 10.1177/1354856507082204
- Giddings S. 2014. *Simulation* // *The Routledge Companion to Video Game Studies* / ed. by M.J.P. Wolf, B. Perron. New York ; London : Routledge. P. 259-266.
- Grusin R.A. 2010. *Premediation: Affect and Mediality after 9/11*. Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan. 208 p.
- Hassan R. 2020. *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London : University of Westminster Press. 200 p.
- Hoesterey I. 1995. Postmodern Pastiche: A Critical Aesthetic // *The Centennial Review*. Vol. 39, iss. 3. P. 493-510.
- Kellner D. 1995. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Post-Modern*. London ; New York : Routledge. 726 p.
- Kellner D. 2020. *Media Culture. Cultural Studies, Identity, and Politics in the Contemporary Moment*. London ; New York : Routledge. 334 p.
- Morelock J. 2021. *Pandemics, Authoritarian Populism, and Science Fiction: Medicine, Military, and Morality in American Film*. Abingdon ; New York : Routledge. 146 p.
- Paffenroth K. 2006. *Gospel of the Living Dead: George Romero's Visions of Hell on Earth*. Waco : Baylor University Press. 195 p.
- Perron B. 2012. *Silent Hill: The Terror Engine*. Ann Arbor : University of Michigan Press. 170 p.
- Webley S.J., Zackariasson P. 2019. *The Playful Undead and Video Games: Critical Analyses of Zombies and Gameplay*. New York : Routledge. 286 p.
- Wöll S. 2020. Shuffling Narratives: Apocalypticism, Postmodernism, and Zombies // *Anglica. An International Journal of English Studies*. Vol. 29, iss. 1. P. 87-107. DOI 10.7311/0860-5734.29.1.06

References

- Apperley T.H. Genre and Game Studies: Toward a Critical Approach to Video Game Genres, *Simulation & Gaming*, 2006, vol. 37, no. 1, pp. 6-23. DOI 10.1177/1046878105282278
- Baudrillard J. *Simulacra and Simulations*, Moscow, Postum, 2015, 240 p. (In Russ.).
- Baudrillard J. *The Consumer Society*, Moscow, Respublika & Kul'turnaya revolyuciya, 2006, 268 p. (In Russ.).
- Bolter J.D., Grusin R. *Remediation: Understanding New Media*, Cambridge, MIT Press, 1999, 295 p.
- Dean J. Communism or Neo-Feudalism? *Logos*, 2019, vol. 29, no. 6, pp. 85-116. (In Russ.). DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114
- Deleuze G. Plato and the Simulacrum, *October*, 1983, vol. 27, pp. 45-56. DOI 10.2307/778495
- Drezner D.W. *Theories of International Politics and Zombies*, Princeton, Princeton University Press, 2011, 153 p.
- Dyer R. *Pastiche*, Moscow, Izdatel'skij dom VShE', 2021, 344 p. (In Russ.).
- Elliott A.B.R. Simulations and Simulacra: History in Video Games, *Práticas Da História. Journal on Theory, Historiography and Uses of the Past*, 2017, no. 5, pp. 11-41.
- Fuchs C. *Digital Capitalism: Media Communication and Society*, Abingdon, Routledge, 2022, 342 p.
- Giddings S. *Dionysiac Machines: Videogames and the Triumph of the Simulacra, Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2007, vol. 13, no. 4, pp. 417-431. DOI 10.1177/1354856507082204

Giddings S. Simulation, *Wolf M.J.P., Perron B. (eds.) The Routledge Companion to Video Game Studies*, New York & London, Routledge, 2014, pp. 259-266.

Grusin R.A. *Premediation: Affect and Mediality after 9/11*, Basingstoke & New York, Palgrave Macmillan, 2010, 208 p.

Hassan R. *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*, London, University of Westminster Press, 2020, 200 p.

Hoesterey I. Postmodern Pastiche: A Critical Aesthetic, *The Centennial Review*, 1995, vol. 39, no. 3, pp. 493-510.

Jameson F. *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019, 808 p. (In Russ.).

Jenkins H. *Convergent Culture: Where Old and New Media Collide*, Moscow, Ripol-Klassik, 2019, 384 p. (In Russ.).

Kellner D. *Media Culture. Cultural Studies, Identity, and Politics in the Contemporary Moment*, London & New York, Routledge, 2020, 334 p.

Kellner D. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Post-Modern*, London & New York, Routledge, 1995, 726 p.

Mazorenko D.A. Just-in-time Late Capitalism: Why Does Postmodernism Still Remain a Sociocultural Dominant of Our Time? *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2021, vol. 33, no. 1, pp. 11-38. (In Russ.). DOI 10.22394/2074-0492-2021-1-11-38

Morelock J. *Pandemics, Authoritarian Populism, and Science Fiction: Medicine, Military, and Morality in American Film*, Abingdon & New York, Routledge, 2021, 146 p.

Paffenroth K. *Gospel of the Living Dead: George Romero's Visions of Hell on Earth*, Waco, Baylor University Press, 2006, 195 p.

Pavlov A.V. *The Guilty Pleasure: Philosophical and Socio-political Interpretations of Mass Cinema*, Moscow, Izdatel'skiy dom VShE', 2014, 360 p. (In Russ.).

Pavlov A.V. Videodead: The Emergence of Zombie TV Series, *Logos*, 2013, no. 3, pp. 139-154. (In Russ.).

Pavlov A.V. What We Do in the Shadows. Horror and Gameplay: A Review of the Book by Bernard Perron, *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 324-345. (In Russ.). DOI 10.17323/2587-8719-2021-3-324-345

Perron B. *Silent Hill: The Terror Engine*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 2012, 170 p.

Webley S.J., Zackariasson P. *The Playful Undead and Video Games: Critical Analyses of Zombies and Gameplay*, New York, Routledge, 2019, 286 p.

Wöll S. Shuffling Narratives: Apocalypticism, Postmodernism, and Zombies, *Anglica. An International Journal of English Studies*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 87-107. DOI 10.7311/0860-5734.29.1.06

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Алексеевич Анисимов

аспирант, стажер-исследователь международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-7017-4466;
ResearcherID: AAD-2879-2022;
SPIN-код: 7237-2461;
E-mail: Vladmir.anisimov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Anisimov

Post-graduate Student, Research Intern, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-7017-4466;
ResearcherID: AAD-2879-2022;
SPIN-code: 7237-2461;
E-mail: Vladmir.anisimov@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE



Панов П.В. Эффекты персонификации голосования на президентских и парламентских выборах в России // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 97-116.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_97

УДК 324

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_97

Эффекты персонификации голосования на президентских и парламентских выборах в России

Петр Вячеславович Панов

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН –
филиал Пермского федерального исследовательского центра
Уральского отделения РАН
г. Пермь, Россия
E-mail: panov.petr@gmail.com

*Поступила в редакцию 22.05.2023, поступила после рецензирования 28.06.2023,
принята к публикации 14.07.2023*

Когда напрямую избранные президенты обладают достаточно сильной властью во взаимоотношениях с правительством и парламентом, президентские выборы воспринимаются как выборы первого порядка. Кроме того, голосование за кандидатов в президенты является намного более персонифицированным. В значительной степени это объясняет, почему в России кандидат партии власти на президентских выборах получает значительно большую поддержку, чем партия власти на парламентских. Часть избирателей, поддерживавших на парламентских выборах оппозиционные партии, на президентских голосует «стратегически» и «персонально»,



© Панов П.В., 2023

отдавая свои голоса инкумбенту. Однако остается открытым вопрос, насколько равномерно данная тенденция распространяется на разные сегменты электората политических партий. Для ответа на него автором статьи был проведен сравнительный анализ парламентских и президентских выборов 2016 и 2018 гг. В качестве эмпирического материала использовались электоральные и социально-экономические данные в разрезе муниципальных образований. Анализ, выполненный методом многоуровневой линейной регрессии, показал, что на парламентских выборах линия «партия власти *versus* оппозиция» выражена достаточно отчетливо, в то время как на президентских выборах она размывается. На основе полученных в ходе исследования результатов сделан вывод о том, что персонифицированное голосование оказывает ключевое воздействие на разницу в результатах политических партий и их кандидатов. При этом и консолидация избирателей вокруг инкумбента, и потеря голосов кандидатом от ЛДПР примерно в одинаковой мере затрагивают разные сегменты электората, то есть специфика электората этих партий на президентских выборах нивелируется, но сохраняется. Применительно к КПРФ обнаруживается иная картина: недостаточная аффилированность ее кандидата с партией привела к тому, что разные сегменты электората неравномерно меняли свои предпочтения. В заключительной части статьи автором намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: выборы, инкумбент, партия власти, оппозиция, электорат, персонифицированное голосование, сравнительный анализ

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы «Политические институты и процессы в современном территориальном и социокультурном контексте» АААА-А19-119032590065-5.

Effects of Personification of Voting in Presidential and Parliamentary Elections in Russia

Petr V. Panov

Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences – the Branch of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russia
E-mail: panov.petr@gmail.com

Received 22.05.2023, revised 28.06.2023, accepted 14.07.2023

Abstract. When directly elected presidents have fairly strong power in relations with the government and parliament, presidential elections are perceived as elections of the first order. In addition, voting for presidential candidates is much more personalized. To a large extent, this explains why, in Russia, the candidate of the party of power receives much more support in the presidential election than the party of power in parliamentary ones. Some voters who support opposition parties in the parliamentary elections vote “strategically” and “personally” in the presidential ones, giving their votes to the

incumbent. However, the question remains how evenly this trend spreads across different segments of the electorate of political parties. To answer it, a comparative analysis of the 2016 parliamentary and 2018 presidential elections was carried out. Empirically, the study is based on electoral and socio-economic data in the context of municipalities. The analysis carried out by the method of multilevel linear regression has exposed that the line “party of power *versus* opposition” is quite clearly expressed in the parliamentary and blurred in the presidential elections. Based on the results obtained, it is concluded that personalized voting has a key impact on the difference in the results of political parties and their candidates. At the same time, both the consolidation of voters around the incumbent and the loss of votes by the candidate of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) affect different segments of the electorate approximately equally, that is, the specifics of the electorate of these parties in the presidential election is leveled but it remains. With regard to the Communist Party of the Russian Federation (CPRF), on the contrary, insufficient affiliation of its candidate with the party led to the fact that different segments of the electorate changed their preferences unevenly. The final part of the article outlines promising directions for further research.

Keywords: elections, incumbent, party of power, opposition, electorate, personal voting, comparative analysis

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state task; “Political Institutions and Processes in the Modern Territorial and Socio-Cultural Context”, the state registration No. AAAA-A19-119032590065-5.

For citation: Panov P.V. Effects of Personification of Voting in Presidential and Parliamentary Elections in Russia, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 97-116. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_97

Введение

Результаты выборов Президента Российской Федерации существенно отличаются от выборов депутатов Государственной Думы. Последние полтора десятилетия в каждом электоральном цикле (2007–2008, 2011–2012, 2016–2018 гг.) кандидат партии власти на президентских выборах всегда получает бóльшую поддержку, чем партия власти на парламентских. И, наоборот, кандидаты основных парламентских партий (за исключением 2008 г.) набирают меньше голосов, чем их партия на выборах в Думу. Очевидно, что президентские выборы в России воспринимаются как «более важные», при этом голосование на них намного более персонифицировано. В результате инкумбент (кандидат от партии власти) не в полной мере идентифицируется с партией власти, и именно вокруг его фигуры происходит консолидация элит и избирателей, в том числе тех, кто на парламентских выборах поддерживал другие партии (Туровский 2018). Тем не менее остается открытым ряд вопросов. Каков социальный диапазон этой консолидации? Распространяется ли она на определенные категории населения или имеет широкий охват? Как такая консолидация влияет на разные сегменты электората других партий с точки зрения устойчивости их голосования на президентских выборах?

В поисках ответов на эти вопросы в настоящей статье проведен сравнительный анализ федеральных выборов 2016–2018 гг., то есть последнего

«законченного» электорального цикла, который включал и президентские, и парламентские выборы. Исследование выполнено на основе эмпирических данных муниципальных образований, поскольку именно локальный уровень дает достаточно высокую степень дисагрегации территориальных единиц наблюдений. В условиях отсутствия специальных социологических опросов это позволяет косвенно, через влияние социально-экономических параметров муниципалитетов на голосование за партии/кандидатов, определить, как изменились предпочтения различных сегментов электората на президентских выборах по сравнению с парламентскими.

Различия президентских и парламентских выборов: теоретические объяснения и российская практика

В объяснении различий результатов президентских и парламентских выборов можно выделить несколько направлений. Первое вытекает из теории выборов первого и второго порядков. Когда напрямую избранные президенты обладают достаточно сильной властью во взаимоотношениях с правительством и парламентом, что характерно не только для президентских, но и для полупрезидентских систем (Зазнаев 2006; Маркаров 2014), именно президентские выборы воспринимаются как выборы первого порядка (Reif, Schmitt 1980: 8). Если на выборах второго порядка избиратели чаще склонны голосовать за маргинальные партии/кандидатов, то на выборах первого порядка значительно шире распространено «стратегическое голосование», когда избиратели предпочитают делать выбор в пользу «серьезных» партий/кандидатов (Kawai, Watanabe 2013). На президентских выборах такое голосование стимулируется еще и тем, что их результаты определяются по мажоритарному принципу, тогда как на парламентских может использоваться пропорциональная система. Наконец, электоральная повестка выборов первого порядка зачастую включает более важные вопросы. Так, по наблюдениям некоторых исследователей, такие существенные вопросы, как будущее России, ее статус великой державы, способность противостоять угрозам, были в центре внимания именно на президентских выборах 2018 г., а не в 2016 г. (Hutcheson, Petersson 2016). В результате, как отмечает Р.Ф. Туровский, «на президентских выборах избиратель в большей степени мотивирован к тому, чтобы делать стратегический выбор, оценивая шансы тех, кто претендует на президентский пост, и выбирая максимально приемлемого для себя кандидата из числа способных одержать победу. Тем самым он действует в какой-то мере рациональнее, чем на выборах в парламент» (Туровский 2018: 25).

Вторая линия объяснений фокусируется на такой особенности президентских выборов, как голосование за конкретных кандидатов. Даже в тех случаях, когда они выдвигаются политическими партиями, голосование оказывается более персонифицированным (personal vote), нежели на парламентских выборах (Carey, Shugart 1995: 432; Cain et al. 1987). В этой логике различия в результатах партии на парламентских выборах и ее кандидата на президентских зависят от степени аффилированности кандидата с пар-

тией. При прочих равных условиях, она будет минимальной, когда партия поддерживает независимого кандидата, и максимальной, если кандидатом является лидер партии.

Вместе с тем следует учитывать не только формальную аффилированность, но и неформальную идентификацию кандидата с партией в восприятии избирателей. Так, применительно к России исследователями неоднократно отмечалось, что институциональная сложность российской политики, неясность в распределении полномочий затрудняют идентификацию акторов, ответственных за реализацию того или иного политического курса (Семенов, Шевцова 2019). В результате ответственность за непопулярные политические решения возлагается на правительство, парламент, партию власти, а достижения ассоциируются в первую очередь с личностью Президента РФ (Sirotkina, Zavadskaya 2020). Такая специфическая атрибуция ответственности приводит к тому, что даже если кандидат формально аффилирован с партией власти, избиратели их разделяют.

В условиях персоналистских режимов персонификация голосования и значимость президентских выборов как выборов первого порядка выражены особенно явно. Кроме того, результат персоналистского лидера – инкумбента – на президентских выборах значительно более важен, чем результат партии власти на парламентских. Поэтому политические машины – организационные структуры, которые координируют различные способы непрограммной мобилизации избирателей, от административного давления и покупки голосов до персональных поощрений и использования личных связей (Banfield, Wilson 1965; Scott 1969), – получают в свое распоряжение больше ресурсов и предпринимают больше усилий по улучшению результата инкумбента.

Как представляется, в совокупности эти концепции дают достаточные объяснения причин различий в результатах президентских и парламентских выборов в России. Часть избирателей, поддерживавших на парламентских выборах оппозиционные партии, на президентских голосует «стратегически» и «персонально», отдавая свои голоса инкумбенту, поскольку, ассоциируясь с имеющимися достижениями, в персональном отношении он очевидно выигрывает по сравнению с кандидатами других партий, лишенными такой позитивной ассоциации. Тем не менее остается открытым вопрос, насколько равномерно распространяется эта тенденция на разные сегменты электората оппозиционных партий.

Прямого ответа на этот вопрос нет, поскольку надежные социологические исследования, где бы специально изучалась смена предпочтений избирателей между парламентскими и президентскими выборами, отсутствуют. Однако косвенно мы можем судить об этом, сравнив результаты выборов парламента и президента. Если единицами сравнения являются относительно небольшие территории (муниципалитеты), различия в воздействии их социально-экономических параметров на итоги голосования за партию на парламентских выборах и ее кандидата на президентских косвенно показывают, какие именно сегменты электората сменили свои предпочтения.

Электоральный цикл 2016–2018 гг. (выборы депутатов Государственной Думы 2016 г. и выборы Президента РФ 2018 г.) представляется наиболее подходящим для решения поставленной задачи, поскольку выборы проходили в более стабильной по сравнению с 2011–2012 гг. политической ситуации, а также в отсутствие «специфических» для отдельных территорий внешних факторов, способных существенно повлиять на результаты. Исключение – голосование в Крыму и Севастополе, которые совсем недавно вошли в состав России. По этой причине они исключены из нашего анализа, как и два других субъекта РФ – Москва и Санкт-Петербург, где система местного самоуправления организована иначе, чем в остальных регионах.

Партия власти «Единая Россия» (ЕР) получила на выборах 2016 г. 54,2 % голосов, а три другие парламентские партии (системная оппозиция) – ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия (СР) – 13,14%, 13,34% и 6,22% соответственно (табл. 1). Дополнительное преимущество этого цикла заключается в том, что два года спустя три из рассматриваемых партий выдвинули своих кандидатов на президентских выборах, но степень их аффилированности с партией была различной. Кандидатом от ЛДПР стал ее лидер В.В. Жириновский. КПРФ выдвинула кандидатом не лидера партии, а предпринимателя-агрария П.Н. Грудинина. В.В. Путин официально выступал как самовыдвиженец, но, будучи инкубентом, очевидным образом рассматривался как кандидат партии власти. Столь разная аффилированность позволяет сравнить, как это влияет на устойчивость разных сегментов электората партий между парламентскими и президентскими выборами. В отношении СР провести такое сравнение невозможно: она не выдвигала своего кандидата, поэтому данные по ней носят преимущественно информационный характер.

Таблица 1. Итоги голосования на выборах Государственной Думы и Президента РФ в 2007–2018 гг., %

	ЕР	ЛДПР	КПРФ	СР	Кандидаты на президентских выборах
Госдума, 2007 г.	64,30	8,14	11,57	7,74	
Президент, 2008 г.	70,28	9,35	17,72		Медведев, Жириновский, Зюганов
Госдума, 2011 г.	49,32	11,67	19,19	13,24	
Президент, 2012 г.	63,53	6,21	17,16	3,85	Путин, Жириновский, Зюганов, Миронов
Госдума, 2016 г.	54,20	13,14	13,34	6,22	
Президент, 2018 г.	76,69	5,65	11,77		Путин, Жириновский, Грудинин

Составлено автором на основе данных ЦИК РФ.

Как видно из табл. 1, по итогам голосования Путин получил поддержку 76,69% избирателей, что на 22,5% больше, чем ЕР двумя годами ранее. Грудинин набрал 11,77%, всего на 1,6% меньше, чем КПРФ в 2016 г. Жириновский на этом фоне выступил наименее удачно, получив 5,65% голосов, в

два с лишним раза меньше, чем его партия. Примечательно, что примерно такое же соотношение голосования на парламентских и президентских выборах было и в электоральном цикле 2011–2012 гг.

Эмпирические данные и переменные

Единицами наблюдения в исследовании стали муниципальные образования (МО) «верхнего уровня» – городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР). Без Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма и Севастополя всего в стране в 2016–2018 гг. было 2326 ГО и МР. Данные по итогам голосования за партии/кандидатов были взяты в разрезе территориальных избирательных комиссий (ТИК) из официальной базы ЦИК РФ¹. В нескольких небольших МО в 2016–2018 гг. ТИК не создавались, а их территория присоединялась к соседней ТИК. Поскольку все они небольшие по численности, это не могло существенно повлиять на электоральную статистику, но из анализа эти МО (10 единиц) пришлось исключить. В больших МО (чаще всего в столичных городах), напротив, создаются несколько ТИК, поэтому результаты голосования по ним суммировались на уровень МО.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что электоральное поведение в современной России наиболее успешно объясняется двумя теоретическими моделями. «Мобилизационная модель» основывается на том, что часть избирателей голосует под влиянием непрограммной электоральной мобилизации, которую производят политические машины. Согласно имеющимся исследованиям, наиболее восприимчивы к таким формам мобилизации относительно бедные категории населения (Jensen, Justesen 2014; Schaffer 2007), а также сообщества, для которых характерна высокая плотность социальных связей, такие как сельские поселения и этнические меньшинства. В сельской местности жители сосредоточены в одном физическом пространстве, что делает социальные взаимодействия более плотными (Ravanilla et al. 2022). У этнических меньшинств плотность социальных связей усиливается особой языковой, религиозной и прочей идентичностью (Minaeva, Panov 2020). Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет лишь о тенденциях, вытекающих из специфики структуры социальных взаимодействий, а отнюдь не о политических ориентациях этих категорий населения как таковых. И обе тенденции находят эмпирическое подтверждение: доли сельского населения и этнических меньшинств оказываются значимыми факторами голосования за партию власти (Saikkonen 2016; White, Saikkonen 2017).

Вместе с тем очевидно, что далеко не все избиратели подвергаются воздействию политических машин. Поэтому вторая логика объяснения – «оценивающее голосование» (performance voting), которое является рафинированной версией модели «экономического голосования»: избиратели

¹ Информация о выборах и референдумах // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 21.05.2023).

оценивают партию власти/кандидата власти с точки зрения своего благосостояния («эгоцентрическое голосование») либо с позиций общего блага, то есть развития страны или отдельных территорий («социотропное голосование») (Щербак и др. 2013; Hobolt et al. 2013).

Исходя из этого, в качестве независимых переменных были выбраны несколько характеристик МО:

1) доля сельского населения в составе МО (*селнас*)²;

2) доля этнических меньшинств в населении МО (*нерус.*)³;

3) уровень благосостояния жителей. В качестве аппроксимации использован такой показатель официальной статистики, как среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2017 г.⁴ Но поскольку уровень зарплат (*зн*) сильно зависит от уровня цен, а они существенно различаются в кросстерриториальном измерении, зарплата в МО была взвешена аналогичным показателем в субъектах РФ⁵ и рассчитана в процентах. Поэтому переменная *зн* принимает значения более 100%, если средние зарплаты в МО выше средних в регионе, то есть муниципалитет относительно благополучный, и менее 100%, если жители муниципалитета относительно бедные;

4) состояние экономики муниципалитета. Из разнообразных показателей, имеющих в официальной статистике, была взята среднесписочная численность работников организаций⁶ и рассчитан процентный рост численности занятых в 2017 г. по сравнению с 2013 г. (*занятость*). Более высокие значения указывают на более благополучную динамику экономики в муниципалитете.

Первые два показателя соответствуют «мобилизационной модели»: сельский и нерусский сегменты электората более чувствительны к электоральной мобилизации и, соответственно, более склонны голосовать за партию власти/кандидата власти. Последний индикатор соответствует «оценивающему голосованию»: за партию власти/ее кандидата должны лучше голосовать в благополучных муниципалитетах. Третий показатель может быть истолкован в логике как «мобилизационной», так и «оценивающей» модели, и интерпретации будут противоположные, поэтому только эмпи-

²База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 21.05.2023).

³Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 21.05.2023).

⁴База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 21.05.2023).

⁵Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

⁶База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 21.05.2023).

рическое исследование позволяет ответить на вопрос, какая из них больше соответствует действительности.

Кроме того, в исследование включены несколько независимых переменных регионального уровня. Регионы России существенно различаются с точки зрения политического режима (Гайворонский 2015; Saikkonen 2016). По классификации М. Говарда и Ф. Ресслера (Howard, Roessler 2006) их можно расположить в континууме от гегемонистского до конкурентного авторитаризма. Для измерения конкурентности режима взяты результаты выборов региональных парламентов в 2013–2017 гг. Как представляется, региональные выборы более точно характеризуют специфику регионального политического режима, так как позволяют учесть не только итоги голосования по партийным спискам (через эффективные числа партий), но и степень конкурентности в мажоритарных округах (через долю конкурентных округов) (Ross, Panov 2019). Эти два показателя были совмещены и закодированы в ранговую шкалу от 1 (наиболее жесткий авторитаризм) до 10 (наиболее конкурентный авторитаризм). Помимо этого, были взяты три переменные, которые характеризуют основные социально-экономические параметры региона: 1) уровень бедности, то есть доля населения региона (в процентах) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума); 2) валовый региональный продукт на душу населения (ВРП-дн) (в тыс. руб.); 3) доля федеральных трансфертов в региональном бюджете (в процентах)⁷.

С учетом того, что с 2010 по 2018 г. в стране имели место преобразования территориальной организации местного самоуправления (в 2010 г. было 2341 МР/ГО), при извлечении данных из первоисточников единицы наблюдения (МР/ГО) были тщательно сопоставлены и при необходимости трансформированы. Если, например, имело место слияние двух муниципалитетов, данные за период до слияния в этих муниципалитетах суммировались. По закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО) социально-экономическая статистика, как правило, отсутствует, поэтому 41 ЗАТО были исключены из анализа, как и муниципалитеты Мордовии, где обнаружили серьезные пробелы в социально-экономической статистике.

Поскольку на результаты выборов в разрезе МО существенно влияет специфика регионов, анализ данных проводился методом многоуровневой регрессии, где регионы являются наблюдениями второго уровня. Из-за слишком малого количества МО как единиц наблюдения первого уровня четыре региона – Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Республика Ингушетия – были исключены из анализа. Всего в итоговой датасете содержится 2229 единиц наблюдения первого уровня (МР/ГО) в 76 субъектах РФ как наблюдениях второго уровня.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

Описательная статистика переменных по наблюдениям первого уровня представлена в табл. 2.

Таблица 2. Описательная статистика (N = 2229)

	Минимум	Максимум	Диапазон	Среднее	Стандартное отклонение
ЕР	25,42	99,47	74,05	54,41	15,87
ЛДПР	0,00	38,09	38,09	15,17	7,36
КПРФ	0,00	36,61	36,61	13,88	5,66
СР	0,00	30,75	30,75	5,34	4,30
Путин	53,38	99,52	46,14	77,08	7,40
Жириновский	0,00	15,92	15,92	6,54	2,74
Грудинин	0,20	39,89	39,69	12,27	5,13
Нерус.	0,62	99,99	99,37	22,81	28,81
Селнас.	0,00	100,00	100,00	57,06	37,12
Занятость	-53,32	106,70	160,02	-8,95	12,62
Зп	54,08	224,23	170,15	90,93	21,18

Рассчитано автором на основе данных ЦИК РФ и Росстата.

Таким образом, сравнив направление и силу воздействия независимых переменных на голосование за партию на парламентских и за ее кандидата на президентских выборах, можно косвенно определить, в какой мере разные сегменты электората (сельское население, этнические меньшинства, относительно богатые или бедные слои населения) меняют свои предпочтения, а также ответить на вопрос, как это соотносится с аффилированностью кандидатов на президентских выборах с их партиями.

Результаты анализа

Чтобы учесть влияние регионов как единиц наблюдения второго уровня, были построены многоуровневые регрессионные модели с фиксированным и случайным (между регионами) интерсептом. Результаты моделей с случайным интерсептом содержатся в табл. 3 (для итогов голосования за четыре партии на выборах Госдумы 2016 г.) и табл. 4 (для итогов голосования за трех кандидатов на президентских выборах 2018 г.). Для каждой партии/кандидата представлены две модели: в первую включены только переменные муниципального уровня, во вторую добавлены переменные регионального уровня.

Результаты регрессии с случайным эффектом интерсепта указывают на существенные различия в воздействии предикторов на итоги голосования не только между партией власти и системной оппозицией, но и между оппозиционными партиями. С одной стороны, они подтверждают эффект непрограммной электоральной мобилизации и деятельности политических машин, в результате которого доля этнических меньшинств и сельских жителей в населении муниципалитетов, а также более низкий

Таблица 3. Регрессионные модели: выборы в Государственную Думу РФ 2016 г.

	EP		ЛДПР		КПРФ		СР	
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Constant	51,303*** (1,690)	63,732*** (3,830)	17,260*** (0,765)	10,245*** (1,873)	16,306*** (0,723)	14,195*** (1,904)	4,981*** (0,507)	4,090*** (1,384)
Муниципальный уровень: фиксированные эффекты								
Нерус.	0,098*** (0,012)	0,092*** (0,012)	-0,104*** (0,006)	-0,102*** (0,006)	-0,007 (0,006)	-0,005 (0,006)	0,013*** (0,004)	0,015*** (0,004)
Селнас	0,087*** (0,005)	0,087*** (0,005)	-0,006*** (0,002)	-0,010*** (0,002)	-0,024*** (0,003)	-0,024*** (0,003)	-0,027*** (0,002)	-0,028*** (0,002)
Занятость	0,063*** (0,013)	0,061*** (0,013)	-0,012* (0,006)	-0,011* (0,006)	-0,024*** (0,007)	-0,023*** (0,007)	-0,016*** (0,005)	-0,015*** (0,005)
Зп	-0,035*** (0,008)	-0,035*** (0,008)	0,008** (0,004)	0,008** (0,004)	-0,012*** (0,004)	-0,012*** (0,004)	0,014*** (0,003)	0,014*** (0,003)
Региональный уровень: фиксированные эффекты								
Бедность	-0,238 (0,244)	-0,238 (0,244)	0,182 (0,119)	0,182 (0,119)	0,149 (0,121)	0,149 (0,121)	-0,319 (0,088)	-0,319 (0,088)
ВРП-дн	0,002 (0,002)	0,002 (0,002)	0,002* (0,001)	0,002* (0,001)	-0,003** (0,001)	-0,003** (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,001 (0,001)
Трансферты	0,187** (0,073)	0,187** (0,073)	-0,073** (0,036)	-0,073** (0,036)	-0,061* (0,036)	-0,061* (0,036)	-0,024 (0,026)	-0,024 (0,026)
Режим	-3,552*** (0,410)	-3,552*** (0,410)	1,304*** (0,201)	1,304*** (0,201)	0,640*** (0,203)	0,640*** (0,203)	0,545*** (0,148)	0,545*** (0,148)
Параметры случайного интерсепта между регионами								
Интерсепт (var)	142,63	59,50	27,13	14,27	19,28	14,53	9,61	7,4
ICC	0,74	0,55	0,70	0,56	0,59	0,52	0,59	0,54
Оценки модели								
N	2229	2229	2229	2229	2229	2229	2229	2229
Likelihood Ratio Test	-2575,414***	-2640,740***	-2227,756***	-2275,471***	-1489,138***	-1509,822***	-1863,464***	-1880,038***
AIC	15340,216	15282,891	12083,850	12044,134	12416,069	12403,384	10813,468	10804,894
Sig.								

*p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01

Рассчитано автором на основе данных ЦИК РФ и Росстата.

Таблица 4. Регрессионные модели: выборы Президента РФ 2018 г.

	В.В. Путин		В.В. Жириновский		П.Н. Грудинин	
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Constant	75,869*** (0,857)	80,851*** (2,121)	7,692*** (0,288)	5,503*** (0,781)	13,128*** (0,636)	10,463*** (1,659)
Муниципальный уровень: фиксированные эффекты						
Нерус.	0,039*** (0,006)	0,035*** (0,006)	-0,044*** (0,002)	-0,044*** (0,002)	0,008 (0,005)	0,011*** (0,005)
Селнас	0,031*** (0,003)	0,031*** (0,003)	0,001 (0,001)	0,001 (0,001)	-0,020*** (0,002)	-0,020*** (0,002)
Занятость	0,027*** (0,007)	0,026*** (0,007)	-0,004* (0,002)	-0,004* (0,002)	-0,018*** (0,006)	-0,018*** (0,006)
Зп	-0,011*** (0,005)	-0,011*** (0,005)	-0,002* (0,002)	-0,002* (0,002)	-0,004 (0,004)	-0,004 (0,004)
Региональный уровень: фиксированные эффекты						
Бедность		-0,059 (0,135)		0,068 (0,050)		0,021 (0,105)
ВРП-дн		0,001 (0,001)		0,001 (0,000)		-0,001 (0,001)
Трансферты		0,072* (0,041)		-0,027* (0,015)		-0,037 (0,032)
Режим		-1,560*** (0,227)		0,396*** (0,084)		0,942*** (0,178)
Параметры случайного интерсепта между регионами						
Интерсепт (var)	33,82	18,31	3,77	2,52	16,72	11,16
ICC	0,70	0,56	0,69	0,60	0,64	0,55
Оценки модели						
N	2229	2229	2229	2229	2229	2229
Likelihood Ratio Test	-2219,699***	-2265,281***	-2067,832***	-2097,577***	-1954,801***	-1984,973***
AIC	12611,392	12573,810	7777,762	7756,018	11585,080	11562,908
Sig.						

*p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01

Рассчитано автором на основе данных ЦИК РФ и Росстата.

уровень жизни позитивно влияют на голосование за ЕР и негативно за партии оппозиции. При этом следует отметить, что включение в модели рандомного интерсепта позволило учесть специфику регионов и получить более точные оценки коэффициентов этих предикторов, то есть силы их влияния на результаты партий. В большинстве случаев у всех партий они существенно уменьшились. Например, в модели с фиксированными эффектами увеличение доли нерусских на 1 % повышает долю голосов за ЕР на 0,24%, а в модели с рандомным – только на 0,10%. Исключением является предиктор *селнас*, сила воздействия которого, наоборот, заметно возросла, особенно у КПрФ (в два раза).

С другой стороны, мы обнаруживаем явную специфику голосования за оппозиционные партии. Предиктор *нерус* имеет статистическую значимость только у ЛДПР, у КПрФ при рандомном эффекте интерсепта он потерял значимость, а у СР даже поменял знак. Иначе говоря, существенное негативное влияние доля нерусских оказывает только на голосование за ЛДПР. У КПрФ предиктор *зн*, в отличие от других оппозиционных партий, имеет такой же знак, как у ЕР, причем его значение стало статистически значимым именно в модели с рандомным эффектом. Таким образом, КПрФ – единственная оппозиционная партия, на которую относительная бедность жителей территории влияет положительно. Вероятно, именно она рассматривается избирателями как левая партия.

Следует также обратить внимание на противоположное воздействие предикторов *зн* и *занятость*. Последняя оказывает положительное влияние на голосование за ЕР и отрицательное – за оппозиционные партии. Как представляется, это отражает комплексность факторов, влияющих на голосование. Предиктор *зн* говорит, скорее, об индивидуальном уровне благосостояния, и позитивное воздействие относительно низких зарплат на поддержку партии власти объясняется «мобилизационным голосованием». Муниципалитеты с более высокой заработной платой менее восприимчивы к непрограммной мобилизации и больше голосуют за оппозицию (кроме КПрФ). Предиктор *занятость* отражает состояние экономики муниципалитета в целом, и его позитивное влияние на голосование за ЕР указывает на то, что относительно благоприятную динамику развития муниципалитета в целом избиратели ставят в заслугу партии власти («оценивающее голосование»).

Наконец, необходимо отметить весьма высокое значение коэффициента внутриклассовой корреляции (Intraclass Correlation Coefficient, ICC), который говорит о том, что 60–70% вариаций объясняется именно кроссрегиональными различиями, а не спецификой муниципалитетов. Между тем при добавлении в модели региональных предикторов значения ICC снижаются до примерно 55%, значения муниципальных переменных практически не меняются, а общие оценки моделей (Likelihood Ratio Test) несколько улучшаются. Кроме того, добавление региональных предикторов позволило понять, какие именно характеристики регионов оказывают воздействие на итоги голосования. Из четырех переменных регионального уровня наиболее важным, что вполне ожидаемо, является *режим*. Повышение степени

конкурентности регионального режима на один ранг снижает долю голосов за ЕР примерно на 3,5% и дает прирост всем партиям системной оппозиции, особенно ЛДПР (1,3%). Из других региональных переменных существенное влияние оказывает доля федеральных трансфертов в бюджетах регионов. Они позитивно влияют на голосование за ЕР и негативно за оппозицию, и это соответствует выявленной многими авторами взаимосвязи между финансовой зависимостью регионов от центра и их лояльностью в отношении партии власти (Маркес и др. 2013; Sharafutdinova, Turovsky 2017; Turovsky, Gaivoronsky 2017). Примечательно, что из партий системной оппозиции коэффициенты предиктора *трансферты* не имеют статистической значимости именно у СР – партии, которая была создана Кремлем и до сих пор воспринимается как наиболее близкая к нему (Gel'man 2008).

Результаты регрессионных моделей для президентских выборов 2018 г. показывают, что у Путина коэффициенты всех переменных сохранили направление влияния и статистическую значимость, но по сравнению с голосованием за ЕР на выборах 2016 г. их значения упали примерно в 2–3 раза. Так, если на парламентских выборах возрастание доли нерусских в населении МО на 1% увеличивало долю голосов за ЕР на 0,10%, то в 2018 г. доля голосов за Путина повышается только на 0,04%. То же самое происходит в отношении всех остальных предикторов – как муниципальных, так и региональных: *селнас* – соответственно 0,09 и 0,03; *зн* – -0,04 и -0,01; *занятость* – 0,06 и 0,03; *режим* – -3,55 и -1,56; *трансферты* – 0,187 и 0,072. Таким образом, взаимосвязи между социально-экономическими характеристиками муниципалитетов/регионов и голосованием за партию власти сохраняются и на президентских выборах. Об этом свидетельствует и высокая корреляция между итогами голосования за ЕР и Путина (0,838^{**}). Вместе с тем снижение силы воздействия социально-экономических характеристик муниципалитетов/регионов говорит о том, что по сравнению с голосованием за партию власти специфика голосования за кандидата власти размывается, нивелируется, причем примерно в равной степени во всех сегментах электората. Иначе говоря, более высокая поддержка инкумбента, чем ЕР, основана на том, что и русские, и городские жители, и относительно богатые категории населения примерно в равной степени меняют свои предпочтения, голосуя на президентских выборах.

Похожая картина наблюдается в моделях с голосованием за Жириновского. Как уже отмечалось, из всех оппозиционных партий предиктор *нерус.* значим именно для ЛДПР, и это сохраняется на президентских выборах. Если на голосование за Грудинина, как и за КПРФ, он не оказывает статистически значимого влияния, то на голосование за Жириновского оказывает, правда сила его воздействия в 2 раза ниже, чем в моделях с ЛДПР в 2016 г. Увеличение доли нерусских в населении муниципалитета на 1% уменьшало долю голосов за ЛДПР на 0,10%, а за Жириновского только на 0,04%. Коэффициенты других предикторов в модели с Жириновским по сравнению с ЛДПР тоже снизились, причем значимость коэффициентов *занятость*, *зн* и *селнас* упала ниже уровня 0,05; при добавлении региональных предикторов они вообще потеряли статистическую значимость. Из региональных пре-

дикторов сохранили влияние *режим* и *трансферты*, но сила их воздействия вновь в 2–3 раза слабее, чем в моделях с ЛДПР. Таким образом, основная специфика голосования за ЛДПР (этнический состав населения МО) сохранилась и на президентских выборах, но степень ее воздействия снизилась, а те параметры муниципалитетов, которые и на парламентских выборах имели относительно слабое влияние, на президентских вообще потеряли значимость. Иными словами, Жириновский потерял поддержку более чем половины избирателей, голосовавших за ЛДПР в 2016 г., но эта потеря достаточно равномерно затронула разные сегменты партийного электората. Неслучайно коэффициент корреляции между голосованием за ЛДПР и за Жириновского даже несколько выше, чем в случае ЕР и Путина (0,854**).

Отличие от Путина и Жириновского, у Грудина значения предикторов *занятость* и *селнас* снизились незначительно по сравнению с КПрФ. Из региональных предикторов остался статистически значимым только *режим*, причем сила его воздействия даже выросла по сравнению с тем, что было у КПрФ на выборах 2016 г. Вместе с тем у Грудина принципиально изменились значения коэффициентов *зн*, то есть именно того предиктора, влияние которого как раз и отличало КПрФ от других оппозиционных партий на парламентских выборах. В 2016 г. более бедные голосовали не только за ЕР, но и за КПрФ. В 2018 г. этот предиктор вообще оказался незначимым. Резонно предположить, что это связано с персональными характеристиками кандидата. Грудин, успешный предприниматель и директор ЗАО «Совхоз имени Ленина», никогда не был партийным функционером, а до 2010 г. даже состоял в ЕР, так что его ассоциация с партией намного слабее, чем у Путина и Жириновского. Имидж крепкого хозяйственника-агрария и зажиточного бизнесмена, судя по всему, не был позитивно воспринят теми относительно бедными избирателями, которые склонны голосовать за КПрФ как левую партию. При этом, несмотря на явную ассоциацию Грудина с селом, отрицательное значение коэффициента предиктора *селнас* у него не снизилось по сравнению с КПрФ. И, наоборот, в положительную сторону изменилось влияние предиктора *нерус.*, что не характерно для КПрФ. Вероятно, это связано с тем, что «Грудин не воспринимался в качестве типичного коммунистического кандидата», его электорат «лишь отчасти совпадал с электоратом КПрФ, но преимущественно был другим, ситуативно сложившимся» (Туровский 2018: 38). Таким образом, в случае Грудина мы видим, что слабая аффилированность с партией ведет к тому, что разные сегменты электората неравномерно реагируют на кандидата своей партии на президентских выборах. Примечательно, что коэффициент корреляции между поддержкой КПрФ и Грудина существенно ниже, чем в предыдущих случаях (0,604**).

Заключение

Исследование показывает, что на парламентских выборах в России достаточно отчетливо выражена не только линия «власть *versus* оппозиция», но и специфика голосования за разные оппозиционные партии. При этом

наблюдается сложное и в некоторой степени противоречивое влияние «мобилизационного» и «оценивающего» типов голосования. Второе выражено в меньшей степени, но оно прослеживается в том, что в 2016 г. более бедные сегменты электората голосовали не только «мобилизационно» в пользу партии власти, но и «оценивающе» за КПрФ как левую в массовом восприятии партию. И, наоборот, более благополучные муниципалитеты в большей мере голосовали за партию власти.

На президентских выборах эти тенденции размываются. Специфика атрибуции ответственности в России такова, что инкубент прочно ассоциируется в массовом сознании с успехами и достижениями, тогда как вина за проблемы и неудачи возлагается на партию власти. Поэтому на президентских выборах инкубент получает существенно больше голосов избирателей, а другие кандидаты – существенно меньше, чем их партии на парламентских. При этом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что консолидация избирателей вокруг инкубента примерно в одинаковой мере затрагивает разные сегменты электората. И этнические категории избирателей (под углом зрения русские/нерусские), и городские/сельские жители, и относительно богатые/бедные слои населения примерно в равной степени меняют свои предпочтения, голосуя больше за Путина, чем за ЕР, несмотря на то что на выборы 2018 г. Путин шел как самовыдвиженец, дистанцируясь от партии власти. Таким образом, применительно к инкубенту более значимым оказывается объяснение, связанное с концепцией выборов первого и второго порядка: значительная часть избирателей делает персональный и «стратегический» выбор, не фокусируясь на текущей ситуации.

Что касается оппозиционных кандидатов, здесь на первый план выходит степень аффилированности кандидата с партией. Высокая аффилированность, как в случае ЛДПР, способствует устойчивости разных сегментов партийного электората даже тогда, когда уровень поддержки кандидата снижается по сравнению с поддержкой партии. Иначе говоря, потеря кандидатом голосов примерно в одинаковой мере затрагивает разные сегменты партийного электората, то есть его специфика («более русский» электорат у ЛДПР) на президентских выборах нивелируется, но сохраняется. Применительно к КПрФ обнаруживается иная картина. Низкая аффилированность кандидата с партией привела к тому, что разные сегменты электората неравномерно поменяли свои предпочтения. Грудинин в значительной мере потерял поддержку бедных слоев населения по сравнению с партией в 2016 г., но получил больше голосов в других сегментах электората.

Можно сделать вывод, что для объяснения различий в результатах партий и их кандидатов на парламентских и президентских выборах 2016–2018 гг. в России оказалась уместной комбинация двух теоретических рамок. Если рассматривать разницу результатов по линии «власть *versus* оппозиция» в целом, она лучше объясняется теорией выборов первого и второго порядка; если же сравнивать разницу результатов между отдельными оппозиционными партиями, на первый план выходит степень аффилированности кандидата с партией. Данный вывод не следует рассматривать как

некую общую закономерность в различиях результатов президентских и парламентских выборов, однако можно предположить, что такая объяснительная модель может быть применима для выборов в стабильных и консолидированных персоналистских режимах. Проверка этого предположения требует дальнейших исследований с привлечением дополнительных эмпирических материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гайворонский Ю.О. 2015. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // *Полития*. № 2. С. 21-37. DOI 10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37

Зазнаев О.И. 2006. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань : Казанский государственный университет. 374 с.

Маркаров А.А. 2014. Полупрезидентская система: содержание понятия и основные характеристики // *Политическая наука*. № 1. С. 34-50.

Маркес И., Назруллаева Е.Ю., Яковлев А.А. 2013. Деньги вместо роста: межбюджетные трансферты и электоральная поддержка в России, 2001–2008. Москва : Издательский дом ВШЭ. 44 с.

Семенов А.В., Шевцова И.К. 2019. Президентизм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // *Политическая наука*. № 4. С. 195-215. DOI 10.31249/poln/2019.04.07

Туровский Р.Ф. 2018. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // *Полития*. № 2. С. 23-50. DOI 10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50

Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А. 2013. Экономическое голосование на выборах 2011–2012 гг. // *Вестник Пермского университета. Политология*. № 4. С. 168-183.

Banfield E., Wilson J. 1965. *City Politics*. Cambridge : Harvard University Press. 362 p.

Cain B.E., Ferejohn J.A., Fiorina M.P. 1987. *The Personal Vote. Constituency Service and Electoral Independence*. Cambridge ; London : Harvard University Press. 268 p.

Carey J.M., Shugart M.S. 1995. Incentives to Cultivate a Personal Vote: A Rank Ordering of Electoral Formulas // *Electoral Studies*. Vol. 14, iss. 4. P. 417-439. DOI 0261-3794(94)00035-2

Gel'man V. 2008. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60, iss. 6. P. 913-930. DOI 10.1080/09668130802161165

Hobolt S., Tilley J., Banducci S. 2013. Clarity of Responsibility: How Government Cohesion Conditions Performance Voting // *European Journal of Political Research*. Vol. 52, iss. 2. P. 164-187. DOI 10.1111/j.1475-6765.2012.02072.x

Howard M., Roessler P. 2006. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. Vol. 50, iss. 2. P. 365-381. DOI 10.1111/j.1540-5907.2006.00189.x

Hutcheson D., Petersson B. 2016. Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68, iss. 7. P. 1107-1126. DOI 10.1080/09668136.2016.1216949

Jensen P., Justesen M. 2014. Poverty and Vote Buying: Survey-Based Evidence from Africa // *Electoral Studies*. Vol. 33, iss. 1. P. 220-232. DOI 10.1016/j.electstud.2013.07.020

Kawai K., Watanabe Y. 2013. Inferring Strategic Voting // *American Economic Review*. Vol. 103, iss. 2. P. 624-662. DOI 10.1257/aer.103.2.624

Minaeva E., Panov P. 2020. Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for United Russia // *Russian Politics*. Vol. 5, iss. 2. P. 131-153. DOI 10.30965/24518921-00502001

Ravanilla N., Haim D., Hicken A. 2022. Brokers, Social Networks, Reciprocity and Strategies of Clientelism // *American Journal of Political Science*. Vol. 66, iss. 4. P. 795-812. DOI 10.1111/ajps.12604

Reif K., Schmitt H. 1980. Nine Second-Order National Elections – A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Result // *European Journal of Political Research*. Vol. 8, iss. 1. P. 3-44. DOI 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x

Ross C., Panov P. 2019. The Range and Limitation of Sub-National Variations under Electoral Authoritarianism: The Case of Russia // *Regional & Federal Studies*. Vol. 29, iss. 3. P. 355-380. DOI 10.1080/13597566.2018.1530221

Saikkonen I. 2016. Variation in Subnational Electoral Authoritarianism: Evidence from the Russian Federation // *Democratization*. Vol. 23, iss. 3. P. 437-458. DOI 10.1080/13510347.2014.975693

Schaffer F.C. 2007. How Effective is Voter Education? // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / ed. by F.C. Schaffer. Boulder : Lynne Rienner Publishers. P. 223-252.

Scott J. 1969. Corruption, Machine Politics, and Political Change // *American Political Science Review*. Vol. 63, iss. 4. P. 1142-1158.

Sharafutdinova G., Turovsky R. 2017. The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33, iss. 2. P. 161-175. DOI 10.1080/1060586X.2016.1163826

Sirotkina E., Zavadskaya M. 2020. When the Party's Over: Political Blame Attribution Under an Electoral Authoritarian Regime // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36, iss. 1. P. 37-60. DOI 10.1080/1060586X.2019.1639386

Turovsky R., Gaivoronsky Yu. 2017. Russia's Regions as Winners and Losers: Political Motives and Outcomes in the Distribution of Federal Government Transfers // *European Politics and Society*. Vol. 18, iss. 4. P. 529-551. DOI 10.1080/23745118.2017.1286312

White A., Saikkonen I. 2017. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // *Ethnopolitics*. Vol. 16, iss. 5. P. 450-470. DOI 10.1080/17449057.2016.1221186

References

Banfield E., Wilson J. *City Politics*, Cambridge, Harvard University Press, 1965, 362 p.
Cain B.E., Ferejohn J.A., Fiorina M.P. *The Personal Vote. Constituency Service and Electoral Independence*, Cambridge & London, Harvard University Press, 1987, 268 p.

Carey J.M., Shugart M.S. Incentives to Cultivate a Personal Vote: A Rank Ordering of Electoral Formulas, *Electoral Studies*, 1995, vol. 14, no. 4. pp. 417-439. DOI 0261-3794(94)00035-2

Gajvoronsky Yu.O. Regional Political Regimes in Russia: Conceptual Innovations and Measurement Possibilities, *Politiya* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2015, no. 2, pp. 21-37. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37

Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy, *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60, no. 6, pp. 913-930. DOI 10.1080/09668130802161165

Hobolt S., Tilley J., Banducci S. Clarity of Responsibility: How Government Cohesion Conditions Performance Voting, *European Journal of Political Research*, 2013, vol. 52, no. 2, pp. 164-187. DOI 10.1111/j.1475-6765.2012.02072.x

Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes, *American Journal of Political Science*, 2006, vol. 50, no. 2, pp. 365-381. DOI 10.1111/j.1540-5907.2006.00189.x

Hutcheson D., Petersson B. Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia, *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, no. 7, pp. 1107-1126. DOI 10.1080/09668136.2016.1216949

Jensen P., Justesen M. Poverty and Vote Buying: Survey-Based Evidence from Africa, *Electoral Studies*, 2014, vol. 33, no. 1, pp. 220-232. DOI 10.1016/j.electstud.2013.07.020

Kawai K., Watanabe Y. Inferring Strategic Voting, *American Economic Review*, 2013, vol. 103, no. 2, pp. 624-662. DOI 10.1257/aer.103.2.624

Markarov A.A. Semi-Presidential Systems: Concept Definition and Main Features, *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2014, no. 1, pp. 34-50. (In Russ.).

Marques I., Nazrullaeva, E.Yu., Yakovlev A.A. *Substituting Growth for Money: Intergovernmental Transfers and Electoral Support in the Russian Federation, 2000-2008*, Moscow, Izdatel'skiy dom VSHE, 2013, 44 p. (In Russ.).

Minaeva E., Panov P. Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for United Russia, *Russian Politics*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 131-153. DOI 10.30965/24518921-00502001

Ravanilla N., Haim D., Hicken A. Brokers, Social Networks, Reciprocity and Strategies of Clientelism, *American Journal of Political Science*, 2022, vol. 66, no. 4, pp. 795-812. DOI 10.1111/ajps.12604

Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections – A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Result, *European Journal of Political Research*, 1980, vol. 8, no. 1, pp. 3-44. DOI 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x

Ross C., Panov P. The Range and Limitation of Sub-National Variations under Electoral Authoritarianism: The Case of Russia, *Regional & Federal Studies*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 355-380. DOI 10.1080/13597566.2018.1530221

Saikkonen I. Variation in Subnational Electoral Authoritarianism: Evidence from the Russian Federation, *Democratization*, 2016, vol. 23, no. 3, pp. 437-458. DOI 10.1080/13510347.2014.975693

Schaffer F.C. How Effective is Voter Education? *Schaffer F.C. (ed.) Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying*, Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2007, pp. 223-252.

Scott J. Corruption, Machine Politics, and Political Change, *American Political Science Review*, 1969, vol. 63, no. 4, pp. 1142-1158.

Semenov A.V., Shevtcova I.K. Presidentialism and Responsibility Attribution for Economic Hardships in Russia, *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2019, no. 4, pp. 195-215. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2019.04.07

Sharafutdinova G., Turovsky R. The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities, *Post-Soviet Affairs*, 2017, vol. 33, no. 2, pp. 161-175. DOI 10.1080/1060586X.2016.1163826

Shcherbak A.N., Sennikov E.V., Lisovsky T.A. Economic Voting at the Elections of 2011-2012, *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2013, no. 4, pp. 168-183. (In Russ.).

Sirotkina E., Zavadskaya M. When the Party's Over: Political Blame Attribution Under an Electoral Authoritarian Regime, *Post-Soviet Affairs*, 2020, vol. 36, no. 1, pp. 37-60. DOI 10.1080/1060586X.2019.1639386

Turovsky R. Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation, *Politiya* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and

Sociology of Politics Politeia], 2018, no. 2, pp. 23-50. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50

Turovsky R., Gaivoronsky Yu. Russia's Regions as Winners and Losers: Political Motives and Outcomes in the Distribution of Federal Government Transfers, *European Politics and Society*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 529-551. DOI 10.1080/23745118.2017.1286312

White A., Saikkonen I. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections, *Ethnopolitics*, 2017, vol. 16, no. 5, pp. 450-470. DOI 10.1080/17449057.2016.1221186

Zaznaev O.I. *Semi-Presidential System: Theoretical and Applied Aspects*, Kazan, Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2006, 374 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петр Вячеславович Панов

доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь, Россия;

ORCID: 0000-0002-0759-7618;

ResearcherID: O-2160-2016;

Scopus AuthorID: 36094686300;

SPIN-код: 1739-3478;

E-mail: panov.petr@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr V. Panov

Doctor of Political Science, Chief Researcher, Research Department of Political Institutions and Processes, Institute for Humanitarian Studies – the Branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia;

ORCID: 0000-0002-0759-7618;

ResearcherID: O-2160-2016;

Scopus AuthorID: 36094686300;

SPIN-code: 1739-3478;

E-mail: panov.petr@gmail.com

Книжная полка новые книги сотрудников Института философии и права УрО РАН

Shared Shelf new books by staff, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS

Кондрашов П.Н. Девять мифов о философии Карла Маркса: от демифологизации к реконструкции изначальных идей. М.: ЛЕНАНД, 2023. 248 с.

В книге предпринята попытка анализа некоторых мифов о философии К. Маркса, то есть достаточно распространенных в тех или иных группах реципиентов искаженных представлений о философских идеях основоположника, которые воспринимаются некритически в качестве истинных, само собой разумеющихся и не требующих верификации, но которые к подлинной философии Маркса либо никакого отношения не имеют, либо выставляют ее в ложном свете. К таким мифам относятся ложные положения о том, что у К. Маркса нет своей собственной оригинальной философии, а если таковую и находят, то она, якобы, состоит из диамата и истмата и сущностно тождественна с философскими взглядами Ф. Энгельса; что философия Маркса – это антигуманизм, в котором нет места для человека, личности, что она – проповедь самого грубого материализма в смысле неограниченного гедонизма; наконец, что Маркс был прометеанским мыслителем, которого совершенно не заботили вопросы сохранения природы для будущих поколений. Автор детально анализирует каждый миф, затем демифологизирует его посредством обращения к текстам самого Маркса, а также реконструирует те изначальные, оригинальные идеи К. Маркса, которые были мифологизированы. Книга предназначена для философов, социологов, политологов, историков, а также всех тех, кто интересуется философским наследием К. Маркса, историей марксизма и историей идей.

Оболкина С.В. Кибердизайн реальности в условиях философской «революционной ситуации». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 214 с.

Монография посвящена современной футурологии и потребности современного человека в глобальном обновлении. Предлагается философская

концепция дизайна реальности. С ее помощью анализируется потенциал основных футуральных идей, мифологем и концептов. Автор высказывает сомнение в том, что основной футурологический тренд – трансгуманизм – способен предложить действительно новые композиционные принципы реальности. «Техноутопический мемплекс» в трансгуманистическом изводе связан с функционированием очень старой «Машины выживания», причем в условиях цифровой культуры эта Машина делает человека элементом собственного существования. Однако саму связь машины и человека, как и активного развития техники, не отменить. Серьезное внимание в монографии уделяется Киборгу как мифологеме и топосу. Автор показывает, что популярность этой футуральной фигуры свидетельствует вовсе не о том, что идеи постчеловека, приоритета искусственного интеллекта, универсального (глобального) будущего – это уже случившийся выбор культуры. Наоборот, Киборг выступает фигурой сохранения и актуализации специфично человеческой природы и уникальных социокультурных образований. А категории «виртус», «виртуальность», феномены геймера-виртуоза и «странных» компьютерных игр, рассмотренные в контексте онтологической проблематики, позволяют надеяться на обретение такого «дизайна будущего», которое не сводилось бы к декорированию старой «Машины выживания».

Шавеко Н.А. Нормативные проблемы современной демократической теории. М.: Проспект, 2023. 288 с.

Монография посвящена основным нормативным вопросам, возникающим в современной теории демократии. Автор сравнивает демократический идеал правления с его недемократической альтернативой и приходит к выводу, что демократия далеко не всегда является наилучшей формой правления. Анализирует современные концепции демократии (элитистская, партисипаторная, совещательная и агонистическая) и утверждает, что ни одна из них не может служить базовой нормативной моделью для демократической формы правления. Рассматривает основные институты и механизмы демократии и отстаивает тезис, что институты прямой демократии при всей их амбивалентности содержат в себе нераскрытый потенциал, но институт выборов на сегодняшний день вряд ли может считаться основным и тем более неперенным атрибутом демократического правления. В заключение автор касается ряда практических проблем, создающих угрозу демократии в современном мире, среди которых глобализация, дисбалансы технологического развития, а также всплеск популизма.

Шавеко Н.А. Правда. Социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII века). Историко-философское исследование. М.: Инфра-М, 2022. 159 с.

Монография посвящена представлениям древнерусского человека о религиозно-нравственных и социально-правовых ценностях, связанных со словом «правда». Автор анализирует контекст употребления слова «правда» во множестве исторических источников до XVII в. и на этом основании делается вывод не просто о значениях данного слова, а о наиболее значимых ценностях и идеалах, которые древнерусский человек выражал через соответствующий термин. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей религиозно-нравственных и социально-правовых представлений. Может быть полезна студентам, аспирантам и преподавателям исторических, политологических, философских и юридических факультетов вузов.

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм. В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть заковыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя,

отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и т.д. оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish.

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal

address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 3

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *И.И. Арсентьева*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 14.10.2023 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,7 Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.